

ISSN 2305-5146

***НАУЧНЫЙ ВЕСТ-
НИК***

***ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА***

Серия:

**«Лингвистика и межкультурная
коммуникация»**

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология

УДК 800 : 37

ББК 81

ISSN 2305-5146

Редакционный совет Научного вестника Воронежского ГАСУ:

Борисов Ю.М., д-р техн. наук, проф.

Проскурин Д.К., канд. физ.-мат. наук, доц.;

Рудаков О.Б., д-р хим. наук, проф.;

Суровцев И.С., д-р техн. наук, проф.

Редакционная коллегия серии:

Ковалева Л.В. - д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (главный редактор);

Лапынина Н.Н. - канд. фил. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (зам. главного редактора), Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член РОПРЯЛ;

Кольцова Л.М. - д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка ВГУ, член РОПРЯЛ;

Клобукова Л.П. - д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. Ломоносова, действительный академик Международной академии наук педагогического образования, вице-президент РОПРЯЛ;

Томтогтох Гомбо – д-р Ph.D, проф., ведущий проф. отделения азиатских языков Института прикладной лингвистики Монгольского Государственного Университета науки и технологии (МГУНТ), член МА-ПРЯЛ, член ученого совета МГУНТ, член Ученого совета по защите докторских (Ph.D) диссертаций лингвистических наук;

Оглядыкова Л.Б. - д-р фил. наук, проф. кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета;

Белякова С.М. - д-р фил. наук, проф. кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета;

Коростылева Н.Н. – д-р социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации;

Намакштанская И.Е. – канд. фил. наук, проф., зав. кафедрой прикладной лингвистики и этнологии ДонНАСА;

Бугакова Н.Б. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Воронова Т.А. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Сулемина О.В. – канд. фил. наук, ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (отв.секретарь).

В серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника опубликованы результаты научных исследований учёных, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам лингвистики, методики преподавания языков, литературоведения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, концептологии и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна всем тем, кто интересуется проблемами современной лингвистической науки, межкультурной коммуникации, литературоведением и методикой преподавания языков в вузе и школе.

Адрес редакции:
394006, г. Воронеж, ул.20-летия Октября,

д. 84, комн. 5203
тел: (473) 271-50-48

© Воронежский ГАСУ, 2013

Ковалева Л.В. Вступит	4
------------------------------------	---

Лингвистика

Панкина М.Ф. Широкозначность и полисемия.....	6
Усманова Л.А. Комбинаторная семантика природной лексики пространстве художественного дискурса	12
Намакштанская И.Е., Романова Е.В. Вводные конструкции в текстах поэтических произведений В.С. Высоцкого.....	19
Карасёва Т.В. Фонетические и грамматические диалектные черты в речи жительницы города Елец Липецкой области.....	30
Бугакова Н.Б., Сулемина О.В. Лексика отдельных профессиональных групп (на материале жаргона водителей)	41
Лифенко Л.В. Сочинительный ряд как отражение количественно-качественных отношений в современном русском языке.....	46

Методика преподавания языков

Новикова О.В. Роль диалога в профессионально-ориентированном обучении иностранных студентов..	51
Токарева Т.Н. Проблемы социализации личности и современный образовательный процесс.....	59
Лапынина Н.Н. К вопросу о языковой подготовке иностранных магистрантов инженерно-технического профиля.....	64

Аспекты изучения художественного текста

Воронова Т.А. Словесный образ Тиля Уленшпигеля в стихотворениях Е. Евтушенко и Л. Бочаровой.....	70
Попова Ю.С. Сюжетообразующая роль портретной детали в рассказах И.А. Бунина «Жилет пана Михольского» и «Лапти».....	75
Панова А.А. Афоризмы о жадности и насыщении как отражение вопроса о мере в афористике дневников Св. Иоанна Кронштадского.....	80
Новикова Е.С. Взаимодействие высокого и низкого стилей в произведениях Ф.М. Достоевского как нравственно-философская проблема.....	86
Ревякина Т.Л., Щур В.В. Аллюзия как стилистический прием создания экспрессивности газетных заголовков.....	91
Сулемина О.В. Индивидуальный характер поэта в лирике А.С. Пушкина второй половины 1820-х годов.....	96

Лингвокультурология

Перцева Е.Н. Женский русский национальный характер в произведениях В.М. Шукшина.....	103
Белякова С.М., Сафьянова М.А. Сакральный предмет в народной культуре: вещь и слово (сито/решето)	107

Межкультурная коммуникация

Савицкая Л.В. Когнитивный аспект перевода в свете межкультурной коммуникации.....	112
Исмаилова Х.Э. Категория оценки в языке (на примере русского и таджикского языков).....	119
Коростылева Н.Н. Учет гендерного подхода в коммуникативном взаимодействии.....	123

Концептология

Ковалева Л.В. Роль образности в процессе фразеологизации.....	129
Зиновьева О.А. Концепт «Европа» в русской поэзии 2-й половины 19 века.....	136

**Вступительное слово главного редактора серии
«Лингвистика и межкультурная коммуникация»**

Предлагаем вниманию читателей очередной, десятый, выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, подготовленный к изданию коллективом кафедры русского языка и межкультурной коммуникации. Данный выпуск содержит статьи, посвященные актуальным проблемам современных теоретических и практических лингвистических исследований.

Необходимо отметить, что авторами данного выпуска являются доктора, кандидаты наук российских и зарубежных вузов, а также молодые ученые (аспиранты, соискатели). Данный выпуск серии содержит 21 научную работу.

Серия состоит из шести разделов: I - «Лингвистика», II - «Методика преподавания языков», III - «Аспекты изучения художественного текста» IV - «Лингвокультурология», V- «Межкультурная коммуникация», VI - «Концептология».

В разделе «Лингвистика» представлены результаты исследований в области современного языкознания. В них обсуждаются актуальные проблемы соотношения полисемии и широкозначности (Панкина М.Ф.), диалектные особенности речи (Карасёва Т.В.), особенности использования вводных конструкций в поэтической речи (Намакштанская И.Е., Романова Е.В.), анализируется жаргонная лексика (Бугакова Н.Б., Сулемина О.В.).

Во втором разделе - «Методика преподавания языков» - представлены работы, в которых рассматриваются специфические особенности обучения русскому языку как иностранному в техническом вузе (Новикова О.В., Лапынина Н.Н.), проблемы социализации личности в процессе обучения (Токарева Т.Н.).

В разделе «Аспекты изучения художественного текста» содержатся статьи, посвященные изучению языка писателей. Это работы Сулеминой О.В., Ревякиной Т.Л., Щур В.В, Поповой Ю.С. и др.

Статьи Перцевой Е.Н., Беляковой С.М., Сафьяновой М.А. представляют раздел «Лингвокультурология», в котором анализируются проблемы языка и культуры в контексте современности.

Пятый раздел - «Межкультурная коммуникация» - включает работы, посвященные особенностям перевода и функционирования языка в современном мире.

Шестой раздел - «Концептология» - посвящен анализу различных видов концептов, их структуры, проблемам индивидуально-авторской картины мира писателей. Данный раздел представлен работами Ковалевой Л.В., Зиновьевой О.А.

Содержащиеся в десятом выпуске серии научные работы охватывают широкий спектр проблем современной лингвистики, лингвокультурологии, методики, межкультурной коммуникации и изучения языка художественных текстов.

Думаем, что данная серия будет интересной и полезной для специалистов-филологов, лингвокультурологов, преподавателей русского языка как иностранного, литературоведов, аспирантов.

Главный редактор серии
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского ГАСУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 802.0:801

*Воронежский филиал Московского гуманитарно-экономического института
Заведующий кафедрой иностранных языков, доктор филологических наук,
профессор Панкина М.Ф.
Россия, г. Воронеж, тел. (473)259-93-11;
e-mail: pankina1@yandex.ru*

*Voronezh branch of Moscow Liberal and Economical Institute
The head of the chair of foreign languages,
doctor of philology, full professor
Pankina M.F.
Russia, Voronezh, tel. (473)259-93-11;
e-mail: pankina1@yandex.ru*

М.Ф. Панкина

ШИРОКОЗНАЧНОСТЬ И ПОЛИСЕМИЯ

Данная статья посвящена проблеме соотношения полисемии и широкозначности. Анализируются общие определения данных явлений. Рассматривается десемантизация как способ развития значения слова

Ключевые слова: полисемия, грамматическая полисемия, широкозначность, десемантизация.

M.F. Pankina

POLYSEMY AND EURYSEMY

The article is devoted to the problem of correlation between polysemy and eurysemy. The general definitions of these phenomena are also analyzed. The author studies desemantization as means of development of word's meaning.

Key words: polysemy, grammatical polysemy, eurysemy, desemantization.

Впервые на существование в языке двух схожих между собой, но принципиально различных лексических явлений – полисемии и широкозначности – обратила внимание Н.Н. Амосова [1; с.154].

Наряду с термином «широкозначность», введенным Н.Н. Амосовой, в литературе встречается его иноязычный эквивалент - «эврисемия». Некоторые авторы, например, Д.Н. Шмелев, говорят о «наиболее общих лексических значениях» слова. Известно, что многозначное слово обладает несколькими значениями. В условиях речевого использования выбору одного из значений способствует контекст. Широкозначное слово, напротив, вне контекста однозначно, но это единственное значение соотносится с несколькими разными объектами мысли. Слово, таким образом, имеет широкую семантическую референцию, его понятийный объем велик, а конкретное содержание уточняется (но не меняется) в условиях речи, т.е. в контексте.

О широкозначности как регулярном, системном явлении семасиологии стали говорить сравнительно недавно, когда специфика лексического значения слова и типов лексического значения стала непосредственным объектом анализа исследователей. Как показывает опыт лингвистов: О.Н. Судаковой, А.Л. Ленца, Н.П. Кудрявцевой, А.А. Авдеева - анализ особенностей широкозначных единиц языка предусматривает обращение к проблеме отношения слова и предложения или шире – отношения значащей единицы и контекста. В свою очередь, данная проблема определяет решение ряда общетеоретических и методологических проблем. Речь идет о смысловой самостоятельности отдельного слова, о природе языкового значения, об интерпретации роли контекста в функционально-семантическом поведении слова и ряде других вопросов.

Специфику широкозначных единиц языка видят в том, что они обладают чрезвычайно широкой и весьма неопределенной сферой референции, вследствие чего их лексическое значение лишено четко выраженного очертания и характеризуется расплывчатостью, размытостью содержания. Достаточно распространена точка зрения, согласно которой критерием семантики широкозначной лексемы считают десемантизацию – полную или частичную утрату лексической единицей индивидуального лексического значения. Отмечается, что «слова с широкой понятийной основой...нередко находятся на грани полной десемантизации [2; с. 164]. Некоторые лингвисты (например, Г.Б. Давыдова, Н.С. Лотова, А.М. Аралов, Р.Р. Николаевская) связывают широкозначность с десемантизацией - полной или частичной утратой ЛЕ собственного значения.

С этих же позиций получает объяснение сущность десемантизации слова и появления у него служебных функций, когда слово утрачивает непосредственную связь с референтом в результате устранения необходимых для этого сем и превращается, по выражению В.Г. Гака, в элемент внешней формы единицы другого уровня. Процесс расширения значения слова может быть уподоблен семантическому варьированию, понимаемому как способность языковой единицы в конкретных условиях контекста приобретать или терять какие-то семы [3; с.16].

Другие лингвисты исключают десемантизацию из признаков широкозначности на том основании, что повышение уровня абстрактности широкозначных лексем в служебном употреблении, приводящее к изменению характера их семантики, не означает утраты последней (Л.Я. Гросул). По мнению В.Я. Плоткина, утрата словом одного из значений, пусть и основного, не становится причиной его десемантизации. Мы согласны с данным мнением и считаем, что десемантизация, являясь одним из способов развития полисемии, может рассматриваться как **процесс** сложного языкового и речемыслительного механизма, в результате которого происходит не только изменение значения слова, но и возникновение новых значений [4]. Широкозначные слова не являются результатом десемантизации, так как в контексте не утрачивают своего значения. Так, немецкое существительное *das Ding*, английское существительное *thing* и русское существительное *вещь* сохраняют признак «предметности» независимо от контекста.

Широкозначность интерпретируют как разновидность лексической семантики и рассматривают не только с лингвистических, но и с нелингвистических позиций. Внелингвистическую природу явления широкозначности объясняют своеобразием тех логических единиц, мыслительных категорий, которые активизируются соответствующим словом, представляющим «результат аккумуляции в языке явлений и фактов экстралингвистического характера» [5; с.8]. При этом понимают особенности логической операции обобщения, соотношения содержания и объема видовых и родовых понятий. Собственно лингвистический подход к широкозначности связан с осмыслением

природы лексического значения словесного знака в непосредственной зависимости от интерпретации составляющих значение и их организации.

Как отмечает А.Л. Ленца, исследование особенностей семантики многозначного слова связано с необходимостью определения отношений между значениями: связаны ли данные значения лишь одним – центральным – значением или же образуют последовательный ряд, при котором каждое последующее значение подчинено лишь предыдущему. Кроме того, решение проблемы организации семантической структуры слова существенно зависит от особенностей содержания конкретной лексической единицы, а также от «угла зрения» на лексическую семантику. О своеобразии семантической структуры слова свидетельствует и сам характер закреплённой в ней информации, достигнутый в процессе абстрагирующей деятельности человека, а также уровень обобщения значения слова. Исследователь показывает, что в значении широкозначных глаголов функциональный фактор преобладает над предметно-логическим. Из чего следует, что при употреблении данных глаголов целесообразно говорить о семантической вариативности, о смысловых вариантах широкого значения. Иначе говоря, в процессе функционирования словесной единицы количество семантических признаков может колебаться в известных пределах: нижний предел, граничащий с десемантизацией, характеризуется минимальным числом сем, верхний (в семантической позиции данной единицы) – предполагает включение новых сем, иногда даже несвойственных соответствующей единице, и совмещает его с инвариантным значением [6; с.24]. Смысловые варианты оказываются связанными только с обобщённым, инвариантным значением широкозначного глагола. При этом семантический инвариант сохраняется в различных употреблениях последнего при реализации самых разнообразных функций. Содержание полисемичного слова складывается в результате семантической деривации. Оно образует организованную структуру, состоящую из первичного и нескольких производных значений [7; с.68,71]. Речь идет о развитии многозначности за счет метафорической и метонимической деривации, в результате чего первичное значение распадается на отдельные семантические сегменты, которые не могут быть сведены к единому инварианту. В случае нарушения семантической связи между сегментами может произойти выпадение того или иного значения (не исключено, что и первичного) и появление семантических омонимов [8; с.51].

Широкие возможности семантического варьирования, которыми обладают глаголы в немецком языке *haben* и *sein*, в английском языке *to be*, *to have*, в русском языке *быть*, создают предпосылки для многоаспектной и разноплановой интерпретации их значений. Необходимость опоры на непосредственный или опосредованный контекст для выявления того или иного конкретного смысла определяется спецификой широкозначных глаголов.

Г.Т. Поленова рассматривает немецкий глагол бытия *sein*, который по-разному трактуется в пассиве состояния, в перфекте (где он полностью утрачивает свое значение) и в составе немецкого составного сказуемого (где он, как связка, сохраняет значение «быть», «есть»). Автор рассматривает значение глагола *sein* в разных позициях, но не объясняет, почему оно разное. Например, в предложении *Die Welt ist* (Мир существует) *sein* является полнозначным глаголом, а в предложении *Die Tür ist geschlossen* (Дверь закрыта) *sein* становится частью аналитической формы. Таким образом, в зависимости от наличия или отсутствия причастия грамматический и семантический статус глагола *sein* меняется [9].

Мы считаем, что в данном случае имеет место **грамматическая полисемия**, так как глагол теряет часть сем, которые составляют его лексическое значение, и остается только архисема.

Поэтому, на наш взгляд, термин «широкозначность», приведенный Амосовой, неудачен.

Для широкозначности характерна полиденотативность, когда одна лексема прилагается к неограниченному количеству денотатов.

Но отказываться от этого термина не следует, так как существуют такие слова (в русском языке - *вещь*, в немецком языке - *das Ding*), объем понятия которых включает в себя неограниченное количество денотатов.

Соотнесенность с понятием широкого объема – одна из основных характеристик широкозначных существительных. Для слов широкой семантики важно то, что они соотносятся с очень широким классом референтов и этот класс носит открытый характер.

Уфимцева считает, что «по своей широкой понятийной основе и безграничному кругу денотатов, подпадающих под это понятие, они могут быть отнесены скорее к универсальным, нежели к характеризующим знакам» [10; с.44].

Определенное значение сущности широкозначности имеют взгляды В.Я. Плоткина и Л.Я. Гросул. Широкозначность, по их мнению, находится в прямой зависимости от типологической характеристики языка. Они полагают, что широкозначность складывается лишь в языках аналитического строя, где имеется потребность в словах, наделенных высокой степенью способности участвовать в формировании стандартных синтаксических единиц, не теряя при этом своей лексико-семантической самостоятельности [11; с.84].

Но данное лексико-семантическое явление характеризует и языки синтетического строя, и в этом случае исследователи предпочитают говорить не о широте лексического значения, а о широте денотата.

С внелингвистической точки зрения (мыслительной) широкозначность представляет собой результат обобщения устойчивых признаков, присущих разнообразным и разноплановым предметам и потому носящих категориальный характер. А с лингвистической - результат упразднения дифференциальных (видовых) сем в структуре лексического значения.

Отдельные характеристики широкозначных лексем языка уже становились предметом анализа в работах таких лингвистов, как О.Н. Судакова, Н.П. Кудрявцева, А.Л. Ленца. Рассматривались критерии широкозначности лексических единиц в работах П.С. Федюка.

В исследованиях широкозначности слова можно выделить два направления. К первому направлению относятся лингвисты А.А. Уфимцева, А.М. Аралов, С.Н. Димова, В.М. Соколова, которые исследуют широкозначность как свойство, неразрывно связанное с полисемией и сосуществующее с ней в рамках многозначной языковой единицы, причем данная концепция является преобладающей.

В.С. Луговой считает широкозначность отдельной лексико-семантической категорией, восполняющей границы моносемии и полисемии, хотя результаты языковедов в области лексической семантики свидетельствуют, что широкозначность свойственна не только моносемантическому слову, но и отдельным ЛСВ многозначных языковых единиц [12; с.104].

Второе направление рассматривает широкозначность как автономную лексико-семантическую категорию, объединяющую специфическую группу слов, выявляет такие характерные признаки, как синкретизм, полиденотативность, синсемантизм, полифункциональность, полная или частичная потеря номинативного значения. В.Я. Плоткин считает, что различие между широкозначным и многозначным словом заключается в том, что широкозначные слова обладают инвариантным значением и не расщепляются на отдельные фрагменты. Д.И. Квеселевич понимает случаи широкозначности как широкой объемности единого стержневого значения. Он полагает, что платесемиа (широкозначность) представляет собой разновидность моносемии с широким объемом денотата, где оттенки значения группируются вокруг одного и того же семантического стержня [13; с.68].

Подводя итог, можно сделать вывод, что полисемия и широкозначность – два разных явления. Слова широкой семантики обладают свойством полиденотативности, т.е. способности одновременно обозначать самые разные предметы и явления окружающего мира.

Широкозначное слово оказывается семантически совместимым со всеми предметами или явлениями, обладающими общим категориальным признаком. Круг предметов и явлений, обозначаемых словом широкой семантики, может быть практически не ограничен никакими рамками.

Существование различных точек зрения на проблему широкозначности и полисемии говорит о том, что данная проблема является очень сложной и дискуссионной.

Библиографический список

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Лен.гос.ун-т им. Жданова. 1963. 208 с.
2. Давыдова Г.Б. Функциональный анализ конструкций с широкозначными словами в современном английском языке // Вопросы системной организации речи. М.: МГУ.1987. С.154-171.
3. Авдеев А.А. Проблема широкозначности и ее соотношение с полисемией и дейксисом (на материале имен существительных английского, русского и французского языков): Дис. ...канд.филол.наук. Воронеж.2002.198 с.
4. Панкина М.Ф. Десемантизация как способ развития значения слова: монография. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2012. 125 с.
5. Михайлова О.А. Ограничения в лексической семантике русского слова. Дис. ...докт. филол. наук. Екатеринбург, 1998. 341 с.
6. Ленца А.Л. Широкозначные глаголы и контекст. Кишинев, 1987. 97с.
7. Ленца А.Л. Семантическая деривация и семантическая вариативность: их отношение к многозначности и широкозначности //Лексическая и грамматическая семантика романских и германских языков. Кишинев: Штиинца, 1989. С.68-71.
8. Степанова А.Н., Кистанова Л.Ф. Широкозначные слова в функциональном аспекте (на материале французского языка) //Романские языка: семантика, прагматика, социолингвистика. Л., 1990. Вып.4.С.49-57.
9. Поленова Г.Т. Диахроническая типология глагола «get» в составе немецких аналитических конструкций // Аналитизм в языках различных типов: 40 лет спустя. М.-Калуга, 2006.С. 156-159.

10. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М.:Наука,1974. 206 с.
11. Плоткин В.Я., Гросул Л.Я. Широкозначность как лексико-семантическая категория //Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. Кишинев: Штиинца, 1982. С.81-86.
12. Луговой В.С. К трактовке явления широкозначности слова и фразеологической единицы //Проблемы романистики. М., 1991. вып.2. С.94-104.
13. Квеселевич Д.И. К вопросу о фразеологизмах-интенсификаторах /Сб.науч. тр. МГПИИИ им М.Тореза, 1973. С.45-49.

References

1. Amosova N.N. Foundations of English phraseology. L., 1963. 208 p.
2. Davydova G.B. Functional analysis of structures with eurysemical words in modern English language // Question of systematic organization of speech. M.: MSU, 1987. P.154-171.
3. Avdeev A.A.The problem of eurysemy and its correlation with polysemy and deixis (on the material of English, Russian and French languages): Dissertation... PhD in philology. Voronezh, 2002. 198 p.
4. Pankina M.F. Desemantization as a way of semantic development. Voronezh, 2012. 125 p.
5. Mikhailova O.A. Limits in lexical semantic of Russian word: Dissertation...doctor of philology. Yekaterinburg, 1998. 341 p.
6. Lentsa A.L. Eurysemical verbs and context. Kishinev, 1987. 97 p.
7. Lentsa A.L. Semantic derivation and semantic variations: their relation to polysemy and eurysemy // Lexical and grammar semantic of Roman and German languages. Kishinev, 1989. P. 68-71.
8. Stepanova A.N., Kistanova L.F. Eurisemical words in functional aspect (on the material of French language) // Roman languages: semantic, pragmatic, social linguistics. L., 1990. Vol. 4. P. 49-57.
9. Polenova G.T. Diachronical typology of the verb 'get' in German analytical structures // Analytical structures in languages of different types: 40 years later. M.-Kaluga, 2006. P. 156-159.
10. Ufimtseva A.A. Types of verbal signs. M., 1974. 206 p.
11. Plotkin V.Y., Grosul L.Y. Eurysemy as lexical and semantic category // Theoretical problems of semantic and its representation in monolingual dictionaries. Kishinev, 1982. С. 81-86.
12. Lugovoj V.S. To interpretation of eurysemy of words and idioms // Problems of Roman philology. M., 1991. Vol.2. P. 94-104.
13. Kveselevich D.I. To the question of intensifying idioms // Collection of scientific works of MGPIIN named after M.Torez. 1973. P. 45-49.

УДК 811.161.1

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры современного русского
языка и методики преподавания
Усманова Л.А.
Россия, г. Казань, тел. (843) 292-25-73;
e-mail: Usmanova77@rambler.ru*

*Kazan (Volga region) Federal University
The chair of modern Russian language and
teaching methods, PhD in philology,
associate professor
Usmanova L.A.
Russia, Kazan, tel. (843) 292-25-73;
e-mail: Usmanova77@rambler.ru*

Л.А. Усманова

КОМБИНАТОРНАЯ СЕМАНТИКА ПРИРОДНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена вопросам параметризации и выделения семантических сфер, предполагающих описание индивидуально-авторской картины мира. Работа опирается на постулаты Казанской лингвистической школы об ассоциативной природе языка и речевой деятельности, парадигматических и синтагматических отношениях языковых единиц.

Ключевые слова: ассоциативные связи, семантическое поле, парадигматика, синтагматика, контактные и дистантные связи.

L.A. Usmanova

COMBINATORIAL SEMANTIC OF «NATURE» LEXIS IN ARTISTIC DISCOURSE

Article is devoted to the parameterization and selection of semantic fields, suggesting the author's description of the individual world view. The work is based on the postulates of Kazan linguistic school about the language and speech activity associated nature, paradigmatic and syntagmatic relations of linguistic units.

Keywords: associative relationships, semantic field, paradigms, syntagmatic, contact and distance communication.

Положение о психосоциальной сущности языка, выдвинутое в рамках Казанской лингвистической школы (КЛШ), предвосхитило постановку и решение многих актуальных проблем современной науки о языке и явилось платформой для развития ряда приоритетных ее направлений.

И.А. Бодуэн де Куртенэ, развивая идеи психологизма, в имплицитном виде опирался уже на системные представления о языке. На основе учения об ассоциативной природе языка он вместе с Н.В. Крушевским, В.А. Богородицким и др. последовательно доказал наличие в языке разных типов отношений: «поскольку постоянное существование языка является исключительно психическим, следовательно, и составные части языка могут быть связаны только психически.

Не только семантическая сторона языка разлагается на психические элементы, являющиеся далее не разложимыми представлениями, но и остальные две стороны языка – как морфологическая, так и произносительно-слуховая, или фонетическая – могут существовать в человеческом языке только в виде неделимых, далее неразложимых представлений и их сочетаний. Эти представления ассоциируются друг с другом, группируются в некоторые постоянные и вместе с тем подвижные системы, взаимно вызывают и обуславливают друг друга и т.д.» [1; II, с. 164].

Данное понимание языка как системы «взаимодействий субстанционально выделяемых единиц» [2; с. 36] привело казанских ученых к разработке учения о парадигматическом, синтагматическом и иерархическом устройстве языковой системы и стало стержневым в общей концепции КЛШ.

В рамках данной школы значимым представляется выдвижение на первый план семантического фактора, важность которого подчеркнута в работах Н.В. Крушевского. Его учение закладывает основы теории семантической сочетаемости и семантического поля, которое строится на многочисленных ассоциативных связях. По его словам, «...мы не запоминаем и не припоминаем каждое слово порознь, само по себе; всякое слово способно, вследствие особого психического закона, и возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами; возбуждают друг друга такие слова, как *собака* и *лаять*, *лошадь* и *ржать* и прочие»; слова «он через улицу лошадь под уздцы» возбуждают в нашем уме слово «ведет» [3; с. 65].

Признавая вслед за И.А. Бодуэном де Куртенэ и Н.В. Крушевским ассоциативную природу языковых единиц, В.А. Богородицкий указывал, что «слова, будучи знаками или символами предметов и явлений, как бы замещают эти последние, причем называемый предмет или явление может во время речи быть налицо, а может и отсутствовать, воспроизводясь воспоминанием и воображением» [4; с. 104]; «Отдельное слово [представляет] целую систему ассоциаций», причем «при отсутствии речи весь ассоциативный комплекс не исчезает, но остается в состоянии ассоциативной связанности, хранясь, как образно выражаются немецкие психологи – «в темном пространстве бессознательного» [4; с. 105]. Признание «ассоциативной сущности речевой деятельности» позволило В.А. Богородицкому определить общую тенденцию развития языков – «стремление к экономии духовных сил и удобству памяти, этой хранильницы сложного ассоциативного агрегата речи» [4; с. 242].

Концепция о принципе организации структурных элементов языка, представленная И.А. Бодуэном де Куртенэ, Н.В. Крушевским и В.А. Богородицким, до сих пор сохраняет свое общелингвистическое значение. Языкознание рубежа XX – XXI веков, переключившее акценты с системы языка на его функционирование, способствовало активизации исследований в области ассоциативных маршрутов слов и обогащению типовых сочетаемостных закономерностей в виде словарных данных. Это проявилось, с одной стороны, в разработке теории валентности и сочетаемости слов (С.Д. Кацнельсон, Л. Теньер, Г. Хельбиг, В.Г. Гак, Ю.Д. Апресян и другие), с другой – в изучении сочетаемостных свойств различных частей речи, прежде всего глагола как конструктивно значимого компонента, а также имени с учетом его дифференциации по отдельным тематически группам и семантическим параметрам (Н.Д. Арутюнова, В.В. Морковкин, Е.В. Рахилина, Л.О. Чернейко и другие).

Комбинаторные преобразования как важнейшее свойство системы языка рассматриваются в рамках когнитивно-интерпретационной парадигмы, ориентированной на раскрытие сути тех сложных процессов, которые обеспечивают речевую деятельность

человека, его способность понимать и формировать высказывания и тексты. По словам А.Ф. Лосева, «всякий языковой знак, будучи системой отношений, черпает эту систему отношений из того или иного функционирования бесконечного источника мышления и может варьировать эту систему отношений тоже бесконечными способами» [5; с. 118]. «Языковая валентность всегда есть бесконечная стихийно-системная интерпретативно-смысловая валентность» [5; 136].

При рассмотрении сочетаемостного потенциала языковых единиц, реализующегося в синтагматических контекстах различной протяженности, мы обратились к художественной речи.

В соответствии с современным направлением лингвистической науки, развивающейся в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, рассмотрение сочетаемости слов на уровне контактных и дистантных связей в пространстве художественных текстов определенного писателя дает возможность глубинного смыслового понимания содержания произведения как «особой художественной конфигурации объективной реальности и авторского воображения, имплицитного сопряжения правды и вымысла», «среды формирования поэтической энергии единиц непрямого знакообозначения» [6; с. 114].

Благоприятным материалом для применения соображений, касающихся дискурсивно-смыслового анализа художественной речи, являются прозаические и поэтические тексты И.А.Бунина, отличающиеся огромной силой изобразительности, благородством и строгостью формы, точностью и живописностью в изображении картин природы. «Поднебесной метафорой действительности, метафорой любви, молодости и несбывшихся надежд» назвал Ю. Бондарев прозу и поэзию Бунина – «это как бы непрерывное движение от самого себя к родной и ставшей далекой российской земле, без которой не было бы ни художественного чародейства Бунина, ни его превосходных, написанных в эмиграции рассказов, этих непревзойденных шедевров, ни «Жизни Арсеньева» с его тоской по утраченной России, ни «Митиной любви» с его печалью по юности, ни его сердитой публицистики, в которой он не признавал и осуждал исторический пожар в России» [7; с. 44].

Исследователи творчества И.А. Бунина (В.Н. Афанасьев, А.К. Бабореко, И.П. Вантенков, А.А. Волков, Н.К. Гей, В.А. Гейдеко, Л.М. Грановская, Л.К. Долгополов, А. Измайлов, Л.В. Крутикова, В.В. Краснянский, Н.М. Кучеровский, В.Я. Линков, Н.М. Любимов, О.Н. Михайлов, В. Нефедов, Н.А. Николина, В.А. Приходько, В.С. Сидорец, И.Д. Стерлин и многие другие) говорят о тесной связи природной лексики со спецификой мировосприятия Бунина; она, по мнению буниноведов, является одним из важнейших компонентов, составляющих языковую картину мира писателя. При изучении данной сферы как неотъемлемой части его идиостиля наиболее эффективным нам представляется применение системного и полевого подходов к исследованию художественных текстов, позволяющих выявить потенциалы языковых единиц, во всей полноте реализующихся в текстовых взаимосвязях.

Рассматривая с этих позиций состав и структурную организацию лексико-семантического поля (ЛСП) «Природа» в пространстве художественных текстов И.А. Бунина, отметим, что исследуемая языковая система характеризуется индивидуальной спецификой, представленной как на уровне парадигматических, так и синтагматических связей имен основных природных реалий, степень значимости которых зависит от частотности их воспроизведения и специфики использования языковых средств при описании окружающего мира.

В соответствии с принципом родо-видовой организации единиц системы схема семантической сферы «Природа» имеет несколько уровней обобщения; при переходе от высшего уровня обобщения к низшему число рубрик классификации увеличивается. Наблюдения показали, что самым важным ЛСП для репрезентации семантической сферы «Природа» в творчестве Бунина является микрополе «Времена года», которое членился на частные подмножества: слова с собственно-темпоральной семантикой: *весна, лето, осень, зима*, наименования месяцев (*январь, февраль* и т.д.), их дериваты (*весенний, летний, январский* и т.п.), названия «святых» дней, относящихся к тому или иному периоду года (*Сочельник, Рождество, Святки, Крещение* и др.), а также имена с несобственно-темпоральной семантикой, соотнесенной с природными явлениями (*листопад, метель, снег* и т.п.).

Анализ синтагматики имен природных реалий, а также метафорических высказываний как целостного образа позволил выявить комплексы индивидуально-авторских ассоциаций, отражающих особенности эстетического освоения явлений природы в текстах Бунина. Наиболее значимые для репрезентации ЛСП «Природа» в произведениях данного автора слова микрополя «Времена года» вступают в атрибутивно-предикативные сочетания, предопределяемые, в первую очередь, денотативным значением указанных имен (температурные признаки, наличие/отсутствие осадков, процессуальность и пр.), актуализирующие различные образные представления автора и находящие множество субъективных интерпретаций, связанных с его зрительными, звуковыми, физическими, психологическими ассоциациями.

В пространстве художественных текстов Бунина слова исследуемого ЛСП употребляются в прямом, денотативном значении достаточно часто, однако функции подобных слов не являются чисто информативными, т.к. они служат прежде всего средством композиционной организации предложения, средством раскрытия концептуального содержания всего произведения и отдельных его элементов. Информация о природном явлении становится актуальной по ходу развития сюжета, поскольку она представляется с позиции наблюдателя, который сам моделирует ту или иную ситуацию. Связь с миром носит опосредованный характер и проявляется через призму индивидуально-авторского мировосприятия.

При этом образность не всегда воплощается в специфических, тропеических средствах. «Безобразная образность» у И.А. Бунина может появляться и в результате актуализации у слова дополнительной периферийной семы, создающей особый психологический фон, на котором разворачиваются события в произведении (*преlestь весны, ее вечной юности; почувствовал очарование весны; темнота и пустынность мартовской ночи; солнечное царство летних дней; безнадежная грусть осени; уныние и сумрачность зимы* и др.).

Субъективное восприятие природы как результат индивидуально-авторского отражения мира реализуется в атрибутивной сочетаемости с прилагательными психического восприятия и восприятия с помощью различных органов чувств. Атрибутивная сочетаемость с этими прилагательными является неотъемлемой чертой художественной системы И.А. Бунина и характеризуется селективностью, избирательностью. В определении наиболее часто совмещаются элементы самых разных источников восприятия, которые образуют сложный тип семантических связей – синестетическую метафору: *Один из тех зимних мокрых дней, ледяных и темных. Когда кажется, что нет на свете города отворотнее Москвы («Обреченный дом»); прозрачные и холодные дни начала октября, прощальный праздник осени! («Антоновские яблоки»); Долги,*

тяжки были дождливые осени, снежные зимы в Суходоле («Суходол»); ночь летняя, свежая и лунная («Из записей»). Употребление подобных сочетаний обусловлено, на наш взгляд, не столько изобразительно-выразительными функциями, сколько оценочно-характеризующими, выражающими отношение Бунина к природе.

Индивидуальное восприятие природы писателем одновременно связано с предельно сильным ощущением красоты и трагизма земного бытия, что реализуется на уровне употребления им оксюморонов (*О, весна! Как сердце счастья просит!/ Как сладка печаль моя весной!* («За рекой луга зазеленели...»); *и все это сливалось с непрерывным смутным шумом города, с дальним гулом трамваев, с рожками автомобилей, со всем тем, чем так беззаботно при всей своей озабоченности жил весенний Париж* («Огонь пожирающий»). Такое совмещение противоречивых оттенков эмоций способствует созданию особой психологической точности при описании сложных внутренних состояний, особого внутреннего напряжения автора или персонажа.

Интересно отметить, что исследователи творчества Бунина указывают на общие для живописи Серебряного века и творчества Бунина эстетические принципы: восхищение видимой красотой мира, поиски гармонии в ее вещественном воплощении, взаимопроникновение реального и сказочно-мифологического. В связи с этим важным представляется замечание Т.М. Бонами о «слиянии» приемов описания в литературном произведении с приемами живописи. Т.М. Бонами, определяя бунинский стиль как «словесное живописание», видит истоки новой образности, прежде всего, в личностных особенностях, врожденных задатках, свойствах творческой природы Бунина: его повышенной впечатлительности, редкой наблюдательности и зоркости [8].

Импрессионистический стиль становится для Бунина выражением феноменологического мироощущения. Чрезвычайную важность для него обретает сопричастность субъекта всему, что его окружает – природе, мирозданию, памяти, культуре. «Нет ничего в бытии, что внеположно субъективному восприятию, и все, что открывается в мире, открывается через сознание субъекта» [Бунин]. Синтетический образ реальности возникает благодаря способности творческой личности к синтетическому переживанию, восприятию мира в единстве и многообразии впечатлений. И.А. Бунина отличает слитное изображение явлений природы и восприятия их человеком (автором и персонажами), что проявляется в совмещении, переплетении и нераздельности этих планов, их гармонии, совпадении или несовпадении, контрасте. Для него характерно «панорамное» видение картин природы. В силу широты взгляда эти описания включают большое количество репрезентантов ЛСП «Природа» из разных микрополей, при этом лексемы, представляющие одно семантическое поле, могут употребляться в переносном значении в качестве составляющих других полей, например: *День был жаркий, тихий. Он шел в сквозной тени аллеи и далеко видел вокруг себя кудрявые белоснежные ветви. Особенно силен, густ был цвет на грушах, и смесь этой белизны и яркой синевы неба давала фиолетовый оттенок. И груши и яблони цвели и осыпались, разрытая земля под ними была вся усеяна блеклыми лепестками. В теплом воздухе чувствовался их сладковатый, нежный запах вместе с запахом нагретого и преющего на скотном дворе навоза. Иногда находило облачко, синее небо голубело, и теплый воздух и эти тленные запахи делались еще нежнее и слаще. И все душистое тепло этого весеннего рая дремотно и блаженно гудело от пчел и имелей, зарывавшихся в его медвяный кудрявый снег. И все время, блаженно скучая, по-дневному, то там, то здесь цокал то один, то другой соловей* («Митина любовь»).

Достаточно широко представлен в нашем материале образно-ассоциативный слой, реализующий «атрибутику» вербального пейзажа, при этом образы создаются как с помощью тропов и фигур (*Леса в жемчужном инее; черно-зеленые, в белом сахаре, еловые леса («Грибок»*), так и за счет актуализации периферийных сем в контексте. Чаще всего образы формируются на уровне предложения (*Золотистыми кострами пылали в лощинах лесочки. Щурясь от ослепительного сверканья на парче снега, от блестящих, отшлифованных, как слоновая кость, ухабов дороги, глубоко дыша холодным воздухом, он шел и все любовался деревней («Учитель»*).

Углубление семантики метафорического сочетания и усиление эмоционально-образного восприятия природы достигается писателем за счет цветовой характеристики слов рассматриваемого микрополя «Природа». По словам Н.К. Гея, «в художественной системе И.А. Бунина цвет имеет чрезвычайно большое смысловое наполнение, он является элементом мировоззрения автора. Для всего творчества И.А. Бунина характерно удивительное богатство цветового словаря, умение использовать мельчайшие оттенки цветов и их полутонов для передачи неповторимого состояния в природе или душе человека» [9; с. 357].

Сочетаемость с колоративными лексемами наряду с раскрытием объективной природы слов микрополя «Времена года» (например, *черная весенняя ночь; вечер теплого и серенького февральского дня*) отражает авторскую интерпретацию окружающего мира (например, *Синела дымка летних дней («Моя печаль теперь спокойна»*) и имеет психологические мотивировки, при которых цветовая характеристика влияет на целостный результат художественного воздействия, выявляя глубокие смысловые ассоциации, например: *Осенний день в лиловой крупной зыби / Блистал, как медь («В архипелаге»*). И. Бунин представляет цветовые краски на фоне световых, акцентируя внимание на блеске, сверкании, сиянии, с одной стороны, и отблеске, мерцании, с другой, в их взаимосвязи с цветовыми ощущениями он создает единую целостную картину цвето-светового мироздания, например: *И станет блеклым золотом струиться / Осенний день на лавку из окна («Рыбачка»*).

Показательно, что в художественной системе произведений Бунина цветовая семантика контекстуально развертывается, детализируется и обыгрывается за счет подключения эмоционально-оценочной лексики, например: *Июль был мрачный – каждый день грозы, ливни: свинцовая чернота неба над жутко-белеющей Москвой, режущий блеск сургучных молний и ужасающие удары грома, от которых звенят стекла («Под серпом и молотом»); Над небом мертвенно-свинцовым / Угромо меркнет зимний день («Родина»*).

Анализ синтагматических связей имен природных реалий, а также метафорических высказываний как целостного образа позволил выявить комплексы индивидуально-авторских ассоциаций, отражающих особенности эстетического освоения явлений природы. При этом внимание к отдельным ЛСП и средствам их лексической репрезентации в текстах Бунина, а также выявление их ассоциативно-смыслового взаимодействия позволяют реконструировать картину мира автора, специфика которой выявляется на уровне расширенного контекста, обеспечивающего дистантные связи и отношения ключевых лексем, а также учета имплицитных звеньев и дискурсивно-коннотативной информации, закодированной автором в тексте.

Сделанные наблюдения подтверждают мысли казанских лингвистов о системном характере языка как некоей совокупности, элементы которой взаимосвязаны и значение которых определяется прежде всего их функционированием в том или ином контексте.

Слово в пространстве художественных текстов приобретает в соответствии с когнитивно-дискурсивными интенциями писателя индивидуально-образные смыслы. Возникновение словесной образности сопровождается конструктивно значимыми семантическими изменениями, смещениями и приращениями при фоновом сохранении системного значения слова.

Библиографический список

1. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. I-II. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. II. 391 с.
2. Общее языкознание (внутренняя структура языка) / Отв. ред. Б.А.Серебрянников. М.: Изд-во Наука, 1972. 565 с.
3. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке // Изв. и учен. зап. имп. Казан. ун-та. Казань, 1883. Т. XIX. Январь-Апрель. 148 с. [Приложение с отдельной пагинацией].
4. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). Казань: Типо-литография императорского университета, 1913. 553 с.
5. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Событийная синергетика имплицитности текста в лингвопоэтическом освещении // Вестник ТГГПУ. № 1 (23). 2011. С. 114-119.
7. Бондарев Ю. В наши дни окаянные (к 125-летию со д.р. И.А.Бунина) / Ю.Бондарев, А.Ларионов // Слово. 1994. №9-10. С. 33-43.
8. Бонами Т.М. Художественная проза Бунина. 1887–1904. Владимир, 1962. 108 с.
9. Гей Н.К. Художественность литературы. Поэтика. Стил. М.: Наука, 1975. 472 с.

References

1. Baudouin de Courtenay I.A. Selected works on general linguistics. T.I-II. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. T. II. 391 p.
2. General Linguistics (internal structure of language) / Ed. Ed. B.A.Serebrennikov Moscow: Publishing House of Science, 1972. 565 p.
3. Krushevskiy N.V. Essay on the Science of Language // Math. and scientists. app. Imp. Cauldron. University. - Kazan, 1883. T. XIX. January-April. 148 p.
4. Bogoroditsky V.A. General course of Russian grammar (from university readings.) Kazan: Frame lithography Imperial University, 1913. 553 p.
5. Losev A.F. Sign. Symbol. Myth. Moscow: Mosk. University Press, 1982. 480 p.
6. Alefirenko N.F. Event-Synergetics of text implicitness in lingvopoetic lighting // Bulletin TSHPU. № 1 (23). 2011. P. 114-119.
7. Bondarev Yuri. Today damned (the 125th anniversary of I.A.Bunin date of birth) / Yu.Bondarev, A.Larionov // Word. 1994. – № 9-10. S. 33-43.
8. Bonami T.M. Bunin's prose. 1887-1904. Vladimir, 1962. 108 p.
9. Gay N.K. Fiction. Poetics. Style. Moscow: Nauka, 1975. 472 p.

УДК 821.161.1.0

*Донбасская национальная академия
строительства и архитектуры
Кандидат филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой прикладной
лингвистики и этнологии
Намакштанская И.Е.
Украина, г. Донецк; тел. (066)046-81-99;
e-mail: svitlicja@ukr.net
Российский университет дружбы народов
Кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент, заместитель декана аграрного
факультета по научной работе
Романова Е.В.
Россия, г. Москва; тел. +7-916-676-93-28;
e-mail: evroma2008@yandex.ru*

*Donbas National Academy of Civil
Engineering and Architecture
The head of the department of applied
linguistics and ethnology, candidate
of philological sciences, professor Namakshtan-
skaya I.E.
Ukraine, Donetsk; tel. (066)046-81-99;
e-mail: svitlicja@ukr.net
Russian University of Friendship
of the People
The deputy dean of agrarian faculty
on scientific work, candidate of agricultural
sciences, assistant professor Romanova E.V.
Russia, Moscow; tel. +7-916-676-93-28;
e-mail: evroma2008@yandex.ru*

И.Е. Намакштанская, Е.В. Романова

ВВОДНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТЕКСТАХ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.С. ВЫСОЦКОГО

В статье изложены результаты исследования особенностей авторского стиля В.С. Высоцкого, в частности, смыслоорганизующей роли вводных слов, словосочетаний и предложений. Авторы приводят семантическую классификацию групп вводных единиц и рассматривают функциональные значения многих из них, иллюстрируя свои наблюдения конкретными примерами из песен и стихотворений поэта.

Ключевые слова: вводные слова, словосочетания, конструкция, авторский стиль, семантика вводных конструкций, ситуативное значение.

I.E. Namakshtanskaya, E.V. Romanova

INTRODUCTION DESIGNS IN TEXTS OF POETIC WORKS OF V.S. VYSOTSKY

In article results of research of features of author's style of V. S. Vysotsky, in particular, are stated to a smysloorganizuyushchy role of parentheses, phrases and offers. Authors give semantic classification of groups of introduction units and consider functional values of many of them, illustrating the supervision by concrete examples from songs and poems of the poet.

Keywords: parentheses, phrases, design, author's style, semantics of introduction designs, situational value.

Исследовательская сокровищница творчества В.С. Высоцкого богата и многогранна, однако с каждым годом она пополняется новыми и новыми статьями, книгами, диссертациями, докладами и лекциями, открывающими неиссякаемую глубину содержания и богатство авторского стиля произведений этого великого русского поэта, значение которого для мировой литературы, на наш взгляд, достаточно ёмко определили А.В. Скобелев и С.М. Шаулов, взявшие эпиграфом к своей книге высказывание Ф.М. Достоевского: «*И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем*» [1; с. 5].

Среди многочисленных исследователей стиля, образов, языковых особенностей, подтекста и контекста, исторических корней, правды современности и направленности в будущее поэзии В.С. Высоцкого назовём такие имена, как В. Новиков, Е. Купчик, С. Свиридов, Х. Пфандль, А. Кулагин, А. Крылов, С. Шаулов, И. Макридова, О. Шилина [2; с. 3].

Целью данной статьи является описание многозначности вводных конструкций, функционирующих как в авторской речи, так и в речи персонажей песен и стихотворений В.С. Высоцкого.

Основной смыслоорганизующей ролью вводных слов и конструкций является внесение в значение предложения различных дополнительных субъективно-модальных значений, «связанных с отношением говорящего к тому, что сообщается» [4; с. 60]. По форме это могут быть отдельные слова, предложно-падежные формы, словосочетания и целые предикативные конструкции. Среди основных значений вводных слов и конструкций выделяются следующие (классификация О.А. Крыловой):

- достоверность сообщения, т. е. уверенность говорящего в истинности сообщаемого (*конечно, действительно, разумеется* и т. д.);
- предположительность, когда говорящий не совсем уверен в реальности сообщаемого (*очевидно, видимо, кажется, пожалуй* и т. д.);
- разные формы эмоциональной оценки говорящим сообщаемого – удивление, радость, возмущение и прочее (*к счастью, как на грех, к изумлению* и т. д.);
- указание на обычность и повторяемость сообщаемого (*как водится, случается, бывает* и т. д.);
- отношение к способу оформления мыслей, оценка самой речи (*так сказать, к слову, прямо скажем, честно говоря* и т. д.);
- указание на источник сообщения (*как говорят, как помню, по слухам* и т. д.);
- последовательность мыслей говорящего, место его высказывания в связном целом (*наконец, во-первых, итак, следовательно* и др.);
- слова, служащие для оформления мыслей говорящего, для заполнения паузы при подыскивании нужного слова или для привлечения внимания говорящего (*знаете ли, видишь ли, представьте себе* и др.).

Авторы учебника «Современный русский литературный язык» характеризуют вводные конструкции как те, что «служат в основном для субъективной оценки высказывания или для привлечения к нему внимания собеседника» [5; с. 367] и выделяют среди их значений следующие: «модальной оценки», «эмоциональной оценки», «указания на отношения и связи между частями предложения или более широкого контекста», «указания на способ выражения мысли», «источник сообщения» и «указания на стремление говорящего привлечь внимание собеседника к сообщаемому, вызвать у него то или иное отношение к себе, к высказыванию» [5; с. 368].

Все указанные и многие другие функции вводных единиц, обуславливающие их лексико-грамматическую форму, характеризуются в устной речи интонационным многообразием с соответствующим ему порядком слов, а на письме – знаками пунктуации.

На уровне предложения вводные слова, словосочетания и более сложные синтаксические конструкции могут соотноситься как с отдельными членами предложения (раскрывая значения называемых ими действий, предметов, лиц и т. д. – с точки зрения говорящего, или передавая его отношение к ним, оценку и позитивную/негативную характеристику), так и с семантикой вводной конструкции в целом.

Именно этим смыслоорганизующим, лексико-грамматическим и интонационным богатством вводных единиц воспользовался В. С. Высоцкий, создавая характеры, эмоциональные состояния, отношения своих персонажей с окружающими (и в целом – с обществом).

При анализе этой стороны авторского стиля поэта мы обращаем внимание как на лексико-грамматическую структуру вводных конструкций, так и на их семантику и ситуативное функционирование.

Среди вводных слов с разными значениями можно назвать такие:

- «вероятно», «может» (допущение при неуверенности в правдивости информации) – «[...] Вероятно, кто-то в первом заболел, / Ну а может, его тренер заболел» («Кто за чем бежит»); «Но работать без подручных – может, грустно, а может, скучно, – Враг подумал [...]» («Пародия на плохой детектив»);

- «словом» (конкретизация смысла предыдущей информации или более короткий вариант её пересказа): «Друг в порядке – он, словом, при деле [...]» («Старательская»); «[...] Ну, словом, свой, ну, словом, в доску, – / И этим бережил умы» («В одной державе, с населением...»); «Словом, возник грандиозный скандал / В дружном у них коллективе» («Прочитайте снова про Витьку Кораблева и друга закадычного Ваню Дыховичного»);

- «мол» (фиксатор передачи чужой речи или мысли, смысла какого-либо действия) – «Издевался: мол, не встанешь, / Не увидишь, мол, жены!..» («Песня о госпитале»); «Он молвил, подведя черту: / Читай, мол, и остынь!» («I. Ошибка вышла»); «В запале я крикнул им: мать вашу, мол!..» («В далеком созвездии Тау Кита»); «Растворимой мне махры, / зять – подохнет без икры, / Тестю, мол, даешь духи для опохмелки!» («Поездка в город»); «Сказал он тихо, делово – / Такого не общаришь: / Мол, вы не трогайте его, / Мол, кроме водки – ничего, – / Проверенный товарищ!» («II. Случай на таможне»); «[...] Друг костяшкой стучит – / Мол, играем, – не пьем. // [...] Нецензурно, мол, пел, / Так и так, так и так [...]» («Не бросать, Не топтать»); «Я суеверен был, искал приметы, / Что, мол, пройдет, терпи, всё ерунда / [...] // Судачили про дачу и зарплату: / Мол, денег – прорва, по ночам кую» («Мой черный человек в костюме сером»); «[...] С тех пор ни дня без стакана, ещё ворчит она: / Закуски – ни корки! / Мол, я бы в Нью-Йорке / Ходила бы в норке, / Носила б парчу!..» («Песня о Судьбе»); «Я – к Марии с предложеньем, – / Я на выдумки мастак! – / Мол, в другое воскресенье / Ты, Мария, сделай так: // Я потопаю под утро – / Мол, пошел, – / А ты прими его как будто, / Хорошо?» («Песня про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие»); «Не то чтоб другу не везло, / Не чтоб кому-нибудь назло, / Не для молвы: что, мол, – чудак, – / А просто так» («Мой друг уедет в Магадан»); «И все они едва ли / Девчонку эту знали, / Одни не замечали: / Мол, не было печали [...]» («Песня Саньки»); «Я снова вынул пук бумаг, / Ору до хрипа в глотке: / Мол, не имеешь права, враг, – / Мы здесь не в околотке! // Мол, я начальству доложу, – / Оно, мол, разберется!» («Вот я вошел и дверь прикрыл»); «И ещё заявил, что икра у них! / И вообще, мол, любого добра у них!..» («У Доски, где почетные граждане»); «[...] Вдруг ктой-то шасть на «газике» к агенту / И – киноленту вместо документу: / Что, мол, свои, мол, хау ду ю ду!» («Песня про Джеймса Бонда, агента 007»);

- «дескать», «де» (используется при воспроизведении значения, с которым было что-то кем-то сказано) – «[...] Но, несмотря на личность и акцент, / Его там обозвали оборванцем, / Который притворялся иностранцем / И заявлял, что, дескать, он – агент» («Песня про Джеймса Бонда, агента 007»); «Колдуны пророчили: де, / Будет все попозже [...]» («Много во мне мамино»);

- «значит» (в роли десемантизированной межфразовой скрепы): «Значит, я прикрываю, а тот – / Во весь рост на секунду встает...» («У Доски, где почетные граждане»);

- «скажем» (вводится как синоним лексемы «например») – «Жулики / Иногда нам встречаются, – / Правда, реже значительно, / Реже, чем при царе / Или, скажем, в Америке» («Здравствуйте, наши добрые зрители»); «Чем славится индийская культура?»

/ Ну, скажем, – Шива – многорук, клыкаст...» («Песенка про йогов»); «А видал ты вблизи пулемет или танк? / А ходил ли ты, скажем, в атаку?» («Случай в ресторане»);

- «*правда*» (при подтверждении справедливости предыдущей информации): «Я, правда, здесь оставил много дам [...]» («Я уехал в Магадан»);

- «*правда*» (с уступительной семантикой) – «Жулики / Иногда нам встречаются, – / *Правда*, реже значительно, / Реже, чем при царе [...]» («Здравствуйте, наши добрые зрители»); «*Правда*, чуть было не рухнул весь план» («Прочитайте снова про Витьку Кораблева и друга закадычного Ваню Дыховичного»);

- «*впрочем*» (с уступительной семантикой или со значением оговорки) – «Но новидцев – *впрочем*, как и очевидцев – / Во все века сжигали люди на кострах» («Песня о вещи Кассандре»);

- «*кажись*» (при предположении или неточности информации) – «И душа и голова, *кажись*, болит [...]» («И душа и голова, *кажись*, болит»);

- «*конечно*» (при уверенности в реальности слов или действий) – «Но ты, *конечно*, не поймёшь – там, за печкою, – / Потому – ты темнота некультурная» («Два письма. II»); «Я, *конечно*, вернусь – весь в друзьях и в мечтах, – / Я, *конечно*, спою – не пройдет и полгода» («Корабли постоят и ложатся на курс»); «Тут, *конечно*, он сдаётся – / Честь Марии спасена [...]» («Песня про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатъе»); «Ну и я, *конечно*, постараюсь» («И душа и голова, *кажись*, болит»); «[...] К нам приезжали по делам – / С грехом, *конечно*, пополам / Домой обратно уезжали [...]» («В одной державе с населением...»);

- «*как видно*» (при предположении, вероятности или неуверенности в чем-либо) – «[...] И вот он прямо с корабля / Пришел стране давать угля, – / А вот сегодня – наломал, *как видно*, дров» («Случай на шахте»);

- «*известно*» (при указании на общеизвестный факт): «Лошади, *известно*, – всё как человеки [...]» («Сивка-Бурка»);

- «*например*» (при введении примеров): «Покурить, *например*, ... / Но нельзя прерывать [...]» («Не бросать», «Не топтать»);

- «*кстати*» (при введении дополнительной информации по теме разговора или восстановленного в памяти примера): «*Кстати*, те, с кем я был в «Каме», / Оказались мужиками [...]» («Как во городе во главном»); «[...] *Кстати*, даже на войне / Были лыжники в цене» («Отчего сияют лица...»);

- «*вон*» (вставное слово с полусемантизированным значением с указанием на какое-то действие, событие, пример и т. д.): «А ты придешь домой, Иван, / Поешь и сразу на диван, / Иль, *вон*, кричишь, когда не пьян ...» («Диалог у телевизора»);

- «*слава богу*» (подтверждение восприятия чего-либо – действия, события, случая и т. д. – в качестве позитивного или благоприятствующего): «[...] Из-за тебя под поезд прыгал я, / Но, *слава богу*, не совсем удачно» («О нашей встрече»);

- «(на всё) *воля божья*» (библейзм со значением предначертанности всего в жизни человека): «Поживу я – *воля божья* – у румын, – / Говорят – они с Поволжья, как и мы!» («I. Инструкция перед поездкой за рубеж, или Полчаса в месткоме»);

- «*видит бог*»; «видел бог» (подтверждение правдивости сказанного): «Приспичило и припекло – / Мы не вернемся, *видит бог*, / Ни государству под крыло [...]» («Мистерия Хиппи»); «Повезло! Наконец повезло! – / *Видел бог*, что дошёл я до точки!» («Баллада о гипсе»);

- «*и надо ведь*» (выражение удивления в неожиданности): «[...] И вдруг нас всех зовут в забой, до одного: / У нас – стахановец, гагановец, / Загладовец, – *и надо ведь*, / Чтoб завалило именно его» («Случай на шахте»);

- «*ах, черт*» (выражение досады): «Всё, – еду, еду регистрировать в ГАИ!.. / *Ах, черт!* – "москвич" меня забрызгал, негодяй!» («I. Песня автозавистника»);

- «как назло» (выражение досады от неожиданного или внезапного неблагоприятного действия, события, случая): «Но однажды, *как назло*, / Повезло – / И в совсем чужое царство занесло» («Жил был добрый дурачина-простофиля»);

- «мне-то что!» (о собственном незаинтересованном отношении к чему-либо): «Свободный ли, тугой ли пояс – *мне-то что!* / Я пули в лоб не удостоюсь – не за что» («Песня конченного человека»).

Следуя особенностям разговорной речи, поэт в качестве вводных использует целые вставные предложения с разной ситуативной семантикой. Например: «Однажды выпиваю – *да и кто сейчас не пьет!* – / Неидет она: как рюмка – так в отрывку [...]» («Невидимка»); «Но грянул гром – *ничего не попишешь*, / *Силам природы на речи плевать*, – / Все разбежались под плиты и крыши, – / Только покойник не стал убежать» («Веселая покойница»); «Может быть, считать маневром / (*Был в истории такой*), – / Только лучше б в сорок первом / Нам не драться под Москвой!» («Реже, меньше ноют раны»); «Он колпаков шевский – *тоже берлога!* – / Ну а я из Выезжего Лога. / И еще (*если друг не хитрит*): / Белку – в глаз, да в любой, говорит...» («У Доски, где почетные граждане»); «[...] Но их представитель / (*хотите – спросите!*) / Недавно заклеен был в две полосы» («Профессионалы»); «Потом, *позвольте-ка*, / Ведь там – побоище! / У них – эротика, / У нас – не то еще» («Мы воспитаны в презренье к воровству»); «Я попросил подвыпившего йога / (*Он бритвы, гвозди ел как колбасу*): / «Послушай, друг, откройся мне – ей-бога, / С собой в могилу тайну унесу!» («Песенка про йогов»); «Моряк, с которым столько переругано, – / *Не помню уж с какого корабля*, – / Все перепугал и кричал испуганно: / «Земля! Смотрите, братики, – земля!» («Тюменская нефть»); «[...] А царь старался, *бедолага*, / Добыть ей пьяницу в мужья! / Он пьянство почитал за благо, – / *Нежней – отцов не знаю я*» («В одной державе, с населением...»); «Раз однажды я малину / Оптом запродаю, – / *Бес – проклятая скотина* – / Половину взял!» («Я не пил, не воровал»); «Если пьешь, – *понимаете сами* – / *Должен той-то иметь человек*, – / Ну, и кроме невесты в Рязани, / У меня – две шалавы в Москве» («Я был слесарь шестого разряда»); «Материально – он в полном порядке, / А морально... *Плевать на мораль!*» («Экспресс Москва-Варшава, тринадцатое место»); «Двум невесткам – по ковру, / зятю – заячью икру, / Куму – водки литра два, – *пуцай зальется!*» («Поездка в город»); «Сейчас, как в вытрезвителе ханыгу, / Разденут – *стыд и срам* – при всех святых [...]» («Ш. Случай на таможне»); «[...] Не сравнить с Афинами – / прохладно, / Правда – шведы с фидами, – / *ну ладно!*» («Зарисовка о Ленинграде»); «[...] А что туго мне – *ты не грусти*» («Бодайбо»); «И рвутся аорты, / Но наверх – *не смей!*» («Спасите наши души»); «Пусть в высшей лиге / плетут интриги, / И пусть канадским зовут хоккей – / За нами слово, – / *до встречи снова!* / А футболисты – *до лучших дней...*» («Профессионалы»); «От Земли до Беты – восемь дён, / Ну а до планеты Эпсилон – / Не считаем мы, чтоб не сойти с ума. / Вечность и тоска – *ох, влипли как!*» («Песня космических негодяев»); «А панночки пощелкали на счетах / (*Всё как у нас – зачем туристы врут!*) – / И я, прикинув разницу валют, / Ей отсчитал не помню сколько злотых [...]» («Ш. Дороги... Дороги...»); «Завели старейшины – *а* / *Нам они примеры* – / По□ две, по□ три женщины, по / Две□, по три□ пещеры» («Много во мне маминого»); «Под деньгами на кону / (*Как взгляну – слюну сглотну*) – / Жизнь моя [...]» («Под деньгами на кону»); «В заповеднике (*вот в каком – забыл*) / Жил да был Козел – роги длинные [...]» («Песенка про Козла отпущения»); «И чудачки – *еще такие есть* – / Вдыхают полной грудью эту смесь [...]» («Баллада о Любви»); «Дверь проломить – купил отбойный молоток, / Электродрель, – *попробуй крышу пропили!*» («I. Песня автозавистника»); «Когда иные чужеземцы, / Инако мыслящие нам / (*Кто – исповедуя ислам, / А кто – по глупости, как немцы*), / К нам приезжали по делам [...]» («В одной державе, с населением»); «И, назло другим принцессам, / Та – взглянула с интересом, – / Хоть она, *писала*

пресса, / Хороша, но холодна» («Как во городе во главном»); «Мне нельзя на волю – *не имею права*, – / Можно лишь – от двери до стены» («За меня невеста отрыдает честно»).

Сложные вводные конструкции, как и отдельные вводные слова и словосочетания, семантически многообразны. Остановимся на некоторых значениях:

- попытка что-то вспомнить, восстановить в памяти забытое: «А день... *какой был день тогда?* / *Ах да – среда!..*» («Ну вот, исчезла дрожь в руках»);

- вопрос – как раздумье над следующими действиями: «Ход за мной – *что делать?!* Надо, Сева, – / Наугад, как ночью по тайге...» («Честь шахматной короны. II. Игра»);

- вопрос и попытка подбора соответствующего его содержанию ответа в форме не прямого, а описательного объяснения: «Митя – это... *как сказать?* / *Это я с которыми!*» («Здравствуй, «Юность», это я»);

- повторение лексемы *так* при раздумье – принятии решения о следующем шаге: «Сделал ход с е2 на е4... / *Чтой-то мне знакомое... Так-так!*» («Честь шахматной короны. II. Игра»);

- дополнительный пример как иллюстрация к обсуждаемому вопросу: «К тому ж он мне вредит, – *да вот не дале как вчера* – / *Поймаю, так убью его на месте!* – / Сижу, а мой партнер подряд играет «мизера» [...]» («Невидимка»);

- выражение досады: «Змеи, змеи кругом – *будь им пусто!* – / Человек в испугленье кричал [...]» («Песенка про мангустов»); «[...] Слушай, черт-чертяка-чертик-чертушка, / *Сядь со мной – я очень буду рад...* / *Да неужели, черт возьми, ты трус?!* / *Слезь с плеча, а то перекрещусь!*» («Про черта»); «Так выйди, *елки-палки*, Аграфена, – / *Не дай погаснуть пламенной любви!*» («Серенада Соловья-разбойника»);

- выражение прощения или «неглавности» вопроса (персонажа): «Жалко тренера – он тренер неплохой, – / *ну бог с ним!*» («Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную»);

- подтверждение правдивости слов или решительности намерений: «Отдайте мне ослабшие бразды – / *Я натяну, не будь я Гогер-Могер!* // [...] // *Я так решил – он мой, текущий век, / Хоть режьте меня, ешьте и вяжите,* – / *Я – Гогер-Могер, вольный человек,* – / *И вы меня, ребята, поддержите!* // [...] // *За тридцать штук серебряных юаней, / будь я проклят, / Я Ньютона с Конфуцием продам!*» («Песня Гогера-Могера»);

- удивление: «Слышу – вдруг зовут меня по отчеству, – / *Глянул – черт, – вот это чудеса!*» («Про черта»); «Кубок полон – по вину! / *Кровь пятном, и – ну и ну!* / *Не идет он <a> ко дну, – / Выпьешь или струсишь?»* («Под деньгами на кону»);

- размышление: «Я – в бега, но сатану / *Не обманешь – ну и ну!*» («Под деньгами на кону»);

- удивление с элементами размышления: «Арабы нынче – *ну и ну!* – / Европу прижали [...]» («II. Случай на таможне»); «...*Вот люблю ли я его? / Передай три слова / [...] // Слова – надо же вот, а!* – / Или знак хотя бы!..» («Здравствуй, «Юность», это я...»);

- значение неожиданности: «Долго был в обиде я, только – *вот те на!* – / Мне владыка Индии вновь прислал слона [...]» («Песня про белого слона»);

- значение чего-либо необычного, неординарного: «Есть горечь в этом «буду», *как ни странно,* / *Подделанная подпись, червоточина / И лаз для отступленья про запас [...]*» («Люблю тебя *сейчас*»);

- значение желания акцентировать внимание на ком-то, чем-либо: «Сквозь меня многократно просеясь, / *Чистый звук в ваши души летел. / Стоп! Вот – тот, на кого я надеюсь,* / *Для кого я все муки стерпел*» («II. Песня микрофона»);

- значение оговорки: «Нам сам Великий случай – брат. Везение – сестра, / *Хотя – на всякий случай* – мы встревожены» («Гимн морю и горам»);

- уточнение или дополнительная информация относительно обсуждаемого вопроса (персонажа): «Черт сказал, что он знаком с Борисовым – / *Это наш запойный управдом* – / Черт за обе щёки хлеб уписывал [...]» («Про черта»); «И наш тренер, экс-и вице-чемпион / ОРУДа, / Не пускать меня велел на стадион – / *иуда!*» («Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную»);

- обращение к присутствующему в беседе с целью подтверждения правдивости сказанного одним из собеседников или рассказчиком: «Но если я кого ругал – карайте строго! / Но это вряд ли, – *скажи, Серега!*» («Милицейский протокол»);

- обращение главного персонажа к присутствующим с просьбой, предложением или приказом зафиксировать сказанное им в письменной форме: «Я больше не намерен бить витрины / И лица граждан – *так и запиши!*» («И вкусы и запросы мои – страны»);

- восхищение чем-либо: «Один мулла триптих запрятал в книги, – / *Да, контрабанда – это ремесло!* / Я пальцы сжал в кармане в виде фиги – / На всякий случай – чтобы пронесло» («П. Случай на таможне»); «Подсчитали, отобрали, – / За еду, туда-сюда, – / Но четыре тыщи дали / Под расчет – *вот это да!* / [...] // *Выпью – там такая чача!* – / За советского бича [...]» («Про речку Вачу и попугчицу Валю»);

- усиление степени отсутствия чего-либо: «Где вы, где вы, рассыпные, – / *Хоть ругайся, хоть кричи!* / Снова ваш я, дорогие, – / Магаданские, родные, / Незабвенные бичи!» («Про речку Вачу и попугчицу Валю»);

- ссылка на носителя или источник информации: «Нету золота богаче – / *Люди знают, им видней!* / В общем, так или иначе, / Заработал я на Ваче / Сто семнадцать трудодней» («Про речку Вачу и попугчицу Валю»).

Прибегая к речевой характеристике главного персонажа песни «Про речку Вачу и попугчицу Валю», поэт вводит и такие вводные разговорные лексемы и сочетания, как: «В общем, *так или иначе* / Заработал я на Ваче / Сто семнадцать трудодней» (со значением – «на разных работах»), «Подсчитали, отобрали, – / За еду, *туда-сюда* [...]» (со значением разных вычетов из зарплаты), «*То да сё, да трали-вали,* – / Как узнала про рубли...» (со значением разномыслия разговора), «*Слово по слову* [...]» (общее значение протяженности разговора).

Как видно, вводные конструкции на грамматическом уровне могут быть представлены отдельными глаголами, именами существительными, прилагательными или наречиями, а также словосочетаниями и предложениями, они могут определять степень, меру или сферу распространения действия, желательность/нежелательность его осуществления, степень и характер признака и т. д. Например: «Вот главный вход, но только вот / *Упрашивать – я лучше сдохну,* – / Вхожу я через черный ход, / А выходить стараюсь в окна» («Вот – главный вход, но только вот...»); «Мне *летать – острый нож и петля:* / Ни поесть, ни распить, ни курнуть [...]» («П. Через десять лет»); «Я – к нему, чудачку: / Почему, *мол,* отстал? / Ну а он – на боку / И мозги распластал. / Пробрало! – *телогрейка / Аж просохла на мне:* / Лихо бьет трехлинейка – / *Прямо как на войне!*» («Был побег на рывок»); «*Страшно, аж жуть!*» («Песня-сказка о нечисти»); «Целый взвод меня бил – / *Аж два раза устал*» («Был побег на рывок»); «Я здоров – к чему *скрывать,* – / Я пятаки могу ломать, / Я недавно головой быка убил [...]» («У тебя глаза – как нож»); «[...] Вот уж вспомнил маму-то!.. / Кликнул всех – *вот сраму-то!* / Сразу замелькали кулаки» («Где-то там на озере»); «Здесь леса кругом гнутся по ветру, / Синева кругом – *как не выть!*» («Бодайбо»); «Сперва распластан, / а после – пластырь... / А ихний пастор – *ну как назло!* – / Он перед боем / знал, что слабо им, – / Молились строем – *не помогло*» («Профессионалы»); «Если б был я физически сильным – / Я б тогда – *даже думать боюсь!* – / Пил бы влагу потоком обильным, / Но... по бабам – ни шагу, *клянусь!*» («Если б я был физически слабым»); «В наш тесный круг не

каждый попадал, / И я однажды – *проклятая дата* – / Его привел с собою и сказал: / "Со мною он – нальем ему, ребята!"» («Песня про стукача»); «Подвела меня – *ведь я предупреждал!* – / дышалка: / Пробежал всего два круга – и упал, – / *а жалко!*» («Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную»); «И когда мне *так уж* тошно, *хоть на плаху* [...]» («Татуировка»); «Это был воскресный день, но мусора не отдыхают: / У них тоже – план давай, *хоть удавись* [...]» («Рецидивист»); «Но он пролез – *он сибиряк, / Настырные они,* – / И я сказал ему: «Чудак! / Устал ведь – отдохни!» [...] // А он всё бьёт – *здоровый, черт!* – / Я вижу – быть беде» («Песня о сентиментальном боксере»).

Вводные конструкции с общей вопросительной и восклицательной семантикой также характеризуются самыми разными ситуативными значениями. Сравните:

- обращение главного героя с вопросом к другим персонажам: «Я потопаю под утро – / Мол, пошел, – / А ты прими его как будто, / *Хорошо?*» («Песня про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие»);

- риторический вопрос авторского героя: «*На чем проверяются люди, / Если войны уже нет?*» («Давно смолкли залпы орудий»); «Все бегут, *а он что – рыжий?*» («Отчего сияют лица»);

- вопрос в общеупотребительной фразе, которая цитируется: «*Ты бы пошел с ним в разведку? / Нет или да?*» («Давно смолкли залпы орудий»); «Однажды выпиваю – *да кто сейчас не пьет!* – / Неидет она: как рюмка – так в отрыжку [...]» («Невидимка»);

- выражение удивления или восхищения: «Сами будете не рады / Утром вставши, – *вот те раз!* – / Все мосты через преграды / Переброшены без нас» («Проложите, проложите...»); «*Вот тебе раз!* Иностранная глава – / Прямо глаз в глаз, к голове голова [...]» («Жертва телевиденья»); «Дворы полны – *ну надо же!* – / Танго □ хватает за □ ду □ ши [...]» («Из детства»); «[...] Он вдруг взял и сбавил темп / перед финишем, / Майку сбросил – *вот те на!* – / не противно ли?» («Кто за чем бежит»);

- выражение зависти: «И сдаётся мне, что люди врут, – / Он нарочно ничего не ищет: / Для чего! – ведь денежки идут – / *Ох, какие крупные деньжищи!*», «*Ему, значит, – рупь, а мне – пятак?!* / Пусть теперь мне платит неустойку!» («Песня завистника»);

- выражение второстепенности, «неглавности» какого-либо факта, признака, явления и т. д.: «[...] А в 37 – не кровь, *да что там кровь!* – и седина / Испачкала виски не так обильно» («О фатальных датах и цифрах»); «Вы вдумайтесь в простые эти строки, – / *Что нам романы всех времен и стран!* – / В них есть бараки, длинные, как сроки, / Скандалы, драки, карты и обман...» («Песня про Уголовный кодекс»);

- обращение к слушателям или адресату:

- с желанием успокоить: «Но стоит ли и жизнь такой цены?! / Дорога не окончена – *спокойно!* / И в стороне от той, большой войны, / Еще возможно умереть достойно» («Песня Солодова»);

- с вызовом: «До мая пропотели – / Всё расколоть хотели, – / Но – *нате вам* – темню я сорок дней» («Весна еще в начале»); «Катерина, хватит сомневаться, – / Разорву рубаху на груди! / *Вот им всем!* Поехали кататься! / Панихида будет впереди...» («Катерина, Катя, Катерина!»);

- с предложением совершить какое-либо действие: «[...] Я орал в то же время кастратом / В уши людям. / Саван сдернули – как я обужен, – / *Нате смерти!*» («Памятник»);

- с предложением почтить кого-либо за его поступок: «Мой друг уедет в Магадан – / *Снимите шляпу, снимите шляпу!* / Уедет сам, уедет сам – / Не по этапу, не по этапу» («Мой друг уедет в Магадан»);

– с приказанием замолчать, не мешать, не шуметь, остановиться и т. д.: «*Оставить разговоры!* / Вперед и вверх, а там...» («Военная песня»); «*И пошла у нас с утра / неудачная игра, – / Не мешайте и не хлопайте дверями!* / И шерстят они нас в пух – / им успех, а нам испуг [...]» («У нас вчера с позавчера...»);

– с подтверждением осведомленности в каком-либо вопросе: «*Покой только снится, я знаю, – / Готовься, держись и дерись!* [...]» («Давно смолкли залпы орудий»);

– с извинениями: «[...] *Мореплаватель, простите, одиночка [...]*», «*Это утка, это бред – все до строчки! – / И простите, если резок и груб, – / Я там плавал, извините, в одиночку: / Он совсем не треугольник, а – куб!*» («Мореплаватель-одиночка»);

– с вызовом (отказ от какого-либо действия): «[...] *А не то я тёлочка крыть – не подумаю: / Рекордсмена портить мне – на-кось, выкуси!*» («П. Не пиши мне про любовь – не поверю я»);

– с приказанием сосредоточить внимание: «*Отвесные стены... А ну – не зевай!* / Ты здесь на везение не уповай [...]» («Здесь вам не равнина»);

– с приказанием не отступать: «*Мы рубим ступени... Ни шагу назад!* / И от напряженья колени дрожат [...]» («Здесь вам не равнина»);

– с пожеланием успеха: «*Мы вас ждем – торопите коней! / В добрый час, в добрый час, в добрый час!*» («Так случилось – мужчины ушли»);

– с риторическим вопросом: «*У него на двадцать дней командировка – / правда, ловко?*» («Что сегодня мне суды и заседания»);

• выражение клятвы: «*И я клянусь – последний буду гад!* – / Не ври, не пей – и я прощу измену [...]» («О нашей встрече»); «*Полным баком клянусь, если он не пробит, – / Тех, кто сядет на нашу галеру, / Приведем мы и в божеский вид, / И, конечно, в шоферскую веру*» («Мы без этих машин – словно птицы без крыл»);

• выражение раскаивания или покаяния – «*Парус! Порвали, парус! / Каюсь! Каюсь! Каюсь!*» («Парус»);

• подтверждение правдивости слов: «*С тех пор все шалавы боятся меня – / И это мне больно, ей-богу!*» («Я женщин не бил до семнадцати лет»); «[...] Пусть надеется и ждет – / Помощь Марьяна придет / Скоро-скоро, верно слово» («Иван да Марья»); «*Может, кто-нибудь обидится, / Но я, право, не шучу [...]*» («Солдат и привидение»); «*Говорят, что не помог ему заступник, / честно слово, – / Мишка Ларин как опаснейший преступник / аттестован*» («Говорят, арестован»).

При обращении авторского героя или других персонажей песен и стихотворений к воображаемым слушателям поэт также использует вводные конструкции самой разнообразной семантики. Приведем несколько примеров:

• вопрос – «*Профессионалы / в своем Монреале / Пускай разбивают друг другу носы, – / Но их представитель / (хотите – спросите!) / Недавно заклеен был в две полосы*» («Профессионалы»);

• наставление – «*Запоминайте! [...] // Не забывают! [...] // И не дрожите! [...] // Не убежите! [...] // Остерегитесь! [...] // Поберегитесь! [...] // Не доверяйте! [...] // Не подставляйте! [...]*» («Вооружен и очень опасен»);

• характеристика собственного поступка – «*Я взмахнул своим оружием... / Смейся, смейся, Сатана!*» («Песня про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие»);

• предложение оценить последствия событий, поступков и т. д. – «*Значит, личность может даже / Заподозрить в шпионаже!.. / Вы прикиньте – что тогда?*» («Перед выездом в загранку»).

Особую группу, интересную с точки зрения семантического наполнения и стилистической экспрессии (для создания ситуаций бытового общения), составляют вводные конструкции (частично упомянутые нами ранее) со значением степени признака, ха-

рактические отношения говорящего к чему-либо, интенсивности действия, самоидентификации и т. д. Например:

- самоидентификация – «Я – к Марии с предложением, – / *Я на выдумки мастак!* – / Мол, в другое воскресенье / Ты, Мария, сделай так [...]» («Песня про плотника Иосифа, деву Марию, Святого Духа и непорочное зачатие»);

- характеристика отношения (досады, укоризны, опасения, разочарования, осуждения, возмущения, восторга и т. д.) говорящего к объекту или предмету его сообщения – «А повешенным сам дьявол-сатана / Голы пятки лижет. / *Смех, досада, мать честна!* – / *Ни пожить ни выжить!*» («Разбойничья»); «К тому ж он мне вредит, – да вот не дале как вчера – / *Поймаю, так убью его на месте!* – / Сижу, а мой партнер подряд играет «мизера» [...]» («Невидимка»); «Двум белым ангелам сродни, / К земле направились они – / *Опасная повадка!*» («Песня о двух погибших лебедях»);

- выражение степени проявления действия, поведения кого-нибудь – «Дежурный по предбаннику / Все бьёт – *хоть землю с мелом ешь,* – / И я сказал охраннику: / Ну что ж ты, сука, делаешь?!» («В тюрьме Таганской нас стало мало»);

- выражение собственной решительности или степени решительности – «Я так решил – он мой, текущий век, / *Хоть режьте меня, ешьте и вяжите,* – / Я Гогер-Могер, вольный человек, – / И вы меня, ребята, поддержите!» («Песня Гогера-Могера»);

- выражение высшей степени невозможности или собственной неспособности совершения какого-либо действия – «И проснулся я в городе Вологде, / Но – *убей меня* – не припомню где» («Попутчик»); «Ой, где был я вчера – не найду, *хоть убей!*» («Ой, где был я вчера»);

- выражение собственного психологического состояния – реакции на кого-либо или что-нибудь – «Эта самая блондинка... / *У меня весь лоб горит!* / Я спросил: "Зачем ты, Нинка?" / "Чтоб женился", – говорит» («Невидимка»);

- сравнение двух ситуаций пребывания, проживания, действия кого-либо и т. д. – «Жил я с матерью и батей / На Арбате – *здесь бы так!* – / А теперь я в медсанбате – / На кровати, весь в бинтах...» («Песня о госпитале»);

- выражение собственного бессилия перед чем-либо – «[...] Всё норвят меня лизнуть, – *ей-богу, нету сил!*» («Песня о сумасшедшем доме»);

- контекстуальное выражение позитивной характеристики кого-либо – «Со мною он – *нальем ему, ребята!*» («Песня про стукача»);

- ссылка на собственные ранее высказанные мысли, характеристики, предпринятые действия и т. д. – «Подвела меня – *ведь я предупреждал!* – / дышалка: / Пробежал всего два круга – и упал, – / *а жалко!*» («Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную»);

- выражение негативного отношения говорящего к кому- или чему-нибудь – «Вот это мука, – *плюй на них!* – / Они ж ведь, *суки,* буйные [...]» («Песня о сумасшедшем доме»); «Я ему про свои неполадки, / Но ему незнакома печаль: / Материально – он в полном порядке, / А морально... *Плевать на мораль!*» («Экспресс Москва – Варшава, тринадцатое место»); «Баба, как наседка, квохчет / *(Не было печали!),* – / Вспоминай! Быть может, Вовчик – / Поминай как звали» («Как зайдешь в бистро-столовку»); «[...] Вот один недавно лег / вдруг – / Третий день уже летит, – / *стыд!* [...]» («Песенка про йогов»).

Таким образом, используя многообразие значений и лексико-грамматических конструкций вводных слов, словосочетаний и предложений, а также их интонационное богатство, Владимир Семенович Высоцкий не только «оживил» образы своих героев и наделил их богатством характеров и яркостью речи, но и объединил всех персонажей в один историко-этнический феномен – советский народ, неоднородный как по нацио-

нальному признаку и способу мышления, так и по оцениванию окружающей действительности, разноликий по поведению и поступкам, уровню культуры и индивидуальным характеристикам, по отношению к человеческим идеалам и ценностям.

Библиографический список

1. Скобелев А.В., Шаулов С.М. Владимир Высоцкий: мир и слово. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. 204 с.
2. Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века: материалы Третьей междунар. науч. конф. Москва. 17-20 марта 2003 года / Сост. Е.Г. Язвикова. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2003. 480 с.
3. Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. Вып. VI / Сост. А.Е. Крылов, В.Ф. Щербакова; ГКЦМ В.С. Высоцкого. М., 2002. 520 с.
4. Крылова О.А., Максимов Л.Ю., Ширяев Е.Н. Современный русский язык: Теоретический курс. Ч. IV. Синтаксис. Пунктуация. М.: Изд-во РУДН, 1997. 256 с.
5. Современный русский литературный язык: Учебник / П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, В.П. Жуков и др. Под ред. П.А. Леканта. 4-е изд. стер. М.: Высш. шк., 1999. 462 с.
6. Высоцкий В.С. Сочинения в двух томах. Т. 1. Песни (Предисл. С. Высоцкого, подг. текста и коммент. А. Крылова). Екатеринбург: изд-во «КРОК-Центр», 1995. 544 с.
7. Высоцкий В.С. Сочинения в двух томах. Т. 2. Стихотворения. Песни театра и кино. Поэмы. Проза и драматургия. (Подг. текста и коммент. А. Крылова) Екатеринбург: изд-во «КРОК-Центр», 1995. 544 с.

References

1. Skobelev A.V. Shaulov S. M. Vladimir Vysotsky: world and word. Ufa: BGPU, 2001. 204 p.
2. Vladimir Vysotsky: look from the XXI century: materials of the Third international scientific conference Moscow. On March 17-20, 2003 / Originator E.G.Yazvikova. M.: V. S. Vysotsky's GKTsM, 2003. 480 p.
3. Vysotsky's world: Researches and materials. Release of VI / Originators A.E.Krylov, V.F.Shcherbakova; V.S. Vysotsky's GKTsM. M., 2002. 520 p.
4. Krylov O. A. Maksimov L.Yu. Shiryaev E.N. Modern Russian: Theoretical course. H. IV. Syntax. Punctuation. M.: RUDN, 1997. 256 p.
5. Modern Russian literary language: Textbook / Item. A.Lekant, N. G. Goltsova, Accusative Zhukov and others. Under edition P.A.Lekanta. 4th publishing house stereotypic. M.: The higher school, 1999. 462 p.
6. Vysotsky V.S. Compositions in two volumes. Volume 1. Songs (S. Vysotsky's Preface, preparation of the text and A.Krylov's comments). Yekaterinburg: "KROK-center", 1995. 544 p.
7. Vysotsky V.S. Compositions in two volumes. Volume. 2. Poems. Theater and cinema songs. Poems. Prose and dramatic art. (Preparation of the text and A.Krylov's comments) Yekaterinburg: "KROK-center", 1995. 544 p.

УДК 81'282.2

*Воронежский государственный университет
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
Карасёва Т. В.
Россия, г. Воронеж, тел. 89515406737;
e-mail: t.v.karasyova@mail.ru*

*Voronezh State University
The chair of slavonic philology
PhD in philology, senior lecturer
Karaseva T. V.
Russia, Voronezh, tel. 89515406737;
e-mail: t.v.karasyova@mail.ru*

Т.В. Карасёва

ФОНЕТИЧЕСКИЕ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ЧЕРТЫ В РЕЧИ ЖИТЕЛЬНИЦЫ ГОРОДА ЕЛЕЦ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена описанию стойко сохраняющихся фонетических и грамматических диалектных черт в речи одного городского жителя.

Ключевые слова: диалектная фонетика, диалектная грамматика, диалектное словообразование, диалектная морфология, диалектный синтаксис, речь города, Елец.

T.V. Karaseva

PHONETIC AND GRAMMATICAL DIALECT FEATURES IN SPEECH OF THE RESIDENT OF TOWN YELETS OF LIPETSK REGION

The article is devoted to description of phonetic and grammatical features which fixedly persist in the speech of the city resident.

Key words: dialect phonetics, dialect grammar, dialect word-formation, dialect morphology, dialect syntax, speech of town Yelets.

По мнению диалектологов, «Елецкий район Липецкой области является интересным для лингвистического исследования объектом в силу своего территориального расположения и исторического развития» [4; с. 225]. Он уже не раз становился предметом внимания некоторых исследователей [1, 4, 5, 6, 8]. Известно, что «елецкие говоры учёные относят к межзональной группе Б Южного наречия» [5; с. 283].

Село Черкассы, расположенное недалеко от города Ельца, территориально входит в Елецкий район Липецкой области. Как указывают исторические источники, «примерно в 1660-е годы сюда пришли 12 семей черкасских (украинских) войсковых казаков. Шесть из них поселились здесь вблизи Талицка и основали село Черкассы. Остальные ушли к г. Чернавску и основали слободу Черкасскую» [7; с. 146].

Источником материала для нашего анализа послужили записи моно- и диалогичной речи, в том числе магнитофонные и диктофонные, сделанные нами в 2004-2012 гг. от уроженки села Черкассы Рягузовой (в девичестве Сапрыкиной) Антонины Дмитриевны, 1930 г.р., которая, в течение 60 лет (с 1953 г.) постоянно проживая в г. Ельце, сохраняет в своей речи различные диалектные черты, в том числе фонетические и грамматические.

Кроме того, поскольку «записки и частные письма представляют, собственно, фиксацию именно устно-разговорной речи со всеми её типичными особенностями» [3; с. 208], в связи с чем могут рассматриваться как надёжные источники, «выявляющие языковой облик авторов», ведь «кроме фонетических и фонологических диалектизмов, в письмах имеются также и морфологические, лексические и синтаксические» [2; с. 75], мы использовали и личные письма А. Д. Рягузовой (примеры из них даны с сохранением орфографии и пунктуации автора и обозначены звёздочкой).

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ: 1) яканье: *изне́жана**, *подя́ржать*, *проца́дить*, *решато*, *усягда*, *яди́м*; *Ни жанился* – да эта как он жывьёт, никто ни знаить; *У диревни так гаварять: «Я причастилась»*; «Ой, да я *причащаюсь!*» – у диревни так гаварять; *Рибятишки танцавали, а он глидел*; *Как она там тружаница великая**;

2) лабиализация гласных: *бувать*, *попроведуем*; *Ты, бувала, хадила у церкву*; *И я правадила иё, тожы денюшык ей дала*; *Были бы денюшки всё можно купить**; *Что угодно то и бери лиж бы денюшки были**; *И работа пачётная и денюшки платять хорошо**; *Ну, привозить денюшки?*; *Все они у нас рядушком лежать**; *Что мне нужно всё куплю хорошо рядушком ни куда не итти**; *Очень сурёзна больна**; *Я сурёзно ко всем отношусь**; *Уже и наябр на усходе** («на исходе»); делябиализация гласных: *Картошки лажы в лакошку* («в лукошко»);

3) ударный [о] на месте [а] в корнях личных форм некоторых глаголов на -ить (внутренняя флексия): *заворится*, *заплотишь*, *покотится*, *посодют*, *растоишут*, *сворють*, *тоишут*; *И уццтали усё, вреднасть, усё нам плотять щас*; *Прям разволитца* – нравитца иму тут;

4) [о] на месте [э]: *двёрка*; *Всю жизн на вино проработал а сечас и не видён**; *Далёка сабираишся?*; *Там ани и жывьуть нидалёко*; *А иё дочь, Маруськина и дяди Васи, аслёпла*; *И в адном дикабре раждёны*, *ув адном месицы, толька число разнаи*; *Молодые все хотять всё современное**; [е] на месте [о]: *ее*, *переве́рнешь*, *пойдем*;

5) [w] губно-губной (наряду с [в] губно-зубным): *Бу́тов*, *Гнезди́лов*, *вовсе*, *девка*, *корова*, *орденов*, *у больнице*, *у деревне*, *у избушке*, *у Липецке*, *у миску*, *у рот*, *у ступу*, *у устье*, *у чу́нях*, *у январе*, *увогнутья*, *увольёшь*, *уместе* («вместе»), *унучек*, *успросить* (от *вспросить*), *усякоськи*, *wsё*; *Папа вовсе в Ленигради галадовку пирижыл*; *И никаких дилов*; *А Алёшка у квартири – двухкомнатная*; *Диржы sibя у парятки*; *Ув Америку*, *и у Японию*, *и ув Италию* – куда толька их ни атсылалы, наши батареи; *Ана усю голува ей забила*; *Усю вайну праишол*; *Я уи тебе усё рассказывала, какии таблетки пью*; *Тут вить разварують усё*; *Вот ты усё помниш*; *Да у миня што есть, я усё раздаю*: «Вазьмити, пажалуста!»; *На стол паставять, и усе едят – вот эта трапе́за*: *паминаитца чилавек* (ср.: *И в церковь ходила и молилась и просила за Саиу что бы у него всё было хорошо**); *Мидаль увручили*; *Ани вить удваём жывьуть*; *Симья бедная, и не за шта узятца*; *И укусна, харашо*; *Он любить свою семью унуков**; *На меня стирает унучка**; *Эта так я усигда дома, в любои время*; *Устану* («встану») *подоиду к двери а она у меня не замкнута**; *Я толька устану* («встану») *и кровать свою уберу**; *Эта фсё вот у диревни, усякии таки*;

6) [г] фрикативный: *говорить*, *город*, *мох* («мог»), *помоуала*, *у сапоуах*, *утюх*; *Што ты ей каждый день творах, и творах, и творах?*; его выпадение в некоторых словах: *никогда* («никогда»), *обрюзнуть*, *слазить* («сглазить»), *тода* («тогда»); *Я люблю йишчки – када сварю, а када с этим, с калбаскай паджарю*; произношение слова *где* как *иде́*: *Ну а иде ш ана типерь жывьёт?*; *Иде Чиркасы*; *Жыл окала нас, иде мы пастроили*; *Вы то вдваём иде поспорити, а когда и поговорите**;

7) [х] на месте [к] в некоторых словах: *никто*, *парихмахер*, *Христина*, *кто*, *кто-то*; *Витя получил пенсию под Хрищение**; *Воды на Хрищенье привёз 15 лит.**;

8) [к], [х], [хв] на месте [ф]: *Епихва'новы, конхветы, кухвайка, охвормить** (наряду с *оформить**), *сарахван, хвабрика, «Хвастум-гель», хевраль («февраль»); Глахвира – иде вот атец жыл ишио у моладасти, дет твой; Ана нахватаграфиравала, изделала рамки; Я у фсех-та ни знаю хвамилию, хоть у Чиркасах; И помидоры и огурцы и яблоки и все хврукты всё в саду у нас расло**; [ф] на месте [х], [хв] (гиперкоррекция): *Сечас лета и мастеров на расфат** («нарасхват»); *Мне конечно фолиться («хвалиться») не чим**; *Холиться («хвалиться») мне нечим; Я ей наброла фурмы («хурмы») мондаринов бонанов кантет и прочие**;

9) произношение [ск] как [ц]: *А 7ого ноября октябрицкая**; [чн] как [шн]: *На кирпичнам, патом на илиментнам; [чт] как [шт]: Да пью – ани пашти, Таня, ни намагають; [шн] как [чн]: У каждого что-то болит и немочной**; [ч] как [щ]: *И всё прислала ему помоч оказала**; [щ] как [ч]: *И литровою сраз[у] покушать как посвечу** («освящу»); [ль] как [й] в что ль: *Ты абалдела што й?*;

10) долгие шипящие: *растоишут, тоишут; Я никогда ни таргавала и ни думала, а ты ишио придумала мне!*; *Я думала, причаишусь, но ни палучилась*;

11) протеза [и]: *Из («с») утра пашили халтуру зделали; Для себя вот что изделаю и уже устала**; *Да буду жыва – и тебе так изделаю, рас тебе нравитца*; эпентеза гласного: *возберётся, изо ржи, на Олеша'нце («в с. Ольша'нец»), пашаничный; Воскресения 20 его проводила**; *Они ваши кормилицы**; *Пилимени люблю со сметаной**; *И колбаску беру, пилимени, картошку молодую и огурцы молосольные кушою**; *Я его и всех на Посолтере («Псалтыри») поминаю**; *Держит тёлку теленою («тельную») и поросёнка и кур**; эпентеза согласного: *ув обеих, прибавутка («прибаутка»), роборт («робот»), страмота; Или мне залесть ф печку и задвахнутца?; Главное здоровья что бы ножки ходили хотя бы до тувалета и обратно**; эпитеза (как реализация тенденции к открытости слога): *нету; Когда она бывает во светых местах она поминает**; *Ото всей душе**; йотация: *идей-то, Йих никто ни сабирал, и на што ани ну'жны!*; *Камуй-та я буду штой-та?!; Нада, штоп хтой-та нёс туда, на почту; Вить и пастирать нада, и аддахнуть нада, и штой-та зготовить нада*;

12) диереза гласного: *можт, перночевать, полботинки, прализованный, экспримент; Заведуцим был у клуби; Патка («патока») – ана и белая есть, и каричнивая; Его жену пролизовало**; диереза согласного (в основном в результате упрощения групп согласных): *нерничать, подымать, сё («всё»), стряхнуться («встряхнуться»), топор'иться («топорщиться»), ша'неки («шанежки»); Нина работает заучем в школе**; *Она добреций человек**; *Дай ей Господи и лёгости и спорости**; *И что бы вас все незгоды обходили вас стороной**; *Очень устаёт и стала нерная часто плачет**; *Мастер хороший отремонтирует**; *А машина это железка отрематируют** (наряду с *отремонтировать*); *Он её всегда покальывает («подкальывает, подшучивает») и обзывает по всякому**; *Я часто споминаю как мы Тося всегда собирались на празники**; *Тепер нужно мёда купить на зиму всегда беру трёлитровую банку**; диереза слога: *двоюрный, трююрный, хто-нидь, щас; Владик работает на конеере** (наряду с *конвейер*); апокопа гласного: *Бувал, и на пост подола всех ваших записала и оздрави**; *Я вас всегда оздрави поминаю**; *«Кагой-т» ни называют, а «энтат»;* *Полнинькии – ангилочки прям, красивыи; На кирпичнам я пять лет работала, а эт тритцать лет – на илиментнам; апокопа согласного: Аликсан («Александр») приехал; Ани с Аликсанам там фстретились; У нас и доиш был, паэтому, можыт, у миня и давления; потеря йотации: пропо'ица («спившийся человек, пропойца»); *И падёи, и пагуляиш с ней*;*

13) метатеза: *бахмора' («бахрома»), бугахтер («бухгалтер»), серёд («среди») недели, тубаретка; Дорога в диревни услата камииками – па саше' («шоссе») пайдем: там сушы;*

14) ассимиляция гласных: *куды, панталгин* («пенталгин»); *Пузырёк боярошника, пузырьёк Волиряновки, пузырьёк Пустырника и Корворол всё смешать и пить**; *Окна вымола но не заклинвола** («заклеивала»); *Я ни в этом аддилении лжсала, иде стиникардия* («стенокардия»); ассимиляция согласных: *годилси, молилси, началси, серретарь* (наряду с *секретарь*), *спилси, щчекатурить* («штукатурить»);

15) диссимиляция согласных: *кальер* («карьер»), *корварол* («корвалол»); *Тилифон у них вколидоре**;

16) отверждение согласных: *деружка* («постилка, связанная из порванных тряпок; дерюжка»), *капрызный, Нинын, потолше, суда* («сюда»); *Захачу што – я вазму; Очень хорошая жсеница ловкая, чистуля и добрая душой**;

17) смягчение согласных: *доежжя, на коромыслях, Посалтирь* («Псалтырь»), *улутчеться** («улучшится»); *И крешовник* («крыжовник») *крупный и зрелый**; *А еда у него дома всё есть, лутче ресторанный закуски**; *Ваня ты знаеиш лутчи ты был с нами**; *Вот приежжял, десить дней был; Сторайся тихо спокойно день провести смотри телевизор**; ассимилятивное смягчение согласных: *аньгелочек, всё-тьки, глазьки, горьница, дьверь, жавороньки, у закутьке, коньвейер, орьден, отьдельно, сьвязано, сьмешной, тётке, усякоськи* (от *всякоски*), *цьвет*; прогрессивное смягчение заднеязычных: *Ванька, Петька, рядочкими, тряпочкай*; *А к вечеру уехал с девочками в Орёл**; *Я лжсала в бальницы с почкыми*; *Ды ана так-та ничиво деука-то, ана только рибая – рибушки у ней* (ср. также: *Раньше у дивевни знаиш как: «толька»*);

18) озвончение согласных: *чудок* (от *чуток* «чуть»);

19) иное ударение некоторых слов и словоформ: *а'гент, глу'боко, о'вцу, покра-сиве'й, се'мья*; *Уи када папа умир, а ей прислали даку'минты папины*; *Зво'нить она мне*; *Как кипя'чинаи малако*; *И ло'пшу* («лапшу») *натирали из этой жсы муки*; *Да ни нужно' мне ничиво, ни ну'жна*; *Старым ну'жон покой и что бы была еда**; *На што ани типерь ну'жны?*; *Никаму ни ну'жны были*; *Я думаю Вити брату моему поменки собрать**; *У нас вот бабушка была празо'рливая, рядом с нами жыла, иде Чиркасы-та*; *Ржа'ная мука*; *Мая старасть, Та'нюшка, харашо*; *Учитца мы ни учились, а тра'ву рвали ды на тилешки вазили, штоп карову пракармить*; *Выхажу, но щас-та вить халадно'*.

Отметим, что для речи А. Д. Рягузовой характерна различного рода хезитация (нелексические звуки, заикание, повтор и замена слов).

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ: 1) **иные префиксы:** *посветить* («освятить»), *потопа'ть* («утопать»), *увогнутья* («нагнутья»); *Сечас вроде всё хорошо только задышка* («одышка») *замучила**; *Двер железная что случитья не дай Бог и не залезиш** («влезешь»); *Ты што, с ним записалась?* («расписалась, заключила брак»); *Она всё делала сома эти[м] она тебя и наболовала** («избаловала»); *Вызвали врача, написали* («прописали») *таблеток**; *Миня атка'пали* («прока'пали»); *Ты иё пирикристила?* («покрестила»); *Всё для здоровья хотя чем подяржат** («поддержат»); *За мои грихи мне ну'ж[н]о и позадумотся** («призадуматься»); *А патом фсё сибе для замужыства пакупила* («накупила»); *И ни жывуть мужья – ани паражали* («нарожали») *вон да выхажывають сибе*; *Эта тожы вот приговорка* («поговорка»), *прибавутка к этому*; *Так вот я тебе всё прописала** («описала»), *Володя хотел приехать на мой день рождения но я рассоветовала** («отсоветовала»); *На кухне полас вода горячия и полас весь смазался* («измазался, испачкался») *от горячий воде**; *Так их уфсё угародиш* («загородишь») *штобы зимою ни памёрзли – клетачками, прутиками усё изделають, плетни с абоих старон и двёрку, и закроють*; *У вино у[г]рузились** («погрузились»); *И вреднасть усё ущитали* («посчитали»); **иные суффиксы:** *грязнуха* («грязнуля»), *морозовый* («мороженный»), *перекладьши* («перекладина»), *поширше* («пошире»), *станови'ть* («ставить»); *Осторела работать не гожаюсь** («гожусь»); *Может получили и запомнятывали* («запомятава-

ли, забыли»), *а потом и писать некому**; *Колаеть* («колет, вызывает ощущение жжения») *у нос*; *И Господь её* моление («молитву») *услышал**; *Потом* накладывают («накладывают») и *едят*; *Усё настановиши* («наставишь») *на стол*; *Везде* обхаживала («обходила») *где полегче**; *Щас* *падбирёзафками* («подберёзовиками») *там называют*; *Хто* «папанутца», *хто* «пападутца» – *эт адно и то жа*; *Но а Владик* *столи* («столы») *постоновил* («поставил») и *накрыл и торелки вилки разложил**; *Рябушки* («рябинки») *были на лице*; *У сирётку* («середицу») *пиривёртываши*; *У нас* *типльнь* («теплота»), *харашо: чистата, парядак*; *Я тоже* *купила* *трелитровых* («трёхлитровых») *банок**; *И* *унучик* («внучок») *там пайивился*;

2) дополнительные префиксы: *Мне Руслан* *придётся* *рассказать* *что, а я забуду и снова* *вспрашиваю** (наряду со *спрашиваю*); *У меня в Черкассах* *женщины* *вспросили* («спросили») *где Тоня твой-то* *дети**; *Позвонила* *вспросила* *у меня**; *А у Коли и сын и дочинка* *народилась** («родилась»); *Закуты* *позовалились** («завалились»); *Всё* *необходимое* *покупила* («купила») *на холодец**; *Столько мы все* *попережили** («пережили»); *Там была и кровать, и постель* *хорошая – и фсё* *папалучила** («получила»); *Всех* *попоменула* («помянула») *в сен[т]ябре* *Васю* *братика, Марию* *сестричку* *тепер* *сверковку* *12 октября**; *Мы с тобой* *везде* *обойдём, всех* *попроведем** («проведем»); *А утром с Сашей* *поедим на кладбище* *к отцу* *попроведем* *его* *посидим**; *Хорошо* *когда* *отдельно* *живут* *придут* *попроведуют* *и уйдут**; *Ваня* *попроведовал* *вас* *и* *домой**; *Прапоица – он* *фсё* *папранил* («пропил»); *Поговориши* *поразвеешся* («развеешься, отвлечёшься») *и как-то* *легче* *на душе* *становиться**; *А матирям* *горя, заботы* *придают** («дают, приносят»); *Усё* *спадрят* («подряд») *будить* *есть*; дополнительные суффиксы: *кози́ный* («козий»), *свекро́вка* («свекровь»); *Я* *делаю* *ком[п]рес* *водочный* *и одиколон* *сволирянковкой* («валерьянкой») *и массаж* *делаю**; *Галя –* *кулинарист* («кулинар»), *в ристаранах* *составляла* *миню*; *И* *пастиратца* («постирать») – *апять* *нагинатца*; *Тепер* *на всю* *жизнь* *все* *удобствия* («удобства») *в* *доме**; *Чудок* («чуть») *паменьшы* *изделала* *манжеты*;

3) отсутствие префиксов: *покойный* («спокойный»), *ма́слена* («масленица»), *ска́ла* («скалка»); *Заболела* *грипом* *и вот* *не* *могу* *стать* («встать») *на* *ноги* *твёрдо* *как* *раньше**; отсутствие суффиксов: *Устала* *утрам, а* *миня* *рот* *на* *баку* *и* *язык* *ни* *варочаит* («ворочается»); *Дождали* («дождались») *весну* *лето* *прекрасное**; *На* *всю* *свою* *оставшию* («оставшуюся») *жизнь**;

4) особые формы слов: увеличительные: *А* *к* *вечеру* *такой* *холодина* («холод») *на* *улице**; уменьшительно-ласкательные: *у* *око́нушку* («в окошечко»), *со́дица* («от сода»), *со́лица* («сольца»); *На* *всё* *Божия* *волюшка** («воля»); *Детачки* («детки») *харошыи* *фсе –* *как* *ку́льки*; *Ну, как* *твая* *дочушка?* («доченька»); *Ну, как* *он* *там* *жы-вёт* *с* *сваей* *дочушкой?*; *Нужно* *молочко* *ма[с]лице* *сахор* *маночка* («от манка») *всё* *денюшки**; *Туда* *и* *мучички* («мучицы»), *и* *яичка* *нада, штоп* *испечь*; *Я* *села* *написать* *вам* *письмишко** («письмецо»); *Заклучение* *дали* *отравления* *сомогоном* *вот* *вся* *причина* *его* *смертушки** («смерти»); *Господи, дай* *иму* *умочка* («умишка») *и* *здоровья* *харошыва!*;

5) разделение слова: *Они ей* *купили* *одну* *комнатную* *квартиру**.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ: 1) изменение рода: *жаворо́нка, катаракт, пропо́иц* (наряду с *пропо́ица*), *с сы́рцо́м* («с сырцой»); *В* *воскресенье –* *выходная* («выходной»); *Я* *уехала* *на* *кирпишную* («кирпичный завод») *работать*; *Пыльцо* («пыльца») *такая*; в том числе утрата среднего рода у некоторых слов: *Кокая* *прекрасная* *времичка**; *У* *меня* *была* *довления**; *Давления* *была* *высокая*; *Довления* *подскакивает* *до* *200**; *Там* *уш* *дела* *пашла*; *Но* *здоровья* *её* *не* *купиши**; *Была* *бы* *здоровья**; *Если* *ты* *хочеш* *и* *будет* *у* *тебя* *здоровья* *я* *приеду* *с* *ними* *и* *тебя* *возмём**; *Потом* *аттуда* *папала* *на* *кладбицу* (ср.: *И* *на* *кладбище* *с* *ним* *съездили, и* *у* *Чиркасы*); *Кру́жыва –* *ана* *фсигда* *была* *у* *моди*; *Мама* *кружеву* *плила*; *В* *лакошку* («лукошко»); *Маслу* *пра-*

мывают; *Кипя́чая малако*; Там была *абщи́жытие*; *Адиялка* мяхкая, и спить; *Окнү* аднү пратирала; *Тепер* сидим дома и смотрим *вокошку* на улицу*; *А у оконушку* по-смотрю и на кресло сяду*; *Я тебе* очень грусною *письмо* написала*; *Письмо* у меня получилась *пичальная**; *Письмо* моя получилась *скучной** (ср.: *Получила твоё письмо*)*; *Пастова́я питание*; *Сенү* травить; *Уже солнышко* появилась*; *Тирнения* большая; *Заваривали тесту*; *Шилү* у мешку не уташи*;

2) изменение числа: *Напрёи картох* («картофель»), *а патом* туда парачку *йичик* и муку; *Ачистила картошык* («картофель»), например; *Он умел* только *картошки жарить* и есть, *а большы* ничиво; *Я наворила ко[р]тошки**; *Собрали картошак* 10 мешков* (ср.: *Вы тоже картошку купили*)*; *На юга* («юг») люди *опосаються отды-хатъ* все бояться опасно*;

3) сущ. в ед.ч. в значении мн.ч.: *У меня капуста* на балконе и *картошка* и *помидор* и *огурцы* всё на балконе*; сущ. во мн.ч. в значении ед.ч.: *У нас сасетка* и *институты* кончила; *А я вот написала* вроде *поделилась мнениями**;

4) осмысление собирательных существительных как формы мн.ч.: *Эти, бахмара́,* так-та *матаютца*;

5) изменение некоторых слов 3 скл. по 1 скл.: *Вот наша жизнь* *неблогополучная**; *Так жизнь* наша *устроена**; *Усю жизнью* с ним *прожила**; *Матирю* *задавил* трактарист у калхоза; *Нинка* *усегда* *злитца*, *на матирю* *ругаитца*; *Мы* *стилили* на *пастелю*; *Он живёт у свекровьи* с *отцом**; *У церкву* *паставят*; *В церкву* бы *хадила*;

б) несклоняемость существительного *дитя*: *Но вить* у них *дитя* *нету*;

7) ударное и безударное окончание -е в Р.П. ед.ч. у существительных ж.р. 1 и 3 скл.: *От горячий воде**; *Ото* *всей душе* *тебя* *желаю* *счастья* и *здоровья* на *долгие* *годы**; *Это* *Нины* *моей сестре* *внучка**; *Курение* от *нечистой* *силе**; *С* *адной* *старане*; *С* *этой* *старане* *зделаши* *хвостик*;

8) безударное окончание -и в Р.П. ед.ч. у существительных твёрдой разновидности 1 скл.: у *пани*;

9) безударное окончание -у в Р.П. ед.ч. у неодушевлённых существительных мужского рода 2 скл.: *Эта* *ат* *голаду* *толька*; *Ладу* *нет* *ни* *кокого**; *5* *ведер* *чеснока* и *5* *ведер* *луку**; *Тада* *веть* *сахару-та* *не* *была*;

10) окончание -ы в Д.П. ед.ч. у существительных 1 скл.: *Вчера* *звонила* *Шуры**;

11) расширенная конструкция Т.П. у существительных м.р. 2 скл.: *Я* *постом* *не* *кушаю* *мясо* *или* *колбасу**;

12) ударное окончание -у в П.П. ед.ч. у существительных м.р. 2 скл.: у *мешку**; *в платку*; *А* *какии* *на* *Тулупавки* *жывутъ* *или* *на* *Каницу*; *Были* *там*, *у* *карапку* *лижали* *долга* *письма* *и* *мидали*; *У* *своём*, *можно* *сказать*, *уголку**;

13) ударное окончание -е в П.П. ед.ч. у существительных ж.р. 3 скл.: у *грязе́*;

14) выравнивание основы у существительных ср.р. на -мя: *А* *у* *него* *время* *нет* *вес* *в* *делах* *загружен**;

15) изменение названий сёл на -о по типу склонения прилагательного: *Живёт* *на* *Голиковой** («в с. Го́ликово»); *Работает* *на* *Голиковой**; *Деньги* *получить* *и* *опять* *на* *Голикову** (ср.: *То* *на* *Голиково* *то* *в* *Черкассы* *ездить*)*; *Марфуша* *з* *Дрезга́лавай* («из с. Дрезга́лово»);

16) безударное окончание -ы в И.П. мн.ч. у существительных ср.р.: *блюды*, *окны*, *решёты*, *ситы*;

17) ударное окончание -а (-я) в И.П. мн.ч. у существительных ж.р. 1 скл.: *лоша-дя́*;

18) нулевое окончание в Р.П. мн.ч. у существительного *день*: *на* *сорок* *день* (ср.: *На* *сорок* *дней* – *трапе́за*);

19) ударное окончание *-ов (-ёв)* и безударное окончание *-ев* в Р.П. мн.ч. у существительных м.р. и ср.р.: *из каменёв, полотенцев**; *Наварила вареньев из клубники 10 лит. баночек**; *Да вот тебе столько и дилоф*; *Делов много он работает и дома нужно всё сделать**;

20) ударное окончание *-ями* в Т.П. у существительных *дети, люди*: *Аня с детьми дома**; *Когда с людьми общаешься чувствуешь что людям нужен**;

21) окончание *-ой* у некоторых прилагательных в И.П. ед.ч. м.р.: *немочной**, *неуклюжей, старой*; *Фсё-тьки он, дедушка-та, был красивой*; *Пость Петровский был маленькой две недели**; *Лодарь нивозможнай*; *Зять очень строгий неласковой**; *Этат – никудышнай**; *И жывьёт никаму нинужнай, прапо'ица*; *Вы старенкои да ещё и болеите часто**; *Мало ли что может случиться вы старенькои**; *Какой харош-енькай мальчик, стал лапатать!*;

22) употребление числительного *оба* с существительными ж.р.: *С обоих старон*;

23) окончание *-я* у местоимений *я, ты, себя* в Д.П.: *Они меня и помогали и морально, и душевно**; *Большое спасибо тебя**; *Спасибо тебя моя радость**; *Я не верю тебя**; *Я бы тебя желала счастья**; *Может тебя что нужно**; *Тебя всё подовала**; *А надо бы тебя подумать**; *Я много убудку тебя зделал и буду тебя деньги отдовать**; *Так я подрабатываю себя на храм, на помен**; *Ваня тебя сообщая**; *Всё себя позволю купить что я хочу**; *Хорошо когда сам себя можеш приготовить**; *Сома себя сготовлю и покушаю**; в П.П.: *Молодец, проводиш эксперимент на себя**;

24) окончание *-е* у местоимений *ты, себя* в Р.П.: *Харашо у тебе вот муш*; *У тебе дитёнак есть – как харашо!*; в В.П.: *Я тебе заколебала своими проблемами**; *Пока она не пришла в себе**; *Он всё оформил на себе**; *И адивались, и патстилали пат сибе кирпичи*;

25) форма *ней* у местоимения *она* в Р.П.: *Он без ней жить не может**; *Она ведь усю жизнь для ней жила и всё ей помогала**; *Тоскают из подней судно**; *Капа'ица, а у ней ничиво ни палучаица*; *У ней Ленка замуш вышла*;

26) местоимение *ихний* «их»: *Выростила ихних**;

27) форма *чего* у местоимения *что* в В.П.: *Работает поспециалности или устроился лижбы жить было на чего**;

28) изменение местоимений ср.р. в косвенных падежах по типу ж.р.: *Работает всю время в день**; *Усю время там он начальникам был*; *Так ы пражысл усю жызню*; *Выдолбит эту, дно-та*; *Всю оборудовоние*; *Фся багатства – здаровья*; *Каждою воскресенье**; *Адной жыть – какай-та эта жызня!*; *Наша счастье**; *На нашу кладбище**; *Думою время сома всё сдедает**; *Самая эта багатства – здаровый рибёнак*; *Молочко своя**; *Жызня такая* (ср.: *Ну, тагда вить такая жызнь была*);

29) местоимения *этот* «этот» и *энтот* «тот»: *А энтат вон спился*; *А папона – энта из авечей шерсти, энтай адиватца, папонай*;

30) ударение на основе у глаголов в инфинитиве: *Мой крест и несть мне его до конца моих дней**;

31) выравнивание основы: *пекёшь, стонает, толкёт*; *То на Голиково то в Черкассы ездить**; *Маруся Нина каждый день ездют**; *Паеду съездию у дивеню*; *Почитаю и ляжу отдохну тиливизер смотрю**; *Пусть побудет на людях отвлекётся от дома**; *Я никогда не пылесосю и ничего не подымаю**; *Хочим что бы и молодые нам подрожали а они тепер по своему живут**;

32) особые видовые пары: *вспоминать – вспомяну'ть* (Ну и харашо: *есть што фспамина'ть*), *гожатся – годиться, казать – сказать* (*Я ей кожу что нибуд а она спить**), *ложить – положить* (*На первое ци люблю с тушонкой и приправу ложу**; *У бальницу не ложат – ни лажы'тца*), *научать – научить, помогать – помогнуть* (*И всё нужно помогнут посоветывать**), *прижимать – прижмать, прилепливать – прилепить*;

33) окончание *-ут/-ют* у глаголов II спр.: *женются, наложут, посодют, постелют, растошиут, расходуются, сварют, топют*; *Эта миня возют*; *Ну, ани многи щас сами гатовют*; *К ней ездют часто**; *А ани мастира, да любют пить!*; *Становют иж жылески*;

34) конечное */ть/* (наряду с */т/*) в окончаниях глаголов 3 л. ед.ч. и мн.ч. в настоящем и будущем времени: *Он, канешна, тожы увесь бальной: ноги у ниво баять, руки баять*; *Как быстро время бежит**; *Время бежит* быстро как никогда раньше не замечала я как сейчас*; *Так время бежит* день за днём*; *Ноги у миня баять, атикают*; *Эта иде-нибуть кто-нибуть сплетни какия – вот: кабель ни видить и ни брешыть*. *Нада, штобы никто ни видал: ни видал никто, и гаварить ни будить*. *Эта фсё диривенскии прибаутки*; *Ваня мой дядя хорошо выглядить**; *Ни кто не говорит в глоза, не хотять тебя обидить**; *Говорить* что на 1^о мая приедут*; *Можыт, он ни гаварить* ничиво, а *можыт, ей не гаварять* – я-та аткуда знаю?; *Все кто живёт по одиночки все так говорят**; *У квартирах ани ишио римонт делают, а у сваих дамах...*; *Ана уже типерь держыть галофку и сидить*; *Ды у Липицки жывёт*; *Я знаю что у тебя холодильник забить* всеми продуктами*; *Значить* память *читить**; *За вами ухаживает и купае и кормить* вас вкусно*; *Но у него хорактер такой он сильно кричить* а это никому не нравиться*; *Серёжа молодец деда купае**; *В голову всякие мысли лезут**; *Што, он может* с чилавекам пагаварить или там што?; *Накормит и напоить* и спать *уложит* бабушку и дедушку*; *Сколько и ана пенсию палуцаить?*; *И пусть* Валя *паможыть* пирикрестить; *Валя потерпит* пока они всюю квартиру перейдут*; *Мама тебе намагаить* – *хоть када приходить?*; *А сработы каждый человек приходит* уставший*; *Он пылесосить* я пыль протираю* (наряду с *пылесосить*); *Да ана работаить* для sibя; *Пирикрестим, када иво нету, – што, он узнае?*; *Уйдёт, а я их кармлю*; *Ваня ходить* на улицу на лавочки *сидят* и разговаривают*;

35) постфикс *-ся* у глаголов со значением длительного действия: *С ним там дружытца?*; *Зделаи бабушки пусть пойдёт* это не навредит, а наоборот состояние улутчётся*; *Всё за него делает* и каждый день, пока он *отопьётся**; *Мне было плохо я рволась** («имела рвоту»);

36) постфикс *-си* у возвратных глаголов: *А то вить каждый день вапце* *закружыси*: *абеды, зафтраки гатовить, усё*; *А там Затон* называлси, *и там была Глахвира*; *Щас вить малинькая – парадусси*; *Фсю жызнь пражыла – усё была: и ругалси он, и ты иво ругала*; *А што асобава – ни смейси*; *Ну, справляешси?*; *Шлёпниси, бывала – думаиш: «Госпади, хоть бы долга ни прасыпались!»*;

37) страдательные причастия прошедшего времени с суффиксом *-т-*: *разорватый, рватый, ткатый, услатый*; *Но дома лутче всех вместе собратых**.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ: 1) согласование по смыслу: *А сейчас ведь молодёж не хотять* даже *узвинитца* за свои поступки*;

2) особое предложно-падежное управление:

– *быть благодарным, зависеть, нуждаться, радоваться* + сущ. или мест. в Т.П.: *Я ею очень благодарна**; *Ни кем не зависима**; *Ничем ни нуждалась*; *Вы ведь и не нуж[д]ались* вроде *хожалкой**; *Радныи, а друх другам ни нуждаются* и *ни нуждались* никогда – *када горя паткинит, тада, моить, и атзавутца*; *Надо радоваться* каждым *днём**;

– *быть хозяйкой* + предлог *над* + сущ. или мест. в Т.П.: *Я ни хозяйка над ним**;

– *говорить/поговорить, думать, забыть, знать, писать/написать, прописать* («описать»), *спрашивать (вспрашивать)* + предлог *за* + сущ. или мест. в В.П.: *А Маруся всё за Нину ты её охраняеш, ты для неё живёиш**; *Што ты за нас гавариш?*; *Што гаварить* за эту *жызнь*, я ни хачу иё *спаминать!*; *Как я не хочу что бы за меня гово-*

*рили плохо**; *За всё поговорили*; *После всего даже и думать за неё не стоит**; *Забудь за всё жил то хорошо всегда**; *А за Алексея и за Мефодия я всё знаю**; *Я за всех* («обо всех») *всё написала по немногу**; *А что я вам пишу за себя**; *Ты мне пишешь за Иру**; *Вот письмо написала сама всё хорошо прописала за всех**; *Спрашиваешь я так понела за Надю заловку маю?**; *Она всегда за вас спрашивает**; *Ты спрашиваешь за дверь какую мы поменяли**;

– *жить, лежать* и др. + предлог *на* + сущ. в П.П. (о названиях сёл): *Отвести ему на Голикову** («в с. Го́ликово»); *Алег живёт на Ериловке** («в с. Ери́ловка»); *Живёт с бабушкой и дедушкой на Калпака́х* («в д. Колпаки́»); *Лежала больная на Олешанце** («в с. Олша́нец»);

– *не чаять души* + сущ. или мест. в Р.П.: *Все души её нечаили**;

– *описать* + предлог *о* + сущ. или мест. в П.П.: *Немного опишу о себе**;

– *погибать, страдать* + предлог *через* + сущ. или мест. в В.П.: *Весь народ страдает через пняку, а её всё большие продают и накл[е]йки красивые, а человек погибает через неё**;

– *поговорить письмом*: *Телефон я не очень люблю; только голос услышишь ваш, а поговорит лучше письмом**;

– *приступить, радоваться, удивляться* + предлог *на* + сущ. или мест. в В.П.: *Очень хорошо отдохнули и уже на работу приступили**; *И радуюсь на всё**; *Я сома удивляюсь на себя**;

– *три* + сущ. банка в Р.П. мн.ч.: *Мёда я тоже купила три литровых банок**;

3) управление при непереходных глаголах: *Храмал нагою*;

4) изменение семантики предлогов:

– *в «на»*: *Бабушка я сегодня вноч домой не приду**; *Он своих унучак привозил выступать в концерте или от организации?**; «перед»: *Ты мне сказала, а у миня даже у глазах*;

– *во «у»*: *Убрал во всех**; *Хочу что бы было во всех и спокойно, и благополучно**;

– *до «около, примерно»*: *Вчера звонила до двух раз и всё зането было**;

– *за Москвой и под Москвой*: *Ну, да веть эта разница: какии да Масквы ни даижжяя жывуть, вот, например... Падольск – эта уже за Масквой, а какии суда ближы, мошт, што там, Тула, патом ищё – вот эти под Масквой, ни даижжяя Масквы жывуть*;

– *на «в»*: *Причецаюсь на этот день**; «для»: *Это только на разговор и на обсуждение**; «к»: *Вобшем на зиму вы приготовились**;

– *от «из-за»*: *А мы этого не понимаем и не хотим понять от своей гордости**;

– *по «с, со»*: *Очень всё уютно и по вкусу**;

– *под «у»*: *Проволялась как неволяшка под телевизером**;

– *при «в»*: *У неё пока всё хорошо, писала при настроении**;

– *с «из»*: *Марфуша з Дрезгаловой* («из с. Дрезга́лово»); *Блины с картошек*; «от»: *И вот отделалась с делами и села написать вам письмо**;

5) повторение предлогов: *Ана веть сильна на Сашки на мужу кричала*; *У горьницу у халодную усё складывают*;

б) появление предлогов: *С ремонтом занимается**; *Тепер он с ней упился стал настоящий олкоголик**;

7) отсутствие предлогов: *Она похоронила папу и живёт его квартире**; *Живут своей семье дружно и в тишине и покое**; *А он прям окала нашыва, стенка стенку пачти*; *Я клубнику покупала и толкла сахаром и чай пила с ней, а сечас смородина и малина тоже талку сахаром**; *Туда сюда сумкой ходиши**; *Хорошую семью попал**; *И церков хожу в Казанскую**;

8) изменение семантики союзов: *пока* «когда» (*Пака кончилась вайна, и тада он прииол*); *что* «потому что» (*Хоть бы килаграм муки дали нам, что нас шесть чилавек папа ваститывал и только адин работал*);

9) прилагательные и причастия в полной форме в роли сказуемого: *И сыт, и даволный и славу Богу**; *Отец доволный всё с ним**; *Тут побыла, и проводили её, она доволная такая**; *Она такая даволная была**; *Все договариваются и доволные**; *Очень даволные все зделали**; *Все очень доволные**; *Очень доволные и вам послали поздравление**; *Очень даволные и радостные** (ср.: *Я так даволно**; *Я прям так даволна*); *Папа был раниный*; *Очень постарел и выглядить уставший**;

10) определения и придаточные, отделённые от определяемого слова рядом других слов: *И в банку закрою маринованую**; *Никуда эту болезнь не денешь, какая у меня**; *И церков хожу в Казанскую на кладбище которая**;

11) неполные предложения: *Ты всегда за мной как за ребёнком**; *Её сын моёр милиции жена его – серритарём**;

12) слово *эти* вместо *это*: *Вот эти гаварушки*; *Вот эти кажылетки*; *Вот эти аладушки*;

13) конструкции *на что, на что-то* «зачем»: *Ну, и на што?**; *На штой-та эта была нужна!**; *что ни* «чем»: *Што ни большы месиш, растрёпки рыхлей; этот год «в этом году»: А этат гот ни знаю, как ана*;

14) иное сочетание слов: *Вот какое горя он мне приподнёс не ожидонно**; *Потихоничку делаете для себя уют и порядок чистоту**; *Приезжали и у карты играли очень подолгу**; *Создай ей покой и делай как она тебя всё подовала на стол**; *Стирку произвела**.

Итак, речь А. Д. Рягузовой изобилует фонетическими и грамматическими диалектными чертами, которые, безусловно, нуждаются в дальнейшем научном изучении.

Библиографический список

1. Головин В.Г., Головина Л.И., Провоторова Е.А. Говоры Липецкой области. Пособие по краеведению: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ин-та, 1987. 90 с.

2. Йокояма О. Изучение диалекта на материале ненормированных писем крестьян конца XIX века // Актуальные проблемы русской диалектологии: тез. докл. межд. конф. (23-25 октября 2006 г.). М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2006. С. 74-77.

3. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учеб пособие. М.: Просвещение, 1977. 223 с.

4. Межецкая Г.Н. Елецкие говоры: диалектологические разыскания // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы IV межд. науч.-практ. конф. (Воронеж, 27-28 октября 2007 г.). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2007. Ч. I. С. 225-230.

5. Межецкая Г.Н. Фонетический портрет диалектоносителя (на материале одного елецкого говора) // Семантика. Функционирование. Текст: межд. межвуз. сб. науч. тр. Киров: Изд-во Вят. гос. гуманит. ун-та, 2007. С. 283-288.

6. Межецкая Г.Н. Экспериментально-фонетическое исследование современных елецких говоров (безударный вокализм) // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества: тез. докл. межд. конф. (19-21 октября 2009 г.). М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова, 2009. С. 157-158.

7. Прохоров В.А. Липецкая топонимия. Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжн. изд-во, 1981. 160 с.

8. Саввина Ю.Ю. Ботаническая лексика Ельца и Елецкой округи в аспекте лингвистического краеведения // Проблемы литературного и лингвистического краеведения: сб. материалов науч. конф. молодых исследователей (Орёл, 3-4 марта 2006 г.). Орёл: Изд-во Орловск. гос. ун-та, 2007. С. 91-94.

9. Черенкова А.Д. Опыт анализа полудиалекта // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы VI межд. науч.-практ. конф. (Воронеж, 29-30 октября 2011 г.). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 2011. С. 98-106.

References

1. Golovin V.G., Golovina L.I., Provotorova E.A. Dialects of the Lipetsk region: Manual for Local Lore Course: the School-book. Voronezh: Publishing House of the Voronezh State Pedagogical Institute, 1987. 90 p.

2. Yokoyama O. Dialect Studying on a Material of Unrationed Letters of Peasants of the End of the XIX Century // Actual Problems of the Russian Dialectology: Thesis of Reports of International Scientific Conference (2006, October, 23-25th). Moscow: The Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradov of the Russian Academy of Sciences, 2006. P. 74-77.

3. Kozhina M.N. Russian Stylistics: the School-book. Moscow: Prosveshcheniye, 1977. 223 p.

4. Mezheritskaya G.N. Yelets Dialects: Finds of Dialectologist // Problems of Studying of a Live Russian Word on a Boundary of Millenia: the Materials of VI International Scientific and Practical Conference (Voronezh, 2007, October, 27-28th). Voronezh: Publishing House of the Voronezh State Pedagogical University, 2007. P. 225-230.

5. Mezheritskaya G.N. Phonetic Portrait of the Dialekt-Speaking (on a Material of One Yelets Dialect) // Semantics. Functioning. Text: the International Interuniversity Collected Articles. Kirov: Publishing House of the Vyatka State Humanitarian University, 2007. P. 283-288.

6. Mezheritskaya G.N. Experimental and Phonetic Research of Modern Yelets Dialects (Unaccented Vocalism) // Actual problems of the Russian Dialectology and Old-Belief Research: Thesis of Reports of International Scientific Conference (2009, October, 19-21th). Moscow: The Institute of Russian Language named after V.V. Vinogradov of the Russian Academy of Sciences, 2009. P. 157-158.

7. Prokhorov V.A. Lipetsk toponymy. Voronezh: Central Chernozem Publishing House, 1981. 160 p.

8. Savvina Yu.Yu. Botanical Lexicon of Yelets and Yelets District in Aspect of Linguistic Study of Local Lore // Problems of Literary and Linguistic Study of Local Lore: Collected Articles of Young Researchers Scientific Conference (Oryol, 2006, March, 3-4th). Oryol: Publishing House of the Oryol State University, 2007. P. 91-94.

9. Cherenkova A. D. Experience of the Analysis of a Half-Dialect // Problems of Studying of a Live Russian Word on a Boundary of Millenia: the Materials of VI International Scientific and Practical Conference (Voronezh, 2011, October, 29-30th). Voronezh: Publishing House of Voronezh State Pedagogical University, 2011. P. 98-106.

УДК 801.3=82(045/046):26

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.;*
*кандидат филологических наук, ассистент
кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Сулемина О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru;
may2005@yandex.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication,
PhD in philology, associate professor
Bugakova N.B.;*
*PhD in philology, assistant lecturer
Sulemina O.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;
e-mail: ya_witch@mail.ru
may2005@yandex.ru*

Н.Б. Бугакова, О.В. Сулемина

ЛЕКСИКА ОТДЕЛЬНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАРГОНА ВОДИТЕЛЕЙ)

В статье рассматривается понятие «жаргон», история становления термина, приводятся точки зрения на жаргон различных ученых, говорится о необходимости различения жаргона, социодialecta, арго; анализируется лексический состав профессионального жаргона водителей-дальнобойщиков.

Ключевые слова: лексика, жаргон, профессия, водитель.

N.B. Bugakova, O.V. Sulemina

VOCABULARY OF CERTAIN PROFESSIONAL GROUPS (ON THE MATERIAL OF DRIVERS' SLANG)

The article sites the notion of slang, the history of the term is described, the viewpoints of different scientists for slang are analyzed, the difference between slang, social dialect and cant is considered, the vocabulary of professional slang of truckers is analyzed.

Key words: vocabulary, slang, job, driver.

Задачей данного исследования является рассмотрение лексических особенностей жаргона профессиональных водителей.

Необходимо отметить, что водители, как отдельная социальная категория, безусловно, используют профессиональный жаргон. Но жаргон водителей, занимающихся грузоперевозками на дальние расстояния, отличается от жаргона других водителей прежде всего по лексическому составу, очевидно, в силу некоторой специфики данной профессии.

Известно, что язык — это «практическое, действительное сознание» [2], в котором отражен не только общественно-исторический опыт человечества, но и социальный статус конкретного слоя общества. Язык имеет знаковую природу и системную организацию, являясь вследствие этого универсальным средством общения. Язык используется в быту, в производственной деятельности человека, в различных областях науки, культуры, общественной и политической жизни общества [1].

Выбор и активизация различных языковых средств в каждом конкретном случае зависит от целей, задач и условий общения, а также от социальной среды, возрастной группы и многих других факторов. Так проявляется функциональное расслоение русского языка. В различных функциональных слоях языка используется своеобразная стилевая система: в быту — бытовая, в общественно-политической жизни — публицистическая, в административно-правовой - деловая и т.д.

В силу этих обстоятельств, помимо прочих слоев, в языке выделяются также социальные диалекты, один из которых – жаргон – является предметом данного исследования.

«Жаргон» — от фр. «jargon» — речь относительно открытой социальной или профессиональной группы, которая отличается от общеразговорного языка особым составом слов и выражений [3]. Это условный язык, понятный только в определенной среде, в нем много искусственных, иногда условных слов и выражений. Однако в настоящее время наблюдается тенденция выхода жаргона за рамки породивших его профессиональных или социальных групп, с одной стороны, и увеличение пропасти между литературной и жаргонной речью, с другой стороны, что в немалой степени связано с демократизацией и даже «вульгаризацией» общественной жизни [10]. Жаргон теснит респектабельную речь не без помощи средств массовой информации и распространения массовой культуры, которые накладывают отпечаток на язык всей нации [6]. В XX веке произошла техническая революция, заметно ускорился темп жизни, увеличился словарный запас, ведь каждому новому понятию должно соответствовать как минимум одно слово. Соответственно расширился словарный запас жаргона, добавились тысячи новых слов, отразивших политические и социальные перемены. Новые слова возникают и для того, чтобы освежить старые понятия.

Принято деление жаргонов на классово-прослоечные, производственные, молодежные, жаргоны группировок людей по интересам и увлечениям. К производственным относятся жаргоны любых профессий, которые непосвященному понять очень трудно [8].

Нами было проведено исследование профессионального жаргона водителей, занимающихся грузоперевозками на дальние расстояния, так называемых водителей-дальнобойщиков.

Лексемы и фразеосочетания (далее ФС), используемые водителями-дальнобойщиками наиболее часто, путем опроса были отобраны нами для рассмотрения, расклассифицированы и проанализированы.

Мы предлагаем выделить следующие группы лексем, используемых представителями исследуемой профессии:

1) Лексемы и ФС, обозначающие стиль поведения водителя на дороге:

шахматист – водитель, часто перестраивающийся из ряда в ряд;

чайник – начинающий водитель, едущий очень аккуратно, чрезмерно соблюдающий правила дорожного движения;

закрывать калитку - во время плотного движения при необходимости перестроения едущий следом дальнобойщик выезжает на соседнюю полосу, позволяя тебе начать обгон.

2) Лексемы и ФС, обозначающие различные ситуации на дороге.

Лексемы этой группы были разделены нами на следующие подгруппы:

а) лексемы, называющие различные аварийные ситуации:

сложиться – аварийная ситуация, при которой прицеп движется не в том направлении, что тягач;

упасть – перевернуться;

ножницы – то же, что *сложиться*.

б) ФС, характеризующие окружающую среду:

дать обстановку – описать ситуацию на дороге (посты ДПС, погода, наличие аварий и т.п.);

обочина на «аварийке» - фразеосочетание, означающее наличие на обочине аварийной ситуации;

машинка работает – фразеосочетание, означающее наличие в непосредственной близости сотрудников ДПС (часто с камерами, радарам).

3) Лексемы, обозначающие некоторые детали и составные части автомобиля:

бабочка – фургон с подъемными боковыми стенками;

кочерга - рычаг переключения передач;

петушки – обязательное в России обозначение автопоезда (три огонька на кабине);

воздухан - воздушный фильтр;

голова, башка – седельный тягач без полуприцепа;

реф, холодильник – рефрижераторный кузов, прицеп или контейнер;

юбка, фартук - спойлер под передним бампером;

рога – габаритные огни на резиновых кронштейнах на задних нижних углах кузова или прицепа;

курятник – надстройка кабины, оборудованная спальным местом;

стопарь – стоп-сигнал;

стукач – прибор, определяющий расход топлива;

телега – полуприцеп;

термос – термоизолированный кузов;

тиски – тормоза;

прыщики – боковые повторители поворотов;

баранка — руль.

4) Лексемы, обозначающие названия автомобилей.

В данной группе лексем можно выделить следующие подгруппы:

а) лексемы, обозначающие ироничные названия автомобилей, возникшие на основе внешнего сходства:

аквариум – автомобиль Renault Magnum;

кепка – автомобиль Volvo с низкой кабиной с козырьком и обтекателем;

косорылая – автомобиль Volvo FM/FH последней серии;

улыбка - автомобиль Renault Premium;

хмурый Федор – автомобиль Scania 4-ой серии Top-Line с козырьком.

б) лексемы, обозначающие названия автомобилей, основанные на созвучии или игре слов:

мерин – автомобиль Mercedes;

Глобик – автомобиль Volvo модели Globetrotter;

Овечка – автомобиль Iveco;

Интер – автомобиль International;

Страус - автомобиль Iveco Stralis;

Фред – автомобиль Freightliner;

Кеша – автомобиль Kenworth;

Эфашка – автомобиль Volvo серии FH;

Эфка – автомобиль Volvo серии F;

Скамейка – автомобиль Scania;

Мазурик – автомобиль МАЗ.

в) лексемы, обозначающие ироничные названия автомобилей, основанные на переносе значения по внешнему сходству, техническому состоянию машины и т.п.:

головастик – автомобиль МАЗ 500;

бедуин - легковой автомобиль с грузом на крыше;

арбуз-транс, шайтан-арба - сильно перегруженные овощами КАМАЗы, с прицепом или без, везущие овощи-фрукты летом-осенью в направлении с юга на север, традиционно с номерами 05rus (Республика Дагестан);

Буратино-транс – лесовозы.

потомок Чингис-хана – автомобиль КАМАЗ;

ведро с болтами – старая машина;

летучий голландец – автомобиль, едущий в тёмное время суток без габаритных огней;

микробы – микроавтобусы и грузовики размером меньше «Бычка».

г) лексемы, обозначающие названия автомобилей, образовавшиеся от названия страны-производителя:

Америка – автомобиль американского производства (International, Freightliner, Volvo VN, Volvo VT).

Европеец - автомобиль, произведенный в Европе (Iveco, MAN, DAF, Mercedes, Scania).

5) Лексемы «идти», «ходить».

Данные лексемы вынесены нами в отдельную группу. Обусловлено это тем, что представители анализируемой профессии используют лексемы *идти*, *ходить* в значении «ехать в каком-либо направлении в соответствии с маршрутом». Данные лексемы используются водителями вместо лексем «ехать», «ездить». Водитель-дальнобойщик никогда не скажет: «Я ехал в Москву», для него характерно использование формы «Я шел на Москву» [4].

Таким образом, исследовав лексический состав профессионального жаргона водителей-дальнобойщиков, можно сделать следующие выводы:

Данная структура русского языка обладает специфическими особенностями, обусловленными социальными причинами. Лексика профессионального жаргона водителей отличается метафоричностью. Слова, существующие в литературном языке, в жаргоне водителей приобретают другие значения.

Большое количество лексем исследуемой структуры образовано от слов других языков. Намеренный характер таких «переделок» несомненен, так же, как и то, что создаются они для поддержания особого «градуса общения» в определенном коллективе. При этом «переделки» производятся по грамматическим законам русского языка, что не характерно для жаргонов в принципе [9]. Таким образом, можно говорить о том, что жаргон водителей-дальнобойщиков не отступает от правил и норм русского языка, не соединяет кощунственно несоединимое, не обращается фамильярно с наиболее священными понятиями и нормами, принятыми и в обществе, и в языке.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык: К проблеме языковой картины мира // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3 - 19.

2. Бондалетов В.Д. Социальные диалекты и общелингвистическая теория // Лексика и лексикография. М., 2003. Вып. 14. С. 10-17.

3. Бондалетов В.Д. Молодежный жаргон. Что это? // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М.: ООО «Изд-во "Эллис"», 2006. С. 46-50.
4. Бугакова Н.Б. К вопросу о некоторых лексических особенностях профессионального жаргона водителей-дальнобойщиков // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: Материалы ежегодной международной научной конференции, Екатеринбург, 3-4 февраля 2012 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2012. Ч. I. С. 110 - 116.
5. Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. М., 1989. С. 36.
6. Грачёв М.А. В погоне за эффектом (Блатные слова на газетной полосе) // Русская речь. 2001. № 5. С. 67 - 72.
7. Ларин О. По фене ботаешь? // Новый мир. М., 1994. № 3. С. 243 - 246.
8. Липатов А.Т. Русский сленг и его соотнесённость с жаргоном и арго // Семантика и уровни её реализации: Сборник научных трудов [Редкол.: А.Г. Лыков (Отв. ред.) и др.]. Краснодар: КГУ, 1994. С. 71 - 79.
9. Сулемина О.В. Универсалии русской литературы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, литературоведение: ЗШ / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. научн. информ. исследований. Отдел литературоведения. М., 2011. № 3. С. 35 – 41.
10. Фёдорова Л.Л. Современное состояние молодёжной речи: к определению жаргона // Русский язык сегодня. М., 2003. 2: Активные процессы конца XX в. С. 271-279.

References

1. Arutyunova N.D. Anomaly and language: To the problem of language picture of the world // Questions of linguistics. 1987. Vol. 3. P. 3-19.
2. Bondaletov V.D. Social dialects and general theory of linguistics // Vocabulary and lexicography. M., 2003. Vol. 14. P. 10-17.
3. Bondaletov V.D. Slang of youth. What is it? // Word in vocabulary and discourse. M., 2006. P. 46-50.
4. Bugakova N.B. To the question of some lexical features of professional slang of truckers // Actual problems of German, Roman and Russian philology. Yekaterinburg, 2012. Part 1. P. 110-116.
5. Vinokur T.G. Speech portrait of modern person // Person in the system of sciences. M., 1989. P. 36.
6. Grachyov M.A. In the race for effect (Criminal slang in newspapers) // Russian speech. 2001. Vol. 5. P. 67 - 72.
7. Larin O. Do you speak "phenya"? // New world. M., 1994. Vol. 3. P. 243 - 246.
8. Lipatov A.T. Russian slang and its interrelationship with jargon and cant // Semantic and levels of its realization. Krasnodar: KSU, 1994. P. 71 - 79.
9. Sulemina O.V. Universal notions of Russian literature // Social and liberal sciences. Russian and foreign literature. Series 7: literature studies. M., 2011. Vol. 3. P. 35 – 41.
10. Fyodorova L.L. Modern condition of youth speech: to the definition of slang // Russian language today. M., 2003. 2: Active processes of the end of the 20th century. P. 271-279.

УДК 802

*Таганрогский государственный педагогический институт им. А.П.Чехова
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры современного русского языка Лифенко Л.В.
Россия, г. Таганрог, тел. +7 918 5034663;
e-mail: tres77@yandex.ru*

*Taganrog State Pedagogical Institute named after A.P. Chekhov
The chair of modern Russian language
PhD in philology, associate professor
Lifenko L.V.
Russia, Taganrog, tel. +7 918 5034663
e-mail: tres77@yandex.ru*

Л.В. Лифенко

СОЧИНИТЕЛЬНЫЙ РЯД КАК ОТРАЖЕНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННО-КАЧЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена рассмотрению четырех степеней расчлененности качества и количества; сочинительный ряд появляется на третьей ступени расчлененности, при этом каждый компонент сочинительного ряда сочетает в себе значение качества и значение количества.

Ключевые слова: категория качества, категория количества, количественно-именное сочетание, сочинительный ряд.

L.V. Lifenko

COORDINATING ROW AS A REFLECTION OF THE QUANTITATIVE AND QUALITATIVE RELATIONS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

The article deals with four degrees of division in the expression of quantity and quality; it is marked that coordinating row appears on the third level of division and each component combines qualitative and quantitative meaning.

Key words: the category of quantity, the category of quality, quantitative nominal word combination, coordinating row.

Сочинительный ряд как один из этапов развития количественной абстракции сохранился на современном уровне языка в качестве одного из синтаксических способов выражения количественно-качественных отношений. В мышлении современного человека сосуществуют и регулярно используются разные способы представления и выражения количественных значений, которые отражают разные степени расчлененности в языковом выражении идеи количества и идеи качества.

Первую (нулевую) степень расчлененности в выражении количества и качества в современном русском языке представляют структуры типа «Семеро одного не ждут», в которых совершенно отсутствует противопоставление количества и качества – они представлены слитно за счет субстантивации числительных.

Вторую степень расчлененности представляют собой количественно-именные сочетания типа «семь человек», где отдельно выражена идея количества и идея качества.

Третья степень расчлененности имеет место тогда, когда количественно-именное сочетание получает дальнейшую расчлененность как в области качества, так и в области количества. «Семь» может быть представлено как «три и четыре» или «два, четыре и один», а понятие «люди» («человек») как «мужчина и женщина» или «мужчина, женщина и ребенок».

Количественно-именное сочетание «семь человек» может быть равно сочетанию «три женщины и четверо мужчин» или «две женщины, четверо мужчин и один ребенок». На этом уровне расчлененности мы наблюдаем появление сочинительного ряда.

Четвертая (предельная) степень расчлененности качественного и количественного понятия представлена структурно-образующими единицами количества и качества. Сочетание «семь человек» может быть расчленено в области количества: семь = один, один, один, одни, один, один и один; а также в области качества: люди («человек») = Иван, Марья, Сергей, Петр, Никита, Кирилл и Дарья. Это предельное (до единицы) расчленение количественно-качественных представлений. Таким образом, на третьем и четвертом уровне расчлененности именно сочинительный ряд осуществляет расчлененность и конкретизацию качественного и количественного понятия.

При этом необходимо отметить, что подчинительное количественно-именное сочетание представляет собой множество, основанное на сходстве элементов, входящих в него, то есть амплифицирующее множество; множество, реализующееся в сочинительном ряду, основано на различии его элементов и представляет собой эллиптическое множество. Сходство в нем представлено имплицитно: Например: *«В комнате стояли два канцелярских стола»...* (К. Симонов).

Количественно-именные сочетания «два стола», «четверо детей» дают название считаемым объектам только по самому общему для них признаку, не указывая на качественное своеобразие каждого из них. «В подобных структурах степень абстракции качества достаточна для того, чтобы назвать считаемые объекты, и слишком велика для того, чтобы указать на качественную специфику каждого» [1; с. 44-52].

В центре множества, представленного сочинительным рядом, лежит различие счисляемых предметов, их индивидуальность. Особенности структуры, компонентный состав сочинительного ряда зависят от того, что подвергается счислению. Считаться могут «чистые числа», считаться могут предметы, действия, ситуации.

Если счету подвергаются чисто количественные понятия, то есть считаются числа натурального ряда, то в качестве компонентов счетного ряда выступают количественные числительные. Например: *«Ямирик мучительно засыпал под действием эфира, прерывистым голосом считая: - Двадцать один... Двадцать два... Двадцать три...»* (А. Казакевич).

Подобный сочинительный ряд не дает нам названия считаемых предметов, счисление носит чисто отвлеченный характер.

В иных случаях мы можем знать, какие предметы подвергаются счету, поскольку название считаемых предметов дано в установке на счет [2; с. 101-109].

— *«Однажды Петя возвращался из детского сада. В этот день он научился считать до десяти... Сейчас все ступеньки сосчитаю, — сказал Петя. Стали подниматься по лестнице, а Петя громко считает ступеньки. — Одна, две, три, четыре, пять... — А дальше «шесть», — сказала мама. — Шесть? — обрадовался Петя и пошел дальше — семь, восемь, девять, десять»* (Н. Носов).

Сочинительный ряд, представленный количественными числительными, не дает качественной характеристики объектов счета, но это качество присутствует в сочинительном ряду имплицитно. Такое счисление можно определить как контекстуально-отвлеченное.

Компонентный состав сочинительного ряда зависит также от степени сходства и различия предметов перечисления. Однако необходимо отметить, что «категория различия находится в неразрывном единстве с категорией тождества» [3; с. 53-60], то есть понятие «одинаковые предметы» и понятие «разные предметы» весьма относительны. Степень однотипности членов сочинительного ряда может быть разной. Любое множество, с максимально выраженным сходством или с максимально выраженным различием

ем, представляет собой сложное диалектическое взаимодействие отношений тождества и различия.

«Именно различие позволяет выделить элементы из множества и противопоставить его множеству, и именно тождество не допускает превращение этого элемента в самостоятельное множество... Множество есть тождество различий» [4; с. 53-60].

При счислении предметов с подчеркиванием их одинаковости (однотипности), которые называются одним общим именем, в качестве компонентов сочинительного ряда могут выступать:

1) Имена числительные без существительных: *«Яшка идет к груди запорошенных песком бревен, считает их, наверное, тысячный раз за лето: — Раз, два, три, четыре... Пятнадцать штук»* (К. Горбунов). При этом не следует смешивать понятие «однотипные», «одинаковые предметы» (в предложении они выражаются однородными членами) и понятие «редупликация» (повторение).

Однородные члены — это сочинительный ряд хотя и морфологически однотипных (но не всегда), выполняющих единую, общую синтаксическую функцию, но все-таки разных слов. Поэтому однородный ряд всегда представлен лексически разными словами.

Редупликация — это повторение одной и той же лексической единицы.

«Функциональное назначение повтора варьируется в зависимости от синтаксического статуса члена и его морфологического выражения» [5; с. 20-21].

Переход от повторений к однородным членам возможен тогда, когда каждый повторяющийся элемент приобретает семантическую или грамматическую индивидуальность, то есть отражает в той или иной степени различия элементов множества. Лексические повторы с распространениями образуют «однородный комплекс с лексически тождественными опорными словами [5; с. 22-23]: *«Все садами, садами летели, а дальше — в лес и в горы»* (Ю. Домбровский). *«Вот сады то меня и путали больше всего: поди-ка разберись, где ты находишься, если весь город один сплошной сад — сад яблоневый, сад урючный, сад вишневый, сад миндальный — цветы розовые, цветы белые, цветы кремовые»* (Ю. Домбровский).

Лексически тождественные опорные слова при распространении обозначают разные, хотя и соотносительные понятия, то есть приобретают разную предметную соотнесенность.

Функцию распространителей при переходе повторений в сочинительный ряд однородных членов могут выполнять слова с количественной семантикой. Формируется следующая разновидность компонентного состава сочинительного ряда:

2) Количественно-именные сочетания с повторяющимися существительными: *«Мимо шли и шли люди... Один человек, два человека, три человека...»* (П. Шелест).

3) При существительном, начинающем сочинительный ряд, употребляется числительное «один»; последующими компонентами сочинительного ряда являются неполные количественно-именные сочетания с опущенным существительным: *«Один танкист напевает; второй, полузакрыв глаза, полон страха и плохих предчувствий; третий думает о родном доме; четвертый ждет хлеба с колбасой и думает о колбасе; пятый, открыв рот, тщится опознать птицу на дереве — не удад ли; шестой тревожится, не обидел ли он вчера грубым словом товарища...»* (К. Симонов).

4) Существительное, называющее счисляемые предметы, появляется вместе с последним числительным в сочинительном ряду; все члены сочинительного ряда, стоящие перед последним количественно-именным сочетанием, являются неполными сочетаниями: *«Я просмотрела одну, две, три, четыре картины... Вконец измучившись, выбрала то, чего не доставало тогда в жизни. Грусть на зелено-розовом фоне»* (журнал «Юность»).

При счислении неодинаковых (неоднотипных) предметов, каждый из которых называется своим именем, в качестве компонентов сочинительного ряда могут функционировать:

1) Имена существительные без числительных: *«Бабушка ходила вздыхая... ведь это все — и Алевтина, и Людмила, и Валентин, и Михаил — все четверо были ее кровные дети — и надо же как нескладно получается»* (В. Попов). Сочинительный ряд в данных примерах является косвенным показателем количества, поскольку нет специальных количественных слов для обозначения числа. Но сумма перечисленных предметов дает количественную характеристику предметам счисления.

2) Имена существительные, обозначающие единицы меры: *«Николай смотрел, не отрываясь, замороженный мощью и красотой буйствующей воды, и утратил ощущение времени. Если бы его спросили, сколько времени он стоит здесь: минуту, час, пять часов, — он бы не смог ответить»* (Ф. Гаурин). В предложениях подобного типа количественная и качественная характеристика перечисляемых предметов передается одной словоформой.

При счислении явлений и ситуаций в структуре сочинительного ряда могут быть использованы субстантивированные числительные «первое», «второе» и пр.; вводные слова «во-первых», «во-вторых» и т.п.; количественные слова «раз», «два» и т.п. Например: *«Пьер так больно страдал три года тому назад от оскорбления, нанесенного ему женой, что теперь он спасал себя от возможности подобного оскорбления, во-первых, тем, что он не был мужем своей жены, во-вторых, тем, что он не позволял себе подозревать»* (Л.Толстой);

«— Ты совсем другое дело! Ты здесь родился и вырос, многих знаешь, тебя знают — это первое. — Он по своей манере принялся загибать пальцы.

— Известно, что пару лет назад тебя выперли из органов... Так что ничего удивительного в глазах людей не будет, что ты туда снова попросился, — это второе... И, наконец, третье: ты хороший сыщик» (С. Устинов);

«— Мы ошиблись. Наша ошибка вот к чему привела — видишь... Да какое уж там каяться. Сего не искупишь никаким наказанием. Это я хотел сказать тебе. Раз. Теперь — два. Мы не понимаем свободы. Мы раздавили ее: она основа, смысл, базис над базисом. Без свободы нет пролетарской революции. Вот два, и слушай — три. Мы проходили через лагерь, тайгу, но вера наша сильнее всего. Не сила это — слабость, самосохранение» (В. Гроссман).

Сочинительный ряд в таких случаях распадается как бы на две параллельные части. Первая часть представлена компонентами с качественной характеристикой, вторая — компонентами с количественной характеристикой. Таким образом, сочинительный ряд передает процесс счисления элементов макросистемы множества, которое состоит из двух микросистем: качественной и количественной. Поскольку количество — это свойство предметов, оно всегда связано с качественной определенностью предмета. Выделение какого-либо объекта из той или иной их совокупности является условием познавательной деятельности человеческого мышления вообще, обеспечивающим саму возможность сравнения одного объекта с другим по его качественной характеристике.

С одной стороны, категория количества и категория качества находятся в отношениях противопоставления, с другой стороны, категория количества не свободна от идеи качества [7; с. 366]. Опираясь на теорию единства и взаимосвязи категории качества и категории количества, необходимо отметить, что каждый компонент сочинительного ряда (как полное, так и неполное количественно-именное словосочетание) объединяет в себе и качественные и количественные значения. Хотя в неполных сочетаниях одно из значений опущено, оно все равно мыслится говорящим. Таким образом, полная семантика остается качественно-количественной.

Библиографический список

1. Чеснокова Л.Д. Категория количества и синтаксические структуры // Вопросы языкознания, 1981, №2. С.77-83.
2. Чеснокова Л.Д. Процесс счета и способы его выражения в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1987, №6.С.91-95.
3. Хазагеров Т.Г., Николаев С.П. О типологии сочетаемости количественных числительных с существительными в русском и осетинском языках // Известия СКНЦ ВШ, Ростов-на-Дону, 1984, №4.С.66-71.
4. Перетрухни В.И. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. Воронеж, 1979. 209 с.
5. Гегель Г.В. Энциклопедия философских наук. Наука логики М , 1974. Т.1.254с.

References

- Chesnokova L.D. The category of quantity and syntactical structures // Questions of Linguistics, 1981, № 2. P.77-83.
1. Chesnokova L.D. The process of counting and means of its expression in the modern Russian language // Questions of Linguistics, 1987, № 6.P.91-95.
 2. Khazagerov T.G., Nikolaev S.P. On the typology of quantitative numbers and nouns correlation in the Russian and Osetian languages // Izvestia SKNZ HS, Rostov-on-Don, 1984, №4.P.66-71.
 3. Peretrkhni V.I. The homogeneous members of sentence syntax problems in the modern Russian language. Voronezh, 1979. 209 p.
 4. Gegel G.V. The encyclopedia of philosophy. The science of logic. M, 1974. V.1. 254 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 81.2Рус-5:38я7

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Новикова О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: oljanovik@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication, candidate
of philological sciences, the senior lecturer
Novikova O.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(473)271-50-48;
e-mail: oljanovik@mail.ru*

О.В. Новикова

РОЛЬ ДИАЛОГА В ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

В статье рассматривается научный диалог как одна из интерактивных форм профессионально-ориентированного обучения русскому языку иностранных студентов в рамках первого сертификационного уровня.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, интерактивные технологии обучения, диалогизация текста, диалог.

O.V. Novikova

DIALOGUE ROLE IN PROFESSIONALLY ORIENTED RUSSIAN LANGUAGE TEACHING OF FOREIGN STUDENTS

Scientific dialogue as one of interactive forms of professionally oriented russian language teaching of the first certified level foreign students is considered.

Keywords: professionally oriented teaching, interactive technologies of teaching, text dialogization, dialogue

В новых условиях развития общества изменилась концепция высшего профессионального образования. Главной его задачей стало формирование и развитие компетентной и творческой личности специалиста, способной к саморазвитию, самообразованию и инновационной деятельности. Выпускник вуза должен обладать высоким уровнем коммуникативной компетентности, включающей не только знание иностранных языков, способов взаимодействия с окружающим миром, но и навыки работы в группе, владение различными социальными ролями в коллективе.

Формирование данной компетенции предполагает коренное изменение позиции студента из пассивного потребителя знаний в активного участника учебного процесса, умеющего самостоятельно работать и находить информацию; умеющего сформулировать проблему, проанализировать пути ее решения, определить оптимальный результат и доказать его правильность.

Решение данных коммуникативно-речевых задач, возникающих в профессиональной сфере, требует, по мнению современных методистов, нового подхода к языковому образованию будущего специалиста. Интересные аргументы необходимости перехода на новые технологии обучения приводит в своем исследовании Г.М. Левина [5]. Автор указывает на то, что за последние десять лет изменились параметры языковой личности. Студент XXI века, века компьютеров, интернета, телевидения, – это человек с правополушарной ориентацией, предпочитающий получать информацию через видеоряд, и, как следствие этого, со слабо развитой логикой, не умеющий анализировать происходящее, видеть причинно-следственные связи процессов и выражать их с помощью языка. Обучающие технологии, по мнению автора, должны учитывать эту специфику.

В современной методике самой распространенной технологией обучения языку является интерактивная модель, цель которой – развитие критического мышления учащихся как конструктивно интеллектуальной деятельности, формирование осмысленного восприятия информации с последующим ее усвоением [3; с. 268]. Применительно к профессионально-ориентированному обучению данную технологию разрабатывают такие ученые, как М.А. Мосина [7], О.А. Галановой [1], Т.Е. Клец [4] и др.

Сторонники данной технологии основной отправной единицей обучения языку специальности так же, как и при традиционном подходе, считают текст, однако воспринимают его по-другому: как заочный диалог читателя с автором. Так, М.А. Мосина пишет о том, что научный текст «насквозь пронизан диалогичностью, поскольку за ним всегда стоит создатель текста, помнящий об адресате и в зависимости от этого строящий свою речь соответствующим образом» [7; с. 130]. Исходя из этого, автор предлагает систему упражнений, основанную на стратегиях оценивания информации, ее присвоения и создания нового продукта. В основе данных упражнений лежит текст как системобразующая единица. Получение нового продукта на основе этого текста возможно лишь при условии, что студент находится в интерактивном общении с автором текста, т. е. в состоянии диалога. В процессе такого диалога появляется желание обменяться мыслями с другими участниками коммуникации. Данный подход М.А. Мосина определяет как **комплексное обучение профессионально-ориентированной иноязычной речи в контексте интерактивного подхода**.

Вслед за М.А. Мосиной идею диалогичности текста подробно исследует О.А. Галанова [2], рассматривая иноязычное профессионально-ориентированное чтение как активное письменное общение-диалог, в котором представлены самые разные смысловые и оценочные позиции [2; с. 56]. Подробно исследуя понятие «научный диалог», ученый предлагает для обучения языку специальности **метод моделирования**. На основе анализа речевых образцов, относящихся к профессионально-деловой сфере общения будущего инженера, О.А. Галанова выделяет объекты моделирования, которые необходимо использовать при разработке типов упражнений. В процессе иноязычной речевой деятельности в форме диалога, согласно этой модели, каждый субъект сообщает свою информацию, слушает, понимает и оценивает информацию другого партнера, воспринимая и осмысливая новое, оригинальное, важное, сопоставляет и выделяет то, что совпадает с его мыслями, отношением и имеющейся в его распоряжении информацией.

Сторонником обучения профессионально-ориентированной деятельности в интерактивном режиме является и Т.Е. Клец [4]. Отличительной особенностью такого обучения ученый считает «организацию образовательного процесса как личностно ориентированного взаимодействия преподавателя и обучаемых, в основе которого лежит принцип диалогичности, максимально обеспечивающий благоприятные условия для реализации личностного потенциала всех участников образовательного процесса с учетом их индивидуальных особенностей и предшествующего опыта» [4; с. 147]. Проанализировав работы современных методистов, Т.Е. Клец приходит к выводу, что современные педагоги-инноваторы осваивают интерактивные формы обучения, основанные на *диалоговых технологиях*, а *дискуссия* рассматривается как метод и как особая технология.

Технология проблемно-диалогического обучения рассматривается и в работе Мельниковой [6]. Автор предлагает в качестве наиболее яркой формы данной технологии *побуждающий диалог*, предполагающий использование широкого спектра проблемных ситуаций, среди которых наиболее частотная – столкновение мнений учащихся.

Таким образом, можно сделать вывод, что все современные технологии обучения профессионально-ориентированной деятельности основываются на использовании диалога в качестве основной единицы обучения в интерактивном режиме; что «диалогическая форма обучения выступает как оптимальная для дальнейшего развития теоретического и профессионального развития студентов и тем самым способствует их успешной социализации» [2; с. 56].

Однако новые технологии существуют пока только в теории, на практике учебники нового типа только начинают разрабатываться. Кстати, многие методисты убеждены, что единого учебника по языку специальности быть не может, что необходимо создавать узкопрофильные пособия. Так, стали появляться пособия по языку специальности, включающие работу над диалогом и диалогичностью текста. [12, 9], в которых дана определенная система работы над диалогом. Это разные типы заданий, предполагающие как работу на основе текста, так и в парах и групповую. В методической литературе наиболее подробно разработаны такие формы научного обучающего диалога, как диалог-расспрос и дискуссия для студентов-иностранцев 2-4 курсов [См., например, 2, 11]. Это второй сертификационный уровень, который предполагает практическое владения языком специальности.

Данный вопрос совершенно не рассматривается в объеме первого сертификационного уровня владения русским языком как иностранным, хотя современные требования к нему в профессиональный модуль включают умение участвовать в диалог-расспросе на основе прочитанного текста, понимание коммуникативного намерения собеседника и адекватную реакцию на его реплики [10; с. 23]. Существующие учебники по научному стилю речи для подготовительных факультетов готовят учащихся к чтению и монологическому воспроизведению текстов, к слушанию и конспектированию лекций по общим естественнонаучным дисциплинам. Однако в них отсутствуют задания диалогического характера, в отличие от учебников по общему владению русским языком как иностранным. Впрочем, существуют пособия по интенсивному обучению отдельным дисциплинам, где весь материал дан в форме полилога, в котором студенты объясняют заболевшему другу материал пропущенного занятия, но это воспроизведение только одной возможной ситуации.

Нам представляется, что диалогическая форма обучения должна присутствовать на начальном этапе несколько шире. Учащиеся подготовительного факультета начинают изучать общеобразовательные дисциплины уже в первом семестре, на практических занятиях они общаются с преподавателем и товарищами по группе на языке научного

стиля речи. Ситуации учебных диалогов должны быть максимально приближены к этим жизненно важным для студентов ситуациям: опрос на занятии, обсуждение проблемы, просьба объяснить новый материал, экзамен и подготовка к нему, согласие или возражение, помощь товарищу по группе – объяснить термин, задать уточняющий вопрос, прояснить смысл прочитанного в учебнике и т.п.

Ситуации, приближенные к естественным, позволяют, во-первых, познакомить учащихся с конструкциями, встречающимися в речи преподавателя: *Все согласны с таким ответом? Как вы считаете, это верный ответ? А как бы вы ответили на этот вопрос? А что вы скажите по этому поводу? Конкретизируйте, пожалуйста. Не вполне корректный ответ. Вас устраивает такой ответ? Поясните, пожалуйста* и т.п. А во-вторых, позволяют ввести в речевую практику студентов некоторые вводные слова и словосочетания, разговорные фразы, элементы речевого этикета.

Приведём в качестве примера некоторые задания, включенные нами в пособие по языку специальности для будущих архитекторов [8]. Первая группа заданий предполагает работу в парах: составить диалог по образцу, простому или более сложному, или самостоятельно с использованием опорных конструкций и выражений.

Задание 1. Составьте диалоги по образцу.

Образец 1

– Скажите, что такое хай-тек? / – Чем является хай-тек?

– Это новое направление в архитектуре. / – Новым направлением в современной архитектуре

Образец 2:

– Ты знаешь художественные средства создания единства архитектурной композиции?

– Конечно, например, *пропорции*.

– А что такое пропорции?

– Пропорции — это соотношение частей между собой по высоте, ширине и длине. *Например*, «золотое сечение».

(симметрия, асимметрия, ритм, контраст, нюанс, пластика, декор)

Задание тренирует разные способы выражения одной мысли в результате варьирования формулировок вопросов. Оно может иметь вариации, например: *Сформулируйте вопросы, исходя из двух ситуаций: 1) известен класс и 2) известен предмет* (образец 1). Задание позволяет ввести в речь учащихся наиболее частотные вводные слова. Кроме того, запоминание дефиниций происходит быстрее в непринужденной обстановке.

Задание 2. Примите участие в диалоге.

Образец: Что такое *архитектура*? (искусство проектировать и строить объекты, которые оформляют *пространственную среду* для жизни и деятельности человека).

Первый студент: Скажи, пожалуйста, что такое *архитектура*?

Второй студент: *Архитектура* – это искусство проектировать и строить объекты, которые оформляют пространственную среду для жизни и деятельности человека

Первый студент: Я бы хотел уточнить, что значит пространственная среда?

Второй студент: Это место, где люди живут и работают.

Первый студент: Извини, ты не мог бы ещё раз повторить ответ. Я, к сожалению, не всё понял.

Второй студент: *Пожалуйста.* Пространственная среда – это место, где люди живут и работают.

Первый студент. Спасибо, я понял.

Приведенное задание более сложное как по объему, так и по содержанию. Здесь даны этикетные форм выражения просьбы, уточнения и сожаления.

Задание 3. Посмотрите фотографии архитектурных памятников. Найдите в них основные черты Классицизма. Составьте диалоги по образцу.

Образец:

– Какое великолепное здание (собор, площадь)! Что это?

– Это Казанский собор.

– Когда он построен?

– В 1811 году.

– Какой это стиль?

– По-моему, классицизм.

– Почему ты так думаешь?

– Посмотри, он похож на античный храм. С двух сторон собора симметричная колоннада, строгие и чёткие формы. Колонны из камня мягкого бежевого цвета. Почти нет украшений. Всё это создаёт строгость и торжественность храма.

– Да, ты прав.

Цель приведенного задания – доказать свою точку зрения, с которой собеседник соглашается. Это задание может иметь другой вариант: не согласиться с данным утверждением и привести свои аргументы.

Задание 4. Один из вас пропустил тему «Здания и сооружения». Составьте диалог по тексту и разыграйте его.

Используйте конструкции: Что делится на что; Что относится к чему; Что есть что; Что бывает каким; Что применяют/используют где; Что размещают где.

Используйте выражения: Скажи, пожалуйста ... Извини ... Например ... Я хотел бы уточнить ... К сожалению ... Спасибо ... Поэтому ... Таким образом ...

Перевод монологической речи в диалогическую – полезный вид работы, который формирует умение правильно задать вопрос с соблюдением всех этикетных форм общения.

Конечно, работа над диалогом должна идти параллельно с работой над научным текстом, точнее над его диалогичностью, или другими словами, *метатекстом*. Надо иметь в виду, что научный текст имеет сложную организацию. В нём можно выделить условно два пласта с точки зрения того, какую информацию получает читатель: 1) фактическую, непосредственно об объекте исследования или 2) о том, как автор организует эту фактическую информацию, ссылается ли на научную традицию, как оценивает факты. В адаптированных текстах для учащихся подготовительного факультета содержится чаще всего только первый тип информации. Составляя тексты для изучения языка специальности, необходимо обращать внимание на данную проблему, например, ввести в адаптированный текст некоторые вводные слова и выражения. Задания на этот вид работы могут быть следующие: обратите внимание на средства организации научного текста; заполните схему текста; определите функцию выделенных слов и словосочетаний (*кроме того, прежде всего, тем не менее, однако ...*); составьте текст, используя слова ... и т. п.

Обсуждение проблемы, как правило, требует большего количества участников общения, поэтому работа может проходить в тройках или в большем составе. В этом случае мы говорим о полилоге. Работа над полилогом может иметь разную форму: составление по образцу; подстановка слов и предложений; воссоздание семинарского занятия по определенной теме, в этом случае даются реплики преподавателя и частично студентов. Примеры таких заданий.

Задание 5. Посмотрите на фигуры, составьте диалоги по образцу (отрабатываются синонимичные способы выражения сомнения, неуверенностями).

Образец 1:

Студент 1: – Скажите, пожалуйста, какая это фигура?

Студент 2: – *Точно не знаю. По-моему, это шар*

Студент 1: – *Вы согласны, что это шар.*

Студент 3: – Нет, это куб.

Образец 2:

Студент 1: – Вы знаете, как называется эта фигура?

Студент 2: – *Кажется, это шар.*

Студент 1: – *Вы тоже так думаете?*

Студент 3: – Нет, это куб.

Студент 1: – Куб – статическая или динамическая форма?

Студент 3: – Куб – статическая форма

Задание 6. Представьте, что вы на семинаре. Тема семинара – «Архитектура Древнего Рима». Воспроизведите ответы студентов.

Преп.: *Считается, что римляне сделали три гениальных открытия в архитектуре. Вы можете назвать эти открытия?*

Студ. А: ...

Преп.: Какое из этих открытий бесспорно является римским изобретением? Пожалуйста, вы.

Студ. Б: ...

Преп.: Вы можете сказать, каков состав римского бетона?

Студ. В: ...

Преп.: *Можно ли назвать бетон эстетически выразительным, красивым материалом?*

Студ. Г: ...

Преп.: Назовите, пожалуйста, две функции арки.

Студ. А: ...

Преп.: *Вы согласны?*

Студ. Б: ...

Преп.: А какой тип арки выполняет только эстетическую функцию?

Студ. В: ...

Преп.: *Какую же идею выражала триумфальная арка?*

Студ. Г: ...

Преп.: *Совершенно верно.* Вы знаете, каковы размеры Колизея?

Студ. А: ...

Преп.: *Вы можете добавить?*

Студ. Б: ...

Преп.: *Кто хочет дополнить ответ?*

Студ. В: ...

Преп.: Хорошо. *Подведём итог.* Почему Рим называют вечным городом?

Студ. Г: ...

Преп.: Вы так же думаете?

Студ. А: ...

Преп.: *Пожалуйста, сделайте вывод.* Какой вклад внесли римские и итальянские архитекторы в мировую культуру?

Студ. Б: ...

Преп.: Спасибо! Вы сегодня хорошо разобрались в теме, отлично отвечали на вопросы. Надеюсь, наш следующий семинар будет таким же плодотворным. До свидания!

Последнее задание, по сути, традиционные ответы на вопросы после прочтения текста, но в диалоговой форме, которая позволяет не только приблизиться к естественной ситуации общения на практическом занятии, но и ввести выражения, характерные для устной научной речи. Студенты знакомятся с особенностями формулировок вопросов, с их синонимической вариативностью, часто за счет использования частиц или инверсии. Все приведенные задания представляют собой беседу-расспрос по пройденной теме. Дискуссия – это более сложный вид речевой деятельности, рекомендуемый для второго сертификационного уровня. Опыт работы показывает, что в сильной группе на конечной стадии обучения можно предложить студентам разыграть пресс-конференцию или заседание круглого стола. При этом обязательно дается информация, инструкция к выполнению задания и этикетные конструкции типа: *Говорят, что ... По-моему ... По мнению учёных ... Как вы считаете, ...* и др. Приведем пример такого задания.

Задание 7. Вы участники круглого стола «Архитектура будущего». Выберите одно из направлений, которое вы будете пропагандировать. Изучите материал.

(Даются небольшие тексты с иллюстрациями, рассказывающие о новых направлениях в архитектуре, например: био хай-тек, кинетическая архитектура, дом на воде и т.п.)

Примите участие в дискуссии. Используйте следующие выражения: *Правильно ли я понял, что ...? Уточните, почему вы так думаете ... Как вы считаете, ...? Приведите, пожалуйста, пример ... Извините, я не согласен с вами ... Разрешите с вами не согласиться ... Конечно, вы правы, но ... Вы меня убедили / не убедили ... Думаю, что ... По-моему, ... Как известно, ... Хочу подчеркнуть, что ... Большое значение имеет то, что ...*

Таким образом, научный диалог может рассматриваться как одна из интерактивных форм профессионально-ориентированного обучения, формирующая необходимые для будущего специалиста коммуникативные компетенции.

Библиографический список

1. Галанова О.А. Дидактическая модель взаимодействия при обучении иноязычному профессионально ориентированному говорению в форме диалога на основе аудирования // Вестник ТГПУ. 2011. Выпуск 6 (108). С. 77-79.
2. Галанова О.А. Научный диалог в курсе иностранного языка для бакалавров технических вузов // Вестник ТГПУ. 2012. Выпуск 5 (120). С. 54-57.
3. Капитонова Т.И. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному / Под ред. А.Н. Щукина. М.: Рус. яз. Курсы, 2008.
4. Клец Т.Е. Потенциал учебной дискуссии на иностранном языке для профессионально-личностного становления будущего специалиста // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Выпуск 2. С. 146-154.
5. Левина Г.М. Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу. М.: Янус-К, 2003.
6. Мельникова Е. Л. Проблемно-диалогическое обучение: предметная специфика // Инновационные проекты и программы образования. 2009. №1. С. 6-15.
7. Мосина М.А. Реализация интерактивного подхода в комплексном обучении профессионально-ориентированной иноязычной речевой деятельности // Известия

Уральского гос. ун-та. 2009. №1/2(62). Проблемы образования, науки и культуры. С. 128-134.

8.Новикова О.В. Изучаем язык специальности (на материале текстов по архитектуре). I сертификационный уровень: учеб. пособие для иностранных учащихся. Воронежский ГАСУ. Воронеж, 2012.

9.Токарева Г.В. Об энергетике по-русски: учебное пособие. Часть 1. Иваново, 2012

10.Андрюшина Н.П. [и др.] Требования к первому сертификационному уровню владения русским языком как иностранным. Общее владение. Профессиональный модуль. / 2-е изд. СПб.: Златоуст, 2012.

11.Седалищева Н.В. Основная характеристика дискурса тематической беседы в речи специалиста-филолога // Вестник ЯГУ. 2010. Т.7, №1. С. 95-99.

12.Филатова Е.А. Русский язык не только для студентов 1: учеб. пособие для иностранных учащихся / Е.А. Филатова. М.: Русский язык. Курсы, 2009.

References

1. Galanova O. A. Didactic model of interaction during professionally oriented teaching the foreign-language talking in the form of dialogue on the basis of audition. / O. A. Galanova, O. E. Hlyamova // TSPU Bulletin. 2011 . V.108,N 6. P. 77-79.

2. Galanova O. A. Scientific dialogue in a course of a foreign language for bachelors of technical colleges / O. A. Galanova // TSPU Bulletin. 2012 . V.120, N. 5. P.54-57.

3. Kapitonova T.I. Methods and technologies of teaching Russian as foreign / T.I. Kapitonova, L.V. Moskovkin, A.N. Schukin / Under the editorship of A.N.Schukin. M: Russian language. Courses, 2008.

4. Klets T.E. Potential of educational discussion in a foreign language for professional and personal formation of future expert / T.E. Klets. // Scientific problems of humanitarian researches. 2011. N 2. P. 146-154.

5. Levina G. M. Teaching of foreigners in the Russian engineering discourse / G. M. Levina. M: Janus-K, 2003.

6. Melnikova E. L. Problem and dialogical teaching: subject specifics / E. L. Melnikova. // Innovative projects and education programs. 2009. N. 1. P. 6-15.

7. Mosina M. A. Realization of interactive approach in complex teaching professionally oriented foreign language speech activity / M. A. Mosina. // News the Ural state. un-that. 2009. No. 1/2(62). Problems of education, science and culture. Page 128-134.

8. Novikova O. V. We study specialty language (on a material of texts on architecture). I certified level: tutorial for foreign pupils / O.V.Novikova; Voronezh GASU. Voronezh, 2012.

9. Tokareva G. V. About energetics in Russian: tutorial. Part 1. / G. V. Tokareva; The Ivanovo state power university of a name of V.I.Lenin Ivanovo, 2012.

10. Requirements to the first certified level of proficiency in Russian as foreign. General possession. Professional module. / N.P. Andryushina, etc. the 2nd prod. SPb. : Zlatoust, 2012.

11. Sedalishcheva N. V. The main characteristic of a discourse of thematic conversation in speech of the specialist not philologist / N.V. Sedalishcheva. // Vestnik YaGU. 2010. V.7, N. 1. P. 95-99.

12. Filatova E.A. Russian not only for students 1: tutorial for foreign pupils / E.A. Filatova. M: Russian. Courses, 2009.

УДК 821.161.1-3

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет
Ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Токарева Т.Н.
Россия, г. Воронеж, тел. 8 916 548 59 44;
e-mail: ttreply@rambler.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication,
assistant lecturer Tokareva T.N.
Russia, Voronezh, tel. 8 916 548 59 44;
e-mail: ttreply@rambler.ru*

Т.Н. Токарева

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

В статье рассмотрены некоторые принципы подготовки современного специалиста, особенности его социализации в условиях коренного реформирования образовательного процесса. Автор исходит из того, что перестройка высшей школы не может не учитывать не только вызовы времени, но и сложившиеся традиции.

Ключевые слова: Высшая школа, педагогическая система, проблемы воспитания, образовательный процесс, воспитательная стратегия.

T.N. Tokareva

THE PROBLEMS OF SOCIALIZATION OF THE PERSONALITY AND THE MODERN EDUCATIONAL PROCESS

The article deals with some of the principles of training of modern specialist, especially his socialization in the conditions of radical reforming of the educational process. The author proceeds from the fact that the restructuring of the higher school cannot but take into account not only the challenges of the time, but also the well-established traditions.

Key words: Higher school, the pedagogical system, the problems of education, educational process, the educational strategy.

Реформируемая высшая школа, пережив целый ряд организационных, управленческих изменений, тем не менее сохраняет в качестве приоритетной своей задачи подготовку специалиста, востребованного современностью. Но уделяя большое внимание проблемам моделирования процесса обучения, введению учебных планов новых поколений и др. организационным мероприятиям, нельзя забывать, что профессиональная подготовка будущего специалиста должна сочетаться с воспитанием тех качеств, какие диктует время. Современный специалист должен обладать не только профессиональными знаниями, но и обладать большой социальной гибкостью, позволяющей ему использовать приобретенные навыки в самых разных обстоятельствах.

Такие требования к современному специалисту, выдвигаемые динамично меняющимся социумом, не могут не менять современный образовательный процесс, его внутренние ориентиры. Если совсем недавно важнейшей задачей образовательного процесса была функция воспроизведения, то современные образовательные стратегии обращаются к креативным возможностям будущего специалиста. И в этих условиях по-прежнему личность преподавателя высшей школы остается знаковой фигурой для обучающихся.

«Стратегия деятельности преподавателя обретает в настоящее время принципиально иной смысл – поддержку человека в автономном, духовном самостроительстве, формирование у студентов способности к профессиональному и жизненному самоопределению» [6; с.288]. Таким образом, обучающий процесс не должен заслонять проблемы воспитания будущего специалиста, его социализации. У преподавателя высшей школы есть возможность воздействовать на эмоционально-нравственную сферу учащихся; в процессе обучения, при необходимости, прививать им этические нормы. Важную роль, безусловно, играет личный пример самого педагога.

Любая научная школа решает проблему обучения и подготовки учеников и привлечения последователей. Следовательно, она несет в себе педагогические элементы и может быть рассмотрена как педагогическая система [1; с.112]. Жизнеспособность научной школы и возможность ее развития обеспечивается своеобразным сочетанием традиций и новаторства. Именно сегодня необходимо перенимать и переосмысливать положительный опыт советского прошлого, используя его в настоящем, перекладывая на неидеологизированный язык. Опыт самого известного педагога советского времени А.С.Макаренко может быть актуализирован именно в той его части, которая ставила своей целью подготовку воспитанника к разумной общественной деятельности.

Основная педагогическая и творческая деятельность крупнейшего советского педагога А.С. Макаренко (1888-1939) пришлась на 20-30 годы XX века. Как известно, это было время самых радикальных реформ и в области педагогики, идеологии, государственного строительства. Всем было ясно, что без воспитания нового мировоззрения, новых подходов к решению идеологических и производственных задач не обойтись. Именно тогда опыт А.С.Макаренко был идеализирован и канонизирован потому, что в нем увидели возможность решения тех задач, которые стояли в области обучения и воспитания подрастающего поколения. Отдавая отчет в том, что немало в системе А.С.Макаренко было идеализировано и получило необходимое идеологическое объяснение, отметим те ее составляющие, которые изменили судьбы его воспитанников независимо от политических лозунгов времени. Произошло это потому, что А.С.Макаренко сформировался как личность и педагог еще до 1917 года, впитав идеи русской литературной и педагогической классики. Так, исследователи его наследия указывают, что при создании своей системы воспитания А.С.Макаренко развивал в новаторском ключе передовые идеи некоторых революционеров – демократов и педагогов: Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Ушинского [8; с.27]. Возможно, поэтому педагогические и сложившиеся на их основе художественные, собственно писательские идеи А.С. Макаренко по-разному воспринимались его современниками. Его много ругали при его жизни служители педагогического «Олимпа», и сомневающиеся в значимости его педагогического новаторства коллеги по цеху, и чиновники из губназдора. Его педагогику называли командирской, пропагандирующей жесткость и диктаторство [2; с. 75]. Он явственно расходился с литературой начала 1920-х годов в подходах к изображению детства, но, как оказалось, был совершенно прав в социальном ориентировании своих воспитанников.

Как известно, складывающееся пролетарское государство в послереволюционные годы особое внимание обратило на беспризорность, ставшую не только серьезной социальной проблемой, но и испытанием советской идеологии, в частности на проблему формирования нового человека. Отражая реальное положение, в литературе послереволюционных лет появилось немало произведений, героями которых становились именно беспризорные дети и подростки (Л.Сейфуллина «Правонарушители», Г.Белых и Л.Пантелеев «Республика Шкид», И.Микитенко «Утро» и др.). А. Макаренко расходится с этими авторами не в их трактовке детских образов, не в искажении реальных фактов, но прежде всего в отсутствии желания вмешаться в существующее положение дел,

предложить конкретный выход из тех ситуаций, какие складывала сама жизнь. Педагог и общественный деятель, А.Макаренко обращается к художественному тексту лишь для того, чтобы найти разрешение детской проблемы в реальной жизни. [9; с. 202]. И в этом смысле А.С. Макаренко являлся писателем нового типа: в любой жизненной ситуации искал не способы ее художественного отражения, а способы разрешения социальных проблем. Именно поэтому он критиковал своих писателей-современников за то, что в их произведениях детям отводилась служебная роль, а не главная. [9; с.203].

В «Педагогической поэме» А.С.Макаренко предложил не только свое видение сложившейся ситуации, но и создал эталон воспитательной стратегии, что до него и после него никто не делал. «Педагогическая поэма» выстроена, строго говоря, не по писательским технологиям. Автор намеренно уходит от детального рассказа о том, что привело каждого конкретного его воспитанника в среду беспризорников, хотя, несомненно, знает не одну историю горьких детских обид и недетских испытаний, выпавших на их долю. Его внимание сосредоточено не на прошлом, а на будущем своих героев. И для того, чтобы оно наступило, его воспитанники должны научиться преодолевать свое прошлое. А для этого, считает педагог А.Макаренко, надо помочь ребятам преодолеть печальный опыт их бездомности, научить жить по законам добра и взаимопомощи, убедить в том, что агрессивный мир, который и выбросил их из привычной среды, может и должен быть преодолен. И сделать это сможет только коллектив, ибо каждый из беспризорников знает, что выжить можно лишь «стаей», «бандой», т.е. неким сообществом. Но герой-воспитатель «Педагогической поэмы» предлагает своим колонистам жить не по законам шайки или банды, а по законам коллектива, в котором каждый имеет право на свое мнение и свою меру участия общих делах. Автобиографический герой А.Макаренко не делает вид, что возвращает детям *дом* в старом, семейном, смысле. Тот опыт, который ребята приобрели за время скитаний по подвалам и подворотням, не подлежит скорому исправлению, да и забвению тоже. И Антон Семёнович хочет помочь детям *жить* с тем опытом, в тех условиях, какие им предоставляет реальность.

В «Педагогической поэме» А.Макаренко показывает не процесс «перековки» вчерашних правонарушителей (любимый термин идеологов и публицистов 1930-х годов), а процесс *социализации* подростков в новых условиях. И коллектив он понимает как первый социальный институт, который создается самими ребятами и в соответствии с их представлением о справедливости. Мир, в который вступили ребята в годы послевоенной разрухи, суров, несправедлив, не щадит слабых. А.Макаренко учит в нем выживать, опираясь на тех, кто рядом с тобой, помогая слабым, ограничивая власть сильных.

Если внимательно прочитать педагогические сочинения А.С.Макаренко, то станет понятно, почему он уделил столько внимания рассказу о том, как строится детский коллектив, как складываются органы его самоуправления. И не о жесткости требований к воспитанникам надо говорить в этом случае, а о дисциплине. Более того – о самодисциплине как средстве преодоления собственного эгоизма, желания подчинить себе другого. В центре внимания «Педагогической поэмы», таким образом, ставилась проблема личности и обеспечения наиболее благоприятных условий ее развития. Против целесообразности создания такого режима в коллективе трудно возразить. К тому же эта задача не может считаться только социальной по своей природе. Ученый-физиолог И.П.Павлов считал режим одним из условий развития здоровой личности [3; с. 97].

А.С.Макаренко в «Педагогической поэме» размышлял над социальной и нравственной сторонами жизни коллектива. «Ни в коем случае режим не должен скрепляться строевой муштровкой», – писал Макаренко [3]. Как свидетельствуют воспоминания учеников великого педагога, А.С.Макаренко перед принятием какого-либо решения всегда знакомился с мнением воспитанников. Исход любого важного вопроса зависел

от большинства участвующих в голосовании. Диктатору такой подход не свойственен. [4; с.323].

Можно согласиться с советскими критиками (Е. Балабанович, Л.С. Виничук, Г.Е. Жураковский, Б. Костелянец, А.Б. Ложечко, Н.А. Морозова, М.П. Павлова и др.), выделяющими ведущие доминанты педагогической системы А.С.Макаренко, сохраняющие свое значение и в наши дни. Важнейшие из них – воспитание дисциплины, и использование «системы перспективных линий» и «теории завтрашней радости» как основ «закона движения коллектива», без которых невозможен прогресс и развитие любой организации людей.

Лучшим аргументом в защиту системы Макаренко была сама действительность, проявляющаяся в постепенно меняющемся внутреннем и внешнем облике колонистов, и, как следствие, в отлаженной работе коллектива [7; с.31].

Мне очень близка позиция авторов книги «Идеи А.С.Макаренко в современной школе» (Э.С. Кузнецова, В.М. Коротков и другие), которые, разрабатывая положения педагогической теории А.Макаренко на современном уровне, опирались на его утверждение о том, что никакая система воспитательных средств не может быть рекомендована как постоянная, так как меняется время, а вместе с ним меняются и страна, и условия жизни людей, и требования к подрастающему поколению. Новой системы воспитания создано после Макаренко не было, поэтому некоторым идеям педагога ученые придали современное толкование и новые формулировки. Это касается, например, характеристики связей детей в коллективах, типов возникающих между детьми отношений. Рассмотрение коллектива с позиции Макаренко авторы книги считают устаревшим. Например, суждение А.С.Макаренко о детском коллективе как о моноколлективе переросло в представление о сетке разнотипных коллективов, членом которых является современный ребенок. Интерес, на мой взгляд, представляют переведенные исследователями на язык современности стадии развития современного коллектива: стадия его первоначального сплочения; стадия его превращения в инструмент массового воспитания; стадия превращения его в инструмент индивидуального воспитания. [5; с. 31].

Не отрицая подходы А.Макаренко, а используя его методы воспитания и педагогическую технику в современных условиях, педагоги середины семидесятых годов XX века попытались увидеть жизненность, полезность и актуальность идей великого новатора, исходя из уверенности в том, идеи А.С.Макаренко опередили свое время. [10; с.11].

Соглашусь с В.М.Опалихиным, указывающим причины неоднозначного отношения к научно-педагогической теории, созданной Макаренко, в девяностые годы XX века.

С одной стороны, по В.П. Опалихину, расцвет новаторской деятельности Макаренко приходится на то время, которое сейчас принято называть эпохой тоталитаризма. Это время известно жестокостью и беспощадностью к личности. Это отразилось и на судьбе Макаренко. По утверждению В.М. Опалихина, существующая система мяла и давила педагога и свела в могилу в расцвете творческих сил. [10; с.9].Этого, как правило, не хотят замечать противники созданной Макаренко системы воспитания, находясь во власти мифа о том, что А.С.Макаренко принадлежал к числу разработчиков теории «нового человека». И это одна из причин того, что о А.С. Макаренко стали забывать.

Современное состояние нашего общества, на мой взгляд, актуализирует многие стороны педагогической системы А. Макаренко, в частности проблемы воспитания в коллективе и самовоспитания, проблемы дисциплины, в том числе и исполнительской. Современная общественная ситуация требует новых подходов к этим в целом хорошо известным человеческим качествам. Динамичный, креативный специалист может вырасти лишь из человека, хорошо осознавшего требования времени и сумевшего на них

отреагировать. Система А. Макаренко создавалась со сходной целью. Ее создатель говорил о целостном подходе к человеку. Невозможно воспитать современного специалиста, не перестроив его мировоззрения, потому что, как говорил А.С.Макаренко, «нельзя воспитывать человека по частям». [11; с. 250].

Библиографический список

1. Валиева Ф.И. Развитие педагогической науки в Санкт-Петербургском государственном университете в период с 1945 по 1990 гг. Дисс. ... канд.пед.наук. Санкт-Петербург, 1996. 282 с.
2. Виничук Л.С. А.С.Макаренко о воспитании сознательной дисциплины. Киев: Выща школа, 1988. 130 с.
3. Козлов И.Ф. Педагогический опыт Макаренко. Москва: Просвещение, 1987. 170 с.
4. Конисевич Л. Нас воспитал Макаренко. Челябинск: Челяб. обл. инст. повыш. квал., 1993. 323 с.
5. Коротков В.М. Идеи Макаренко в Современной школе. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1976. 210 с.
6. Кривотулова Е.В. Развитие преподавателя высшей школы в контексте профессионально-педагогической деятельности//Психолого-педагогическая эффективность преподавателя высшей школы как фактор развития современного профессионального образования. Сб.ст. Воронеж: изд. ВГУ, 2012. 376 с.
7. Ложечко А.Б. Воспитатель, учитель, боец. Москва: Политиздат., 1963. 110 с.
8. Лукин Ю. Два портрета. Москва: Московский рабочий, 1975. 260 с.
9. Макаренко А.С. Соч. В 7 т. Москва: Изд. А. П. Н., Т.5. 1958.
10. Опалихин Л.В. Система Макаренко: взгляд изнутри. Вступ. ст.//Конисевич Л. Челябинск: Челяб. Обл. инст. повыш. квал., 1993. 323 с.
11. Павлова М.П. Педагогическая система А.С.Макаренко. Москва: Высшая школа, 1966. 290 с.

References

1. Valieva F.I. Development of pedagogical science in St.-Petersburg state university from 1945 till 1990. Dissertation... PhD in pedagogy. St.-Petersburg, 1996. 282 p.
2. Vinichuk L.S. A.S. Makarenko about education of conscious discipline. Kiev, 1988. 130 p.
3. Kozlov I.F. Makarenko's teaching experience. M., 1987. 170 p.
4. Konisevich L. Makarenko educated us. Chelyabinsk, 1993. 323 p.
5. Korotkov V.M. Makarenko's ideas in modern school. Voronezh, 1976. 210 p.
6. Krivotulova E.V. Development of the university teacher in the context of professional and pedagogical work // Psychological and pedagogical effectiveness of the university teacher as a factor of development of modern professional education. Voronezh, 2012. 376 p.
7. Lozhechko A.B. Educator, teacher, fighter. M., 1963. 110 p.
8. Lukin J. Two portraits. M., 1975. 260 p.
9. Makarenko A.S. Works in 7 vol. Vol.5. M., 1958.
10. Opalikhin L.V. Makarenko's system: view from inside. Chelyabinsk, 1993. 323 p.
11. Pavlova M.P. A.S. Makarenko's system of education. M., 1966. 290 p.

УДК 808.2 (1-87)

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет
Кандидат филологических наук, профессор
кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации Лапынина Н.Н.
Россия, г. Воронеж, тел.: 8(473)271-50-48;
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication,
PhD in philology, full professor
Lapynina N.N.
Russia, Voronezh, tel.: 8(473)271-50-48;
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

Н.Н. Лапынина

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ ИНОСТРАННЫХ МАГИСТРАНТОВ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

В статье рассматривается специфика организации языковой подготовки иностранных магистрантов инженерно-технического профиля, проблема поиска эффективных средств учебной коммуникации на занятиях по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, иностранные магистранты, компетенции, язык специальности, межкультурная коммуникация.

N.N. Lapynina

TO THE QUESTION OF LANGUAGE PREPARATION OF FOREIGN MASTERS OF ENGINEERING AND TECHNICAL PROFILE

The article considers the specificity of organization of language preparation of foreign masters of engineering and technical profile and the problem of the search of effective means of teaching communication at the lessons of Russian as a foreign language.

Key words: teaching Russian as a foreign language, foreign masters, skills, professional language, cross-cultural communication

В последние годы, по мнению исследователей, «численность иностранцев, желающих получить образование в России, стала приближаться к перестроечной» [1; с. 206]. Существенно пополнился контингент иностранных учащихся и в Воронежском государственном архитектурно-строительном университете.

Реалии сегодняшнего дня таковы, что завершается процесс перехода российской высшей школы на двухуровневую систему образования: бакалавриат и магистратуру. Подготовка магистрантов-иностранцев имеет свою специфику, которую необходимо учитывать при разработке и реализации разного рода магистерских учебных программ.

Однако во ВГАСУ магистерские планы и программы составлены в основном без учёта контингента иностранных магистрантов. Программа подготовки магистрантов-граждан РФ предполагает изучение делового иностранного языка лишь в 1 семестре, для иностранцев же занятия по русскому языку как иностранному (РКИ) в таком объёме, безусловно, недостаточны.

Приступая к разработке любой учебной программы, в том числе курса русского языка как иностранного для магистрантов, необходимо сделать целенаправленный анализ особенностей той группы, которая должна обучаться по этой программе.

Во ВГАСУ по программе подготовки магистров обучается две категории иностранных граждан: 1) магистранты, окончившие бакалавриат в российских вузах и прошедшие подготовку по русскому языку в течение 5 лет в объёме, соответствующем требованиям Второго сертификационного уровня (включая Первый сертификационный уровень), и 2) магистранты, окончившие бакалавриат на родине и получившие языковую подготовку на подготовительном отделении или на подготовительном факультете только в объёме Первого сертификационного уровня (а в некоторых случаях практически лишь в объёме Базового уровня).

Следует учитывать, что магистранты (в том числе и иностранные) обладают целым рядом характеристик, отличающих их от бакалавров, специалистов и аспирантов как в профессиональном плане, так и в плане постановки задач обучения РКИ.

В отличие от бакалавриата, который ориентирован прежде всего на формирование знаний (общих и профессиональных), магистерская подготовка предполагает в большей степени формирование навыков и умений, в первую очередь связанных с исследовательской работой, так как магистр - это начинающий научный работник, являющийся в то же время профессионалом-практиком, грамотным исследователем в своей профессиональной сфере, способным вести прикладные исследования в выбранной области науки [5; с. 135].

Для иностранных магистрантов нефилологического профиля русский язык является средством более глубокого овладения специальностью. Качество подготовки специалистов призваны обеспечить Государственные образовательные стандарты по РКИ, которые определяют уровень владения языком как степень сформированности коммуникативной компетенции у пользователей языка, в структуру которой включены как минимум лингвистическая, социокультурная и профессиональная компетенции [4; с. 3].

Как известно, за конечный уровень обучения русскому языку как иностранному в двухгодичной магистратуре инженерно-технического профиля принимается Второй сертификационный уровень. Предполагается, что для достижения Второго сертификационного уровня *общего владения* русским языком требуется 380 учебных часов. Для достижения этого уровня с учётом *профессиональной ориентации* требуется ещё 340 учебных часов. Таким образом, при условии владения русским языком на Первом сертификационном уровне для достижения Второго сертификационного уровня владения языком требуется не менее 720 часов. Мы же фактически имеем гораздо меньше часов, что, естественно, не позволяет обучающимся получить знания в полном объёме и достичь большинству из них положенного по программе уровня владения языком.

Кроме того, трудности возникают и в силу того, что языковой уровень подготовки магистрантов, как отмечалось выше, в реальности разный, и это обстоятельство диктует необходимость разделения контингента иностранных магистрантов по степени владения языком. Однако в настоящее время разница в языковой подготовке при формировании учебных групп не учитывается, во внимание берётся лишь год обучения. Причём в учебной группе оказываются объединёнными магистранты разных направлений и специальностей, что создаёт дополнительные трудности.

Опыт преподавания РКИ в техническом вузе показывает, что магистранты практически не имеют проблем с общеупотребительным (разговорным) русским языком в

социально-бытовых ситуациях (магазин, кафе, транспорт, гостиница и т.п.). В то же время низкий уровень владения языком специальности становится существенным препятствием в учебно-профессиональной и научной сферах: во время восприятия лекций, участия в научных конференциях, дискуссиях, при написании статей, диссертационной работы и т.п.

Недостаточное количество учебных часов, выделенное на РКИ, обуславливает сужение содержания учебной программы прежде всего за счёт социокультурного компонента с уделением главного внимания *языку для академических целей (языку специальности)*, который необходим для чтения тематически и грамматически сложной литературы по специальности, общения с коллегами-специалистами, для презентаций, докладов, публикаций, написания магистерской диссертации, участия в профессиональных дискуссиях.

Реальные условия процесса обучения накладывают некоторые ограничения и на формирование навыков и умений в четырёх видах речевой деятельности: аудировании, говорении, чтении и письме. Приоритет отдаётся *чтению и письму*. Вырабатываются навыки просмотрового, ознакомительного и изучающего чтения, извлечения информации из текста, её компрессии, переработки, что - свою очередь - предполагает работу над фонетикой и интонацией, обязательное системное изучение грамматики на синтаксической основе, отбор терминов по принципу частотности и релевантности.

Необходимо подчеркнуть, что для магистрантов формирование коммуникативной компетенции невозможно без формирования языковой компетенции на базе сознательного подхода к изучению языка, без осознания коммуникативной ценности языковых единиц. Поэтому исключительно важная задача преподавателя - пробудить у магистрантов стремление к сознательному изучению лексико-грамматической системы языка, что представляется невозможным без регулярного, специально организованного повторения и изучения языкового материала. Кроме того, в силу ограниченности аудиторных часов, весьма актуален и вопрос организации эффективной самостоятельной работы, формирования «так называемой самообразовательной компетенции как способности поддерживать и повышать в процессе самообразования уровень владения иностранным языком» [2; с.20].

Безусловно, особое внимание следует уделять письму и как сложному виду речевой деятельности, и ввиду его значимости для данного контингента в учебно-профессиональной сфере общения. Обучение письму связано с развитием и совершенствованием навыков других видов речевой деятельности и предполагает ряд этапов: обучение анализу структурной и коммуникативно-смысловой организации профессионально ориентированного текста; создание вторичных текстов (аннотации, конспектов, реферата); написание фрагментов магистерской диссертации.

В то же время становится очевидным, что в условиях глобализации и межкультурной коммуникации не обойтись без социокультурных знаний, без необходимого диалога культур, который предполагает изучение (пусть в силу известных причин и достаточно фрагментарное) не только русской культуры, но и специфических особенностей инокультур.

Можем предложить фрагменты одного из возможных (нисколько не претендующих на совершенство) вариантов работы с магистрантами, учитывающий как минимум 3 аспекта, необходимых для формирования комплексной коммуникативной компетенции:

1 год 1 семестр

Социокультурная компетенция. Общее владение. Страноведение.

1) Российская Федерация: прошлое и настоящее. 2) Старинные русские города и их архитектурный облик. Москва, Воронеж: историческое прошлое и современность. 3)

Русская наука и выдающиеся русские учёные (М. Ломоносов, Д. Менделеев, С. Ковалевская, Н. Басов, Ж. Алферов и др. - по выбору преподавателя; научные школы вуза).

Профессиональная (предметная) компетенция. Язык специальности.

Изучение текстов по специальности из профильных учебников, учебных пособий и журналов: чтение (изучающее, ознакомительное, просмотровое), анализ лексики (в т.ч. терминологии) и синтаксических структур, характерных для языка специальности (в рамках магистерских программ). Структура профильного научного текста.

Языковая компетенция. Изучение грамматики на синтаксической основе.

1) Выражение субъектно-предикатных отношений. Активные и пассивные конструкции. 2) Выражение определительных отношений (согласованные и несогласованные определения; определения, выраженные причастными оборотами и придаточными предложениями в составе СПП). 3) Способы образования активных и пассивных причастий; синтаксические функции полных и кратких причастий. 4) Выражение объектных отношений в простом (прямые и косвенные дополнения) и сложноподчинённом предложениях. Переходные и непереходные глаголы.

1 год 2 семестр

Социокультурная компетенция. Общее владение. Страноведение.

1) Национальные традиции и праздники. 2) Великая Отечественная война. Воронеж в годы Великой Отечественной войны.

Профессиональная (предметная) компетенция. Язык специальности.

Изучение текстов по специальности из профильных учебников, учебных пособий и журналов: чтение (изучающее, ознакомительное, просмотровое), анализ лексики (в т.ч. терминологии) и синтаксических структур, характерных для языка специальности (в рамках магистерских программ). Вычленение, дифференциация, трансформация информации.

Реферирование научного текста. Реферативное чтение научных статей по специальности.

Языковая компетенция. Изучение грамматики на синтаксической основе.

1) Выражение обстоятельственных отношений в простом предложении (виды обстоятельств и способы их выражения). 2) Простые предложения с однородными членами. 3) Типология русских сложных предложений: ССП, СПП, БСП. 4) Выражение места, времени, условия, цели, причины, следствия, уступки в СПП. 5) Предложения с деепричастиями и деепричастными оборотами, их трансформация в простые предложения с однородными членами и в СПП.

2 год 3 семестр

Социокультурная компетенция. Общее владение. Страноведение.

1) Известные русские писатели и поэты (А. Пушкин, А. Кольцов, И. Никитин, Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов и др. - по выбору преподавателя). 2) Известные русские архитекторы и инженеры.

Профессиональная (предметная) компетенция. Язык специальности.

Научный стиль речи: признаки и языковые особенности. Типы научных текстов. Анализ структуры научной статьи. Изучающее чтение статьи по специальности, составление лексического минимума и выявление характерных синтаксических конструкций, смысловой анализ.

Аннотирование научного текста. Работа с аннотированными журналами. Составление аннотации.

Языковая компетенция. Изучение грамматики на синтаксической основе.

1) Средства связи внутри предложения и межфразовые средства связи. 2) Вводные слова, словосочетания и предложения: функции и семантика. 3) Пунктуация в предложениях с вводными словами, словосочетаниями, предложениями и вставными конструкциями.

2 год 4 семестр

Социокультурная компетенция. Общее владение. Страноведение.

1) Архитектурные шедевры России. 2) Новое в науке и технике.

Профессиональная (предметная) компетенция.

Структура магистерской диссертации: введение, главы и параграфы, заключение, список литературы, приложения. Требования к оформлению магистерской диссертации.

Структура введения, написание частей введения.

Языковая компетенция. Повторение грамматического материала в соответствии с языковыми особенностями изучаемых профильных текстов.

Клишированные конструкции, характерные для магистерских работ.

Говорение. Особенности научной дискуссии: формулирование вопросов и ответов, аргументация; этикетные речевые формулы согласия / несогласия, приветствия, выражения благодарности.

Для реализации поставленных целей и задач обучения необходимо подбирать оптимальные средства учебной коммуникации, адекватные содержательной стороне обучения, что в реальных условиях сделать весьма сложно, поскольку идеального учебника, как и идеального метода обучения иностранному языку, не существует. Представляется целесообразной организация учебного процесса, базирующаяся на предметной тематике и типовых моделях профессионально ориентированных текстов, имеющих воспроизводимую композиционно-смысловую структуру и реализующихся на определённой языковой основе. С этой целью могут быть подготовлены лексические минимумы, терминологические словари, подборки неадаптированных или минимально адаптированных профильных спецтекстов, созданы учебные пособия, направленные на формирование языковых и речевых навыков и умений, необходимых обучающимся для успешного осуществления учебно-профессиональной и научно-исследовательской деятельности и рассчитанных на контингент учащихся с разноуровневой языковой подготовкой [3]. При этом в учебной литературе подобного рода предполагается последовательное формирование предметного компонента коммуникативной компетенции, изучение и усвоение языка специальности.

Опыт работы показывает, что завершать курс обучения логичнее не зачётом, а экзаменом, который повышает мотивацию к обучению.

В заключение отметим, что опыт работы кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ВГАСУ, осмысление организации процесса обучения русскому языку прежде всего как языку специальности позволяет предположить, что резервы повышения результативности обучения можно выявить в большем соответствии содержания обучения коммуникативным потребностям иностранных магистрантов.

Библиографический список

1. Балыхина Т.М. Новые компетенции в профессиональной квалификации российского педагога // I Международная научно-методическая конференция «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы»: Сб. статей. Москва, РУДН, 1-4 ноября 2008 г. М.: РУДН, 2008. С. 206 - 211.

2. Егорченкова Е.Я., Завьялова А.Г., Кравченко А.В. Формирование самообразовательной компетенции по иностранному языку у студентов неязыкового экономического вуза // Иностранные языки в школе. 2003. №3. С. 20-24.

3. Лапынина Н.Н. Русский язык для будущих инженеров-строителей: учеб. пособие / Н.Н.Лапынина, Л.В.Ковалева; Воронежский ГАСУ. 2-е изд., перераб. и доп. Воронеж, 2012. 100 с.; Лапынина Н.Н. Изучаем язык специальности (на материале текстов по водоснабжению): учеб пособие / Н.Н.Лапынина, И.Е.Намакштанская,

Т.Н.Гапонова; Воронеж. гос. арх.-строит. ун-т. Воронеж, 2009. 120 с.; Ковалева Л.В. История русской архитектуры: учеб. пособие для студентов-иностранцев / Л.В.Ковалева, Н.Н.Лапынина. Воронеж. гос. арх.-строит. ун-т. Воронеж, 2006. 113 с.; Ковалева Л.В. Архитектурные стили: учеб. пособие / Л.В.Ковалева, О.В.Новикова; Воронеж. гос. арх.-строит. ун-т. Воронеж, 2010. 271 с.

4. Программы учебных курсов по дисциплине "Русский язык" для иностранных студентов, аспирантов и стажёров / Под ред. В.Ю. Копрова. Воронеж, 2010. 121 с.

5. Яшманова В.А., Кручинина А.А., Тумарова Т.Г. Иностранный язык в магистратуре // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 1. С.135-142.

References

1. Balykhina T.M. New skills in professional qualification of Russian teacher // The 1st International scientific and methodical conference "Condition and prospects of methods of teaching Russian language and literature": Collection of articles. M.: RUFP, 2008. P. 206-211.

2. Egorchenkova E.Y., Zavyalova A.G., Kravchenko A.V. Forming of self-education skills in foreign language with students of non-language economical university // Foreign languages at school. 2003. Vol.3. P. 20-24.

3. Lapynina N.N., Kovaleva L.V. Russian language for future building engineers. Voronezh, 2012. 100p.; Lapynina N.N., Namakhtanskaya I.E., Gaponova T.N. Learning professional language. Voronezh, 2009. 120 p.; Kovaleva L.V., Lapynina N.N. History of Russian architecture. Voronezh, 2006. 113 p.; Kovaleva L.V., Novikova O.V. Architectural styles. Voronezh, 2010. 271 p.

4. Programs of courses in Russian language for foreign students, post-graduate students and probationers. Voronezh, 2010. 121 p.

5. Yashmanova V.A., Kruchinina A.A., Tumarova T.G. Foreign language in magistracy // Proceedings of St.-Petersburg university of economics and finances. 2010. Vol. 1. P.135-142.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ASPECTS OF RESEARCHING OF FICTION

УДК 801.3

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации,
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication,
PhD, associate professor Voronova T.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(473)271-50-48;
e-mail: tati82@inbox.ru*

Т.А. Воронова

СЛОВЕСНЫЙ ОБРАЗ ТИЛЯ УЛЕНШПИГЕЛЯ В СТИХОТВОРЕНИЯХ Е. ЕВТУШЕНКО И Л. БОЧАРОВОЙ

При сравнительном анализе двух текстов выявляются лексические средства, при помощи которых создается поэтический образ Тиля Уленшпигеля, и обозначаются детали, за счет которых лирическое произведение соотносится с оригинальным текстом.

Ключевые слова: Уленшпигель, Шарль де Костер, Евтушенко, Лора Боcharова, текст, деталь, словесный образ

Т.А. Voronova

VERBAL IMAGE OF TILL EULENSPIEGEL IN POETIC WORKS BY E. EVTUSHENKO AND L. BOCHAROVA

In the course of comparative analysis of the two texts the lexical means which create the verbal image of Till Eulenspiegel are revealed and the details which correlate the poem to the original text are touched.

Key words: Eulenspiegel, Charles de Coster, Evtushenko, Lora Bocharova, text, detail, verbal image

Литературный персонаж, о котором пойдет речь в данной статье, не раз вдохновлял художников, хореографов, музыкантов, драматургов, кинематографистов, поэтов и т.д. (первым в этом списке деятелей искусства, разумеется, стоит имя Шарля де Костера, ставшего не столько «отцом Тиля», сколько его гениальным популяризатором). В русскоязычной культуре образ фламандского пройдохи и бунтовщика был воспринят совершенно по-особому (причины этого несут, на наш взгляд, не столько литературный, сколько исторический характер). Обращение к данному герою представителей весьма далеких друг от друга поэтических направлений – гражданской поэзии и современного нео-фолка – тоже в каком-то смысле показательное явление.

Задача данного исследования – при сравнительном анализе двух текстов выявить лексические средства, при помощи которых создается поэтический образ Тиля Уленшпигеля, и обозначить детали, за счет которых лирическое произведение соотносится с исходным (прецедентным) текстом, т.е. романом Шарля де Костера.

Стихотворение Евгения Евтушенко «Монолог Тиля Уленшпигеля» (1965) и текст песни Ларисы (Лоры) Бочаровой «Уленшпигель» (1999) сближают прежде всего два мотива: передвижения, дороги и бессмертия главного персонажа. Оба автора изображают Уленшпигеля как вечного путешественника, который «никогда не умрет, по всему свету пройдет, ни в одном месте прочно не осев» [1]. У Е.Евтушенко это «менестрель, шагающий по свету налегке»; у Л. Бочаровой – «неисправимый балагур», который «ходит по свету» в «коротком дорожном плаще» и пыльных «остроносых башмаках».

Однако цель этого передвижения – тот краеугольный камень, та точка, в которой два автора, два представителя разных эпох кардинальным образом расходятся.

Обратим внимание, что в самом тексте Е. Евтушенко (в отличие от песни Л.Бочаровой) отсутствует прозвище героя, напоминающее о его эскападах, за которые оно и было получено: «Меня когда-то называли Тилем, И до сих пор - я тот же самый Тиль». Заметим в скобках: по тому же пути пошли и создатели фильма 1976 года «Легенда о Тиле»: «Возможно, выбрав вместо знаменитого прозвища данное при крещении имя, авторы хотели подчеркнуть, что героем их является не абстрактный образ человека-пересмешника, а именно живой, теплый, остро чувствующий боль, сострадание, страх, гнев, любовь, ненависть человек по имени Тиль» [2].

У Евтушенко Тиль – прежде всего справедливый мститель и судья («Мне кое с кем хотелось расквитаться. Не мог лежать я в пепле и золе. Грешно в земле убитым оставаться, Когда убийцы ходят по земле! <...> Да, палачи конечно постарели, Но все-таки я знаю, старый гёз, – Нет истечения срокам преступлений, Как нет оплаты крови или слёз»), который отчасти берет на себя функции Бога – карает, возрождает убитых и призывает всех к ответу («И я искал убийц... Я стал за Бога. Я с детства был смиренней голубиц, Но у меня теперь была забота – Казнить своими песнями убийц. <...> Пускай в аду давно уже набито, Там явно не хватает «ряда лиц», И песней поднимаю я убитых, И песней их веду искать убийц!»).

Цель его нескончаемого передвижения по миру и лейтмотив всего стихотворения – «поиск убийц»; пожалуй, лишь орудие Тиля – «песня» – позволяет его образу не слиться с образом «палачей» и «убийц», против которых он предпринимает свой поход. Можно предположить, что ипостась, в которой выступает Тиль у Евтушенко – поэт и «менестрель», – отчасти проецируется автором на самого себя: это та роль, которую примеряет на себя его лирический герой, его поэтическое «я». Выбранный поэтом персонаж мировой литературы позволяет ему полнее и точнее выразить собственную идею. Этой же цели служат словесные «привязки» к роману де Костера: упоминание имени Неле, которая появляется в тексте лишь для того, чтобы главный герой высказал перед ней свое жизненное кредо («И я шептал своей любимой – *Неле* <...>: «Как может Бог спокойным быть на небе, Пока убийцы ходят по земле?»); одно из ключевых слов первоисточника – «гёзы» (И, словно мои преданные *гёзы*, <...> За мною шли каштаны и березы); а также финальные строки стихотворения, в которых варьируется знаменитая фраза о «пепле Клааса»: «Чем больше я живу на этом свете, Тем больше *пепла* в сердце мне стучит!»).

Сам же образ фламандского бунтаря проецируется Евтушенко на современность. Его Тиль приходит в мир «посреди двадцатого столетья»; поэтом проводится явная параллель между пытками инквизиции и зверствами фашизма: в стихотворении (написанном, что немаловажно, в год 20-летия Победы) возникают реалии иного периода истории – «трубы смерти» Дахау («Но, дымом восходя из труб *Дахау*, Живым я опускался на луга»), Бабий Яр («...убитый в *Бабьем Яре*, Я выбрался сквозь мертвые тела»), концлагеря («Убийцы дело знали назубок, Как в подземельях при Эскуриале, В *концлагерях*, придуманных дай бог!»). Образ Уленшпигеля у Евтушенко принципиально интернационален – воплощение «духа Фландрии» оказывается созвучным любой другой нации: «Я голландец. Я русский. Я француз. Поляк. Еврей». Голос Тили – это голос человечества («Я человек – вот мой дворянский титул»), в истории которого меняются лишь внешние декорации, но не суть извечных конфликтов; его обвинения звучат «от имени Земли и всех галактик», т.е. в почти космическом масштабе. Таким образом, для Е.Евтушенко на первом месте стоит не национальное, а общечеловеческое содержание текста-первоисточника, который весьма свободно интерпретируется им в поэтическом контексте.

Текст песни Л. Бочаровой, созданный более чем тридцатью годами позже, – «продукт» совсем иной эпохи, и в нем автором ставятся совершенно иные поэтические задачи. Подчеркнутая простота стиля определяется прежде всего жанром – песня, звучащая в авторском исполнении; тема Уленшпигеля возникает на волне увлечения Средневековьем, столь характерного для многих современных бардов и исполнителей в стиле нео-фолк. Обращаясь к фламандским легендам и знаменитому роману, созданному на их основе, Л. Бочарова отбирает уже другие детали словесного изображения; сам текст становится более «концентрированным», сосредоточенным на деталях, из которой в воображении слушателей должна вырисовываться целая картина (в отличие от некоторой растянутости, характерной для поэтического текста Е.Евтушенко).

Текст, написанный Л.Бочаровой, можно рассматривать как поэтическую иллюстрацию к роману де Костера, однако такая точка зрения может показаться довольно поверхностной; правильнее было бы назвать его поэтическим переосмыслением исходного текста.

Интерпретация Л.Бочаровой проникнута гораздо большим лиризмом, чем «Монолог...» Е. Евтушенко; обилие восклицательных знаков сменяется спокойно повествовательной интонацией; здесь уже нет душераздирающих подробностей с оттенком садизма («Я был сожжен, повешен и расстрелян, На дыбу вздернут, сварен в кипятке») – на них намекает лишь строка «Корчится нищий в колесе», да и сама смерть «с перьями горлицы в косе», с которой предстоит встретиться (и, по всей видимости, разминуться) Уленшпигелю, больше напоминает его невесту (горлица, горлинка – традиционный образ любимой девушки или женщины).

Неоднократное повторение лексемы «колесо» и сам синтаксис песенного текста создают ощущение непрерывного движения: параллельное, отчасти анафорическое построение предложений («Густо смолят» – «Густо покрыты»; «Жгут корабли» – «Жжет свои опусы»; «Короток плащ» - «Короток сон»), среди которых преобладают простые предложения глагольного типа, вызывает ассоциацию с мельканием «дорожных картин» перед глазами путешественника, с быстрой сменой его кратких впечатлений.

Однако если у Евтушенко Тиль путешествует по свету с целью справедливого мщения, то у Лоры Бочаровой эта цель как бы вынесена за скобки. «Бунтарь и шут» присутствует в мире просто потому, что он *есть* и *должен быть*, о чем говорит ряд

эпитетов, при помощи которых образ Уленшпигеля вводится в текст: «неисправимый» – «неистребимый» – «незаменимый» – и, наконец, «правый». Здесь можно усмотреть отзвук легенды о семерых (т.е. семерых пороков, способных превратиться в семь добродетелей), в поисках которых де-костеровский Тиль и отправляется в путешествие – однако это всего лишь наша догадка, не подтверждаемая напрямую текстом.

Такие «определения» Тили, как «балагур» и «шут», словно повисают в воздухе и не получают дальнейшего лексико-смыслового развития в тексте песни, оказываясь «ружьями, которые не выстреливают»; «бунтарство» Тили также обрисовано вскользь, намеками – при помощи выражения «крепок кулак» и упоминания его соратников – гёзов («Жгут корабли за дамбой гёзы»). Если в стихотворении Евтушенко Тиль предстает как довольно откровенный богоборец («У церкви я всегда ходил в опальных И доверяться Богу не привык»), то у Лоры Бочаровой эпитет «безбожная» в сочетании с «Фламандия» («Пеплом Фламандии безбожной Густо покрыты башмаки») выражает скорее отношение к ней тех, по чьей милости Уленшпигель отправляется в изгнание. Само выражение «пепел Фламандии» достаточно интересно: это не просто поэтическое обозначение пыли, которой обычно покрыты башмаки путешественника, и не только отсылка к фразе Тили о «пепле Клааса, стучащем в сердце» – это даже не «пепел отца», а скорее «пепел отцов», метафора памяти и трагедии всей страны.

При подобной «пунктирности» стиля Л. Бочаровой к тексту-первоисточнику она все же ближе – несмотря на то, что ни один из традиционных спутников Тили ею в текст песни не вводится. Так, «дамба» – это косвенный намек на родной город Уленшпигеля (именно так переводится название «Дамме»); сравнение персонажа с лисой («Лисьи следы читает егерь») – опять-таки отголосок роману де Костера («Нос и рот его точно делали две лисы, до тонкости изучившие искусство ваяния» [1]); упоминание корабля – отсылка к «морским» эпизодам романа.

Продолжая сравнивать два поэтических текста, можно отметить следующий момент. В стихотворении Е.Евтушенко Тиль Уленшпигель – персонаж, на котором «держится» весь текст: это его речь от начала и до конца, о чем заявлено уже в заголовке. В песенном тексте Л.Бочаровой главный герой присутствует... эпизодически: он то появляется, то исчезает. Однако, исходя из построения текста и его «кинематографичности», можно высказать мысль о том, что Тиль у Л.Бочаровой – скорее наблюдатель, чем активный деятель: смена «дорожных картин», о которой говорилось выше, происходит перед его глазами.

К словесному изображению этих картин Л. Бочарова подходит особенно тщательно. «Гражданин мира» у Евтушенко, ее Тиль передвигается в пространстве, в котором словно оживают картины голландских и фламандских мастеров. Скупые детали пейзажа, встроенные в текст, также рождают аналогичные ассоциации: это и «пенный вал», который «сносит плотину», и мельница («мельничный штурвал») – один из популярных символов Голландии, и «остроносые башмаки», и упоминание таверны и пива (знаменитое фламандское «буйство плоти»), и, наконец, снег – любимый фон многих голландских художников, в частности, широко известной картины «Охотники на снегу» Питера Брейгеля, чье имя упомянуто в тексте песни.

Ряд собственных имен, вводимый Л. Бочаровой, также связан с Голландией или же с фламандской культурой: Брейгель – один из представителей фламандской живописной школы; Спиноза – нидерландский философ; Сведенборг – шведский ученый и мистик, который «начал видеть странные сны», ставшие основой его духовной теории, как раз во время путешествия в Нидерланды [3]; Ван Гог – знаменитый голландский

художник. Мы приводим список этих имен в том порядке, в каком они следуют в тексте песни, обнаруживая определенную закономерность, а именно: в последовательности имен видна четкая хронология. Питер Брейгель (здесь, очевидно, Старший) – житель 16-го века, практически современник событий описанный в романе де Костера; деятельность Спинозы разворачивается век спустя; путешествие Сведенборга в Нидерланды и его знаменитое видение имело место в 1744 году; наконец, Ван Гог – художник 19-го века. Эти имена – своего рода «вехи» в странствии Уленшпигеля; Тиль передвигается не только в пространстве, но и во времени, постепенно видя будущее своей страны – таков поэтический замысел Лоры Бочаровой. «Перекресток всех дорог» – это «узел» эпох и культур, пространств и времен.

Отметим, что с именем визионера Сведенборга в тексте песни связан мотив сна: выражение «спит в колыбели» вполне понятно – последний год Спинозы и год рождения Сведенборга разделены всего десятью годами. Однако строка «Кто задремал в лесу у плеса?» словно сливает в одно легендарного Тиля и реального Сведенборга; «Все, что во сне ему приснилось, Выписал красками Ван Гог» – из текста не совсем ясно, к кому относятся эти слова, кто стоит за местоимением «он». Впрочем, в этой неясности есть определенный смысл: Тиль идет тем же «маршрутом» и видит те же сны (снова отсылка к эпизоду романа-источника об очарованном сне Тиля и Неле), что и представитель последующей эпохи.

Сходную мысль несет в себе и стихотворный текст Е. Евтушенко; однако выбор поэтических средств для воплощения авторского замысла напрямую зависит от жанра и идейного содержания создаваемого текста.

Библиографический список

1. Костер де, Шарль. Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке, об их доблестных, забавных и достославных деяниях во Фландрии и других краях // <http://www.lib.ru>
2. Легенда о Тиле // <http://www.kinopoisk.ru>
3. Википедия – свободная энциклопедия // <http://ru.wikipedia.org/wiki>

References

1. Coster de, Charles. The Legend of Thyl Ulenspiegel and Lamme Goedzak // <http://www.lib.ru>
2. Legend of Till // <http://www.kinopoisk.ru>
3. Wikipedia – the free encyclopedia // <http://ru.wikipedia.org/wiki>

УДК 821.161.1

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный
университет
Ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Попова Ю.С.*

*Россия, г. Воронеж, тел. + 79202262368;
e-mail: buka1621@rambler.ru*

*Voronezh State Architecture and
Construction university
The chair of Russian Language and
Intercultural adverse communication, assis-
tant Popova Y.S.*

*Russia, Voronezh, tel. + 79202262368;
e-mail: buka1621@rambler.ru*

Ю.С. Попова

СЮЖЕТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ПОРТРЕТНОЙ ДЕТАЛИ В РАССКАЗАХ И.А. БУНИНА «ЖИЛЕТ ПАНА МИХОЛЬСКОГО» И «ЛАПТИ»

В статье рассматривается изображение вещного мира, в частности, костюма как одной из граней бунинской художественной антропологии. Выявляются основные функции костюмной детали в художественном тексте. Особое внимание уделяется внутренней семантике вещи. Она является составляющей «языка одежды» и представляет собой систему единиц текста, которая дает целостное представление о герое, выполняя сюжетообразующую и мотивную функцию.

Ключевые слова: портрет, деталь, И.А. Бунин.

Y.S. Popova

ROLE OF PORTRAIT DETAILS IN PLOT OF THE STORIES I.A. BUNIN «VEST PANA MIHOLSKOGO» AND «LAPTE»

The article discusses the image of the material world, in particular costume as one of the faces of Bunin artistic anthropology. The basic functions of the costume details are revealed in a literary text. Particular attention is paid to the internal semantics of things. It is part of the «language of clothes» and represents a system of units of text that gives a holistic view of the hero, fulfilling the function of plot and motivic.

Keywords: portrait, detail, I.A. Bunin.

В творчестве И.А. Бунина выделяются рассказы, где названием становится предмет одежды («Жилет пана Михольского», «Лапти»). Являясь движущим началом, данный предмет костюма строит сюжет произведения. Но этот предмет является и идеей, концепцией. От выбора конкретной детали костюма зависит все построение рассказа (выбор героя, ситуации). И.А. Бунин использует внутреннюю семантику вещи, раскрывая значения в ходе повествования.

Одежда – это широкое понятие, которое коррелирует с предметным миром в антропологическом аспекте (его сторонником является В.Н. Топоров), но в то же время подразумевает вполне конкретное значение. Так, костюм может быть рассмотрен как «вещь в антропологической перспективе» [8; с. 25] и как определенный символ, имеющий знаковую природу. Именно изучение костюма позволяет выявить плодотворные аспекты взаимодействия антропологии и семиотики.

Костюм важен и как художественная деталь, которая составляет часть художественного образа. «Без наличия деталей предметной изобразительности писателю нечего было бы компоновать, ему не о чем было бы вести свою художественную речь. Даже критериев отбора речевых элементов у него не было бы» [6; с. 194]. В современных словарях художественная деталь - это «особо значимый, выделенный элемент художественного образа ...микроэлемент образа: портрета, пейзажа, быта, действия, поступка, изображенной речи» [5; с. 148-149].

Автор отбирает и оценивает детали в связи с художественной идеей произведения, что находит отражение в использовании портрета, пейзажа, вещных деталей. Подобное определение позволяет говорить о трех составляющих портрета: о физиологических данных героя (черты лица, фигура), о психологических особенностях (поведение, поза, мимика, жесты) и, наконец, об одежде, а точнее, о костюме.

Деталь - элемент портрета, пейзажа, вещи, комплекса форм поведения, речи. Но она почти всегда действует в рамках более крупного образа (портрета, пейзажа, вещи) и хранит на себе отпечаток художественного целого.

Рассказ «Жилет пана Михольского» продолжает традиционную для русской литературы тему – подмены подлинных ценностей миром вещей (возникает ассоциативный образ гоголевской «Шинели», да и сам Н.В. Гоголь становится персонажем рассказа).

Перед читателем предстает галерея героев, для которых одной из важнейших жизненных ценностей является внешний вид. Гардеробу они уделяют все свое внимание. Вещь становится символом статуса, желаемой роли, возможностью прикоснуться к обществу, представителем которого не является герой.

Автор подчеркивает происхождение героев. Пан Михольский - «...очень молод, но уже довольно разумен, тяготел к обществу людей солидных и светских...решил приехать перед свадьбой из своего глухого уезда в Киев, дабы нашить себе панталон, сюртуков, фраков и жилеток по самой последней моде...» [2; с. 222]. Герой – представитель провинциального среднего класса. Его стремления сводятся к желанию жениться удачно и принарядиться. Лицо героя заменяет маска (наряд, стремление приблизиться к высшему обществу). Желание персонажа утвердиться в мире, измениться лишь внешне, облачившись в другую одежду, и тем самым приблизиться к миру, куда он так стремится (здесь можно провести аналогию с «Шинелью» Н.В. Гоголя: по мере того как образ новой шинели овладевает сознанием персонажа и прельщает его своими формами, существование Акакия Акакиевича меняется: оно «сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель» [3; с. 155]).

Пан Михольский лишен индивидуальности, он один из толпы многочисленных представителей себе подобных, которых было множество во все времена. И.А. Бунин не дает внешних характеристик героя. Но это украшательство не скрывает обывательскую натуру героя: «Мне сдается, — молвил наконец Гоголь, щурясь, — мне сдается, что я вас где-то уже видел. Да, я вас где-то видел. Не скажу, чтобы ваша физиономия памятна мне живо, но тем не менее я вас видел. Видел же я вас в каком-то трактире, вы там лакомились луковым супом» [2; VII; с. 224]. Пан Михольский

убежден, что чин, принадлежность к столичному населению или, по крайней мере, модное платье равноценны новой судьбе.

Граф – представитель дворянской среды. Но и ему не чуждо стремление к внешним эффектам и желание щегольнуть красивым нарядом. Между этими героями – социальная пропасть, но когда речь заходит об интеллектуальных предпочтениях, то пан Михольский предстает в более выгодном свете. Герои собираются на встречу со знаменитым писателем Гоголем. Граф не имеет никакого представления о его творчестве и перед встречей с ним даже не стремится хоть как-то познакомиться. Пан Михольский предстает более осведомленным в области литературы человеком и пытается охарактеризовать талант Гоголя: «- Что ж он, хорошо пишет? - Да недурно, - ответил пан Михольский, - только уж больно обыденно: нет, знаете, полету, байронизму...» [2; VII; с. 230]. Но и сам граф принимает приглашение в гости не с целью знакомства с приятным человеком, а потому, что получил приглашение от значительного лица и потому, что Гоголь, «оказывается, в большой милости у государя» [2; VII; с. 230].

Ситуация знакомства, как и весь рассказ, написаны И.А. Буниным в ироничном ключе. В основе рассказа представление о человеке в глазах других людей (представление о Гоголе как о писателе и как о человеке). После внешнего описания Гоголя («...этот самый Гоголь шел впереди почтительно следовавшего за ним хозяина, не спеша и глядя несколько вкось, исподлобья. У него был длинный нос, длинные прямые волосы. На нем был сюртук темного граната и темно-зеленая жилетка, по которой краснели мушки и глазки и ярко блестели желтые пятна» [2; VII; с. 233]) представляется развитие событий. Гоголя ожидают как очень важную персону, собрались профессора в красивых мундирах, руки по швам. Однако ожидания читателей и героев обмануты. Во время приема Гоголь никак не проявляет себя, более того его поведение кажется странным. И только в самом конце рассказа читателю открывается смысл происходящего. Пан Михольский объясняет поведение Гоголя тем, что писателю понравился его жилет. И на предложение портного выкупить жилет герой заявляет: «...свою жилетку выше всяких его «Мертвых душ» ставлю» [2; VII; с. 236]. Но достоверность такой трактовки событий не может быть точно установлена, так как ее представляет сам пан Михольский. Поведение Гоголя и весь его образ тоже не способствуют разрешению этой задачи. Таким образом, в рассказе снова возникает тема обесценивания интеллектуального труда и духовного мира, которые становятся в один ряд с «вещами». Мир, где смещены правильные ориентиры, где значительное и ничтожное меняются местами, не может быть воспринят серьезно.

Интересен выбор и самого предмета гардероба, который И.А. Бунин кладет в основу сюжета рассказа. Жилет – предмет одежды, который не несет в себе особой практической цели. Надетый под костюм жилет мгновенно добавляет величия вашему облику. Внешний вид Гоголя представляет собой дисгармоничный образ. Расцветка жилета создает отталкивающий образ, так как неприятные цвета: темно-зеленый, красный, пестрая расцветка: мушки («мушка - орнаментальный мотив в виде крохотной выпуклой горошины, преимущественно вышитой, многократно повторяющейся с равным интервалом по полю тонкой прозрачной ткани» [1; с. 236]), глазки («глазок - пигментное пятно (в окраске насекомых, птиц, растений), а также кружок, пятнышко в рисунке ткани» [7; с. 236]), яркие пятна. Взгляд не может сфокусироваться на самом герое. И жилет усиливает это впечатление. Жилет пана Михольского создает такое же впечатление.

Исследователь Л.М. Ельницкая трактует образ жилета как принадлежность к демоническому миру: «В рассказе Бунина мода представлена жилетами особой расцветки: гоголевский напоминает шкурку лягушки, жилет Михольского — расцветку хамелеона. Пристрастие к модному, как выясняется, характеризует и глупость, и духовную глубину. Михольский не желает уступить свой жилет столичному гостю, полагая, что таким образом возвышается над знаменитостью. С другой стороны, Гоголь, ошеломленный видом Михольского, теряет личное достоинство, внутренние ориентиры и предстает двойником своего невольного соперника. Когда в отношении людей вмешивается мода, то глупость и духовность утрачивают различия. Мода становится полем демонического воздействия зла на человека, инструментом его опустошения, оглушения, наконец, подмены ценностей. В воздействии моды на человека скрыт для Гоголя-писателя мифологический сюжет продажи души черту, причем происходящего обмена человек, как правило, не замечает» [4; с. 170]. По мнению Л.М. Ельницкой, в этом рассказе Н.В. Гоголь «теряет личное достоинство» [4; с. 170]. Но И.А. Бунин, во-первых, намеренно не раскрывает образ Н.В. Гоголя (этот образ дан глазами героя), во-вторых, он разделяет образ писателя как таковой (то есть то, каким представляют его окружающие, опираясь на творчество автора и субъективные мнения о нем) и его человеческие качества (писателю не чужды слабости других людей, но при этом он остается творцом, и кроме вещественного мира в круг его интересов входит множество интеллектуальных вещей).

Еще одним из немногочисленных рассказов, где название произведения содержит в себе наименование костюмной детали, является рассказ «Лапти». Обращает на себя внимание тот факт, что все герои безымянны, именем наделен только один персонаж — Нефед. Имя Нефед - народная обработка греческого имени Мефодий (от греческого – «проследивать, разыскивать»). Внешний облик героя прост и ладен, он человек действия: «Мотнул шапкой. Задумался. Шапка. Борода, старый полушубок, разбитые валенки — все в снегу, все обмерзло... И вдруг твердо: «Значит, надо добывать...» [2; V; с. 162]. Барыня обращается к герою (своему слуге) уменьшительно-ласкательно: «Нефедушка».

Нефед обладает хорошей смекалкой. Он быстро придумал, как добыть лапти красного цвета. Однако герой понимает, что может не добраться до Новосёлок, так как по дороге могут встретиться волки и собаки (для защиты он берет с собой кнут). Но он человек слова и поступить иначе не может. Нефед является не столько слугой, сколько естественной частью дома и его обитателей: «Но оттого, что его все-таки не было, ночь была еще страшнее. Весь дом гудел, ужасала одна мысль, что теперь там, в поле, в бездне снежного урагана и мрака» [2; V; с. 162]. Барыня очень переживает за героя.

Стихия за окном вызывает чувство страха: «...в такую страсть», «такой ужас», «...ужасала одна мысль». Эти слова характеризуют и состояние матери, оставшейся в одиночестве с больным ребенком: «...плакала горькими слезами от страха и от своей беспомощности» [2; V; с. 163]. Мать обращается к единственной надежде — Господу: «Господи, помоги! Господи, защити!», «Бог с тобой...», «А Господь его знает!». Надежда приходит в ином образе.

И.А. Бунин повествует о поступке Нефедки бесстрастным тоном, просто передает ход событий. Это потому, что сам герой не считал свой поступок чем-то особенным. Раз душа желает, надо помочь. Ведь если выполнить заветное желание больного, он выздоровеет. Нефед пожертвовал своей жизнью ради чужого ребенка, добыл лапти и фуксин для их покраски, но дойти живым не сумел.

Ребенок, сын барыни, просит именно лапти, хотя эту обувь носят крестьяне и их дети. Однако лапти всегда хранили в себе силу человеческих рук и души. Символический цвет лаптей - красный. Этот цвет традиционно ассоциируется с пульсирующей кровью и огнем, используется для выражения волнения и взрывов эмоции, связан с ранами, смертной мукой и очищением. В символике средневекового христианства красный цвет означает любовь и милосердие - символ самопожертвования Христа. Такая сложная символика красного цвета (цвет жизни и цвет войны, опасности, смерти) и отразилась в бунинской характеристике видений бредившего ребёнка: «Стена казалась ему огненной и вся бежала причудливыми, несказанно великолепными и грозными видениями» [2; V; с. 163]. В то же время красный цвет дает надежду. Он противопоставлен бледному сумраку и мрачной ночи окружающего пространства: «...в белом от снега и холодном хуторском доме стоял бледный сумрак» [2; V; с. 162]. И лапти становятся символом надежды для заболевшего ребенка. Они олицетворяют подвиг человека, который способен сострадать и сочувствовать другому.

Таким образом, вещь позволяет идентифицировать тело, вложить во внешнее содержание внутренний смысл, выразить свое состояние. Смысловая наполненность вещи базируется, с одной стороны, на ее культурной принадлежности, с другой - на индивидуальных особенностях воспринимающего ее человека. В процессе пребывания в мире людей она приобретает разнообразные ценностные характеристики, причём ценности не существуют в вещи в качестве объективных свойств, а демонстрируют отношение к ней со стороны человека.

Библиографический список

1. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. 1434 с.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений в девяти томах. М.: Художественная литература, 1966. Том 7. С.222.
3. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23-х т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. Т. 3. С. 141-174.
4. Ельницкая Л.М. «Жилет Гоголя»: личность писателя глазами И.Бунина и Вл. Набокова // Н.В. Гоголь и русское зарубежье: Пятые гоголевские чтения. Москва: Университет, 2006. С.161 – 171.
5. Кормилов С.И. Деталь художественная // Современный словарь-справочник по литературе. М.: Олимп; ООО АСТ, 1999. С. 148-149.
6. Пospelов Г.Н. Теория литературы: учебник для филологических специальностей университетов. М.: Высш. шк., 1978. 351 с.
7. Толковый словарь русского языка / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: «АЗЪ», 1995. 908 с.
8. Топоров В.Н. Апология Плюшкина: вещь в антропоцентрической перспективе // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» - «Культура», 1995. С. 7-111.

References

1. Great Encyclopedic Dictionary. Moscow: Great Russia entsikl., 1998. 1434 p.
2. Bunin I.A. Collected works in nine volumes. Fiction, 1966. Volume 7. P.222.

3. Gogol N.V. Complete Works and Letters: In 23 Vols TZ.- Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1938. P. 141-174.
4. Yelnitskiy L.M. «Gogol's Vest»: the writer's personality through the eyes of Bunin and Vl. Nabokov // N.V. Gogol and the Russian Abroad: Fifth Gogol reading. Moscow: University Press, 2006. P.161 - 171.
5. Kormilov S.I. Detail of Art // Modern Dictionary of literature. Moscow: Olimp, LLC ACT, 1999. P. 148-149.
6. Pospelov G.N. Literary theory: a textbook for philological specialties of universities. - M.: High. wk., 1978. 351 p.
7. Dictionary of Russian / Ed. S.I. Ozhegov, NY Shvedova. M.: «Az», 1995. 908 p.
8. Toporov V.N. Apology Elijah: the thing in an anthropocentric perspective // Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in mifopoeticheskogo: Selected. M. Ed. a group of «Progress» - «Culture», 1995. P. 7-111.

УДК 81'42

*Южный федеральный университет
Аспирант кафедры русского языка
Панова А.А.
Россия, г. Ростов-на-Дону,
тел. +7(863)264-90-00;
e-mail: panyann@yandex.ru*

*Southern Federal University
The chair of The Russian language, post-graduate student
Panova A.A.
Russia, Rostov-on-Don,
tel. +7(863) 264-90-00;
e-mail: panyann@yandex.ru*

А.А. Панова

АФОРИЗМЫ О ЖАДНОСТИ И НАСЫЩЕНИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВОПРОСА О МЕРЕ В АФОРИСТИКЕ ДНЕВНИКОВ СВ. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

В статье рассматривается способность афоризмов отражать представления автора исследуемого дневника о мере, понимание которой необходимо для определения автором страстных, т.е. греховных, наклонностей человека.

Ключевые слова: афоризм, религиозный дискурс, дневник.

A.A. Panova

APHORISMS ABOUT GREED AND SATURATION IS AS A REFLECTION OF THE NORMAL HUMAN LIFE IN APHORISTICS OF THE DIARY BY ST. JOHN OF KRONSTADT

The article is devoted to the ability of aphorisms to the representation of normal human life, which is important to the defining the human tendency to the sin.

Key words: aphorism, religious discourse, diary.

Материалом для исследования послужила выборка из дневников Св. Иоанна Кронштадтского 1856-1858 гг. [1], включающая 982 афоризма. Под афоризмом в данной работе понимается «краткое (преимущественно в рамках одной синтаксически завершенной единицы) словесно-художественное произведение конкретного автора, выражающее законченную мысль, претендующую на общезначимость и оригинальность формы и содержания» [2; с.23].

© Панова А.А., 2013

По семантике афоризмы Св. Иоанна Кронштадтского можно условно поделить на две группы. В первую, самую обширную, входит 715 афоризмов, характеризующих «мирское» в авторской картине мира. Самыми значимыми в ней оказываются обобщающие изречения о проблемах, связанных с подверженностью человека страстям, например, гневу, зависти, жадности, чревоугодию и т.д. (240 единиц), добром и злом в мире (98 единиц), жизнью и смертью (76 единиц), с соотношением разума и сердца в человеке (64 единицы), с ценностью любви (41 единица); далее следуют афоризмы о правде (28 единиц), о важности языка и правильной речи (24 единицы), справедливости и человеческом счастье (по 20 единиц соответственно), о душе (19 единиц), о необходимости для человека нести ответственность за свои поступки (16 единиц), человеческой силе (10 единиц); на долю остальных тематических подгрупп приходится меньше всего афоризмов: о труде (7 единиц), о необходимости человеческой благодарности и об отношении к стабильности в жизни (по 6 единиц соответственно), о семье (4 единицы), человеческой индивидуальности и совести (по 2 единицы), законе (1 единица). Несколько обособленно выделяется здесь небольшая группа изречений (33 афоризма), которая как будто связывает мирское и религиозное, касаясь проблемы соотношения в человеке «своего» (т.е. человеческого) и «Божьего» начал. Однако по сути она характеризует именно человека, независимо от того, входит он в число светских или духовных лиц.

В афористике дневников Иоанна Кронштадтского понимание страстей фигурирует не только как абстрактное представление о зле, но и как видение конкретных отрицательных черт, состояний человека – гордости, злости, малодушия, уныния, самолюбия, жадности и т.п. В целом переживания личности, воплотившиеся в языке посредством афоризмов, нашли свое отражение в 18 разновидностях страстей, которыми может быть обуреваем человек. Все эти пороки о. Иоанн называет *страстями человеческими*, и именно эти состояния личности составляют у о. Иоанна сущностную основу *страсти*. Самую большую тематическую подгруппу (240 афоризмов, треть всего материала) составляют афоризмы о страстях человеческих, отражая центральную проблему дневников 1856-1858 гг. Тема одержимости человека той или иной страстью чаще других поднимается о. Иоанном.

В связи с объемом афористики о страстях человеческих возникает проблема разграничения нормального состояния человека и страстного, которая в дневниках о. Иоанна не получает однозначного решения. Перед исследователями встает вопрос о мере как границе, разделяющей нормальную жизнь и страстное состояние человека (подробнее о представлении о мере в русском языковом сознании см.: [3; с. 103-106]). В связи с тем, что большинство пороков, волнующих о. Иоанна, носит характер душевного заболевания людей, представляется сложным определить меру проявления того или иного чувства, за пределами которой это чувство переходит в страстную склонность. В данной работе обратимся к описанию в исследуемых текстах дневников таких чувств человека, как сытость и жадность, которые по природе своей тесно связаны с физиологией человека, поэтому выступают в афористике как отражение категории телесности. Исходя из представлений о концепте как о ментальном воплощении признаков того или

иною явления, зафиксированном в сознании народа [4], представляется возможным говорить о концепте *жадность* в концептосфере личности [5; с. 90] священнослужителя Иоанна Кронштадтского, которое вербализуется в структуре анализируемых афоризмов.

Негативное состояние человека описывается автором исследуемых дневниковых записей более тщательно, чем положительное. Вероятно, это связано с восприятием отклонения от нормы как причины внутреннего дискомфорта человека. Поэтому представляется целесообразным обращение сначала к анализу представлений о страсти человека, т.е. о жадности, а затем – к более нейтральному состоянию, каким предстает насыщение.

Афоризмов, посвященных подверженности человека жадности, достаточно много – 16 единиц. Внимание автора дневниковых записей к этой страсти, вероятно, объясняется тем, что жадность можно назвать одним из самых постоянных человеческих пороков.

Прежде всего, о. Иоанн в афористической форме дает характеристику жадности. Рассмотрим некоторые афоризмы: *Avaritia проявляется разным, часто благовидным образом: истребляй ее во всех ее видах* [1; с. 266]; *Брось скупость. Она – глупость* [1; с. 472]; *Узнай ты в себе любостязательного человека – и лечись от своей страсти* [1; с. 474]; *Жадность – вот беда наша! Скупость – вот слепота наша!* [1; с. 278]. Из приведенных примеров можно заметить, что алчность человека, жадность (лат. *avaritia* – здесь и далее перевод издателей дневника – А.П.) обладает, подобно любой страсти, обманчивым видом (*проявляется <...> благовидным образом*), что позволяет ей достаточно легко проникать в душу человека. Поэтому со своей жадностью человеку необходимо бороться, к чему и призывает Иоанн Кронштадтский в своих афоризмах (*лечись от своей страсти, истребляй ее во всех ее видах*). Настоятельность данных рекомендаций выражается в употреблении повелительного наклонения, т.е. они фактически имеют форму приказа, направленного автором дневника на самого себя. Воспринимая жадность как болезнь, о. Иоанн сохраняет надежду на возможность излечения от нее, т.е. полного искоренения этой страсти как в своем сердце, так и в сердце любого другого человека.

Причину возникновения жадности в человеке Иоанн Кронштадтский видит в одном: человек всегда хочет большего, он всегда будет недоволен тем, что имеет, мечтая о приобретении лучших благ. Обратимся к примерам: *Место, кипящее медом и молоком, дал мне Бог: et quidem incontentus* (лат. *и все же я недоволен*) [1; с. 34]; *Получивши желаемое, человек обыкновенно желает большего и большего* [1; с. 330]. Данные афоризмы подчеркивают, что недовольство является одной из естественных сторон человека, однако именно оно способствует появлению алчности у людей. Несмотря на естественность недовольства, Иоанн Кронштадтский считает, что мысль об очищении от жадности не является утопической, поскольку «*Для человека немного нужно, лишь бы он не был жаден*» [1; с. 278]. Другими словами, стремление к получению все больших благ в дневниках Иоанна Кронштадтского, с одной стороны, выступает как причина появления у человека жадности, с другой – это стремление само является следствием алчности. Образность (см. первый приведенный пример) способствует увеличению доказательной силы тезиса о недовольстве человека своей жизнью, какой бы удачной она ни была: даже *место, кипящее медом и молоком*, не удовлетворяет человека из-за его склонности к алчности.

Представляется небезынтересным отношение Иоанна Кронштадтского к деньгам, образ которых в его сознании неразрывно связан с мыслью о жадности. Стоит отдельно отметить, что истинное отношение автора дневниковых записей к деньгам сложно

определить, исходя из анализа собственно афоризмов. Необходимо обратиться к контексту, в котором данные афоризмы были обнаружены: *Non multo aestima pecuniam, non minus diligenter age numerum illius* (здесь и далее выделение полужирным шрифтом мое - А.П.) (лат. *Не много цени деньги, но не менее тщательно веди им счет*). Если будешь прилежным счетчиком, то наконец тебе жалко будет потерять всякий рубль и ты станешь сребролюбивым [1; с. 378]; *Какая глупость у большинства людей – вести счет деньгам! Как несправедлива пословица, по крайней мере для честных людей, что денежка счет любит!* [1; с. 378]. Контекст демонстрирует, что деньги в сознании о. Иоанна прочно связаны с жадностью, несмотря на то, что и афоризм, и пословица, обнаруженные в данных фрагментах, как будто содержат в себе положительную оценку бережного обращения к деньгам. Немаловажно, что афоризм в первом приведенном нами примере в тексте дневника встречается в латинском написании, то есть данное выражение не принадлежит собственно о. Иоанну, соответственно, не является выразителем его личной позиции, что доказывается контекстом, в котором Иоанн Кронштадтский опровергает основную идею данного афоризма, говоря об опасности для человека, которая кроется во внимании людей к деньгам. Сходная ситуация обнаруживается и во втором примере, куда включена пословица *денежка счет любит*. Паремия выражает мнение, принадлежащее целому народу, а не какому-то одному человеку. Однако о. Иоанн выражает свое несогласие с этим мнением, называя внимательное отношение людей к деньгам глупостью, а пословицу, подчеркивающую необходимость вести деньгам счет, – несправедливой. Таким образом, автор в данном случае использует афоризм и паремию как исходные ошибочные тезисы, которые он опровергает в ходе размышлений на страницах дневника.

Говоря о жадности, о. Иоанн нередко подчеркивает, что она сама по себе бессмысленна: неразумно желать насыщения вопреки всему, потому что оно в принципе невозможно, а если и возможно, то на краткий срок, после которого наступит расплата: *Горе вам, насыщенные ныне: яко взалчете* (Лк. 6, 25) [1; с. 198]. Приведенный о. Иоанном афоризм из Священного Писания говорит о невозможности абсолютного насыщения чем бы то ни было – пищей или деньгами.

Обратившись к вопросу о насыщении человека теми или иными благами, стоит отметить, что афоризмов, посвященных этому, заметно меньше, чем афоризмов о жадности, – всего было обнаружено 7 единиц.

Насыщение человека в афористике дневников Иоанна Кронштадтского тесно связано с рассмотренной ранее жадностью и нередко предстает как ее результат. Обратимся к примерам: *Никогда не наедаться сытно: лишний кусок – лишняя тяжесть, лишнее тление* [1; с. 343]; *Как ни вкусен обед, или вообще – блюда, никогда не увлекайся ощущением вкуса и не обременяй своего желудка, а с ним и души множеством пищи* [1; с. 478]. Возвращаясь к вопросу о жадности, вспомним, что она понималась о. Иоанном как постоянное стремление человека к неограниченному росту какого-либо блага. Таким образом, отнесение автором жадности к группе страстей не вызывает сомнений. О. Иоанн, говоря о насыщении, нередко использует приставку *пре-*, обычно обозначающую высокую степень чего-либо. Так что насыщение в афористике Иоанна Кронштадтского вряд ли мыслится как нейтральное состояние человека.

Обратимся к анализу первого афоризма *Никогда не наедаться сытно <...>*. На первый взгляд, в афоризме нет упоминания о какой-либо страсти, потому что *наедаться сытно* не относится к тому, что понимается о. Иоанном под жадностью, в этом нет чрезмерности, есть лишь констатация факта насыщения человеческого организма пищей. Однако для Иоанна Кронштадтского простое насыщение также иногда связано со страстными наклонностями человека, что подчеркивается при помощи существительных *тяжесть* и *тление*, имеющих негативную окраску и отсылающих к земному, пре-

ходящему. В таких случаях и появляется вопрос о мере, о границе между нормой и чрезмерностью, характеризующей страсти.

Рассмотрев различные страсти, о которых имеется упоминание в афористике дневников о. Иоанна, можно заметить, что священнослужитель формально не прописывает, не устанавливает границы между нормальным и чрезмерным в жизни человека. Анализируя афоризм *Как ни вкусен обед <...>*, отметим, что в нем заключено предупреждение о. Иоанна никогда *не увлекаться* ощущением вкуса. К разряду страстных автором исследуемых дневников относились такие наклонности человека, которые способны сначала увлечь его, а затем завладеть им полностью, лишив возможности контролировать течение своей жизни (например, чувство страха, способное парализовать волю человека, также рассматривается о. Иоанном как страсть). Таким образом, увлечение чем-либо (даже вкусом еды без соотнесения с ее количеством) может стать серьезной опасностью для человека, потому что является первой ступенью любой страстной привычки.

Следовательно, норма как таковая в ее количественном понимании для о. Иоанна не имеет особого значения, поскольку главный признак губительного характера чего-либо в жизни людей определяется тем, способно ли это явление увлечь человека и повести за собой, лишая его самостоятельности, диктуя в дальнейшем правила поведения, определяя поступки человека и его отношение к жизни, или нет. Кроме того, норма как количественное определение допустимого / недопустимого во многих вопросах, понимаемых Иоанном Кронштадтским на страницах его дневника, представляется чем-то труднообъяснимым в связи с абстрактным характером предмета размышлений священнослужителя (например, сложным представляется установление нормы в отношении таких состояний человека, как гнев, беспокойство, страх, гордость, которые, безусловно, являясь отрицательными чувствами, тем не менее, в иных случаях бывают справедливыми и т.д.).

Возвращаясь к проблеме пресыщенности человека чем-либо, обратим внимание на тот факт, что насыщение (тем более его крайнее проявление, обозначенное приставкой *пре-*) опасно своей способностью обесценивать в глазах человека блага и духовные, и материальные. А это приводит к невозможности оценить отношение Бога к данному человеку. Как следствие, человек перестает видеть в своей жизни промысел Божий. Таким образом, для Иоанна Кронштадтского, как служителя церкви, в насыщении человека видится возможность появления губительной страсти. В подтверждение данного тезиса обратимся к примерам: *Вот почему мы забываем Бога: мы сыты от даров Божиих и возносимся сердцами своими* [1; с. 225]; *Пресытившимся какими бы то ни было дарами Божиими, не знающим им цены и не приносящим Господу плодов добродетели – дары для того и даются от Бога – угрожает проклятие Господне и – пожжение, подобно бесплодной земле, пившей сходящий на ню множицею дождь и износящей терния и волчец (Евр. 6, 7-8)* [1; с. 46-47]; *В сытом желудке диавол удобно гнездится* [1; с. 228]. Приведенные афоризмы иллюстрируют отношение автора исследуемых дневников не только к пресыщению, но и к насыщению человека чем-либо из материальных или духовных благ. Если афоризм *Пресытившимся какими бы то ни было дарами <...>* иллюстрирует губительность пресыщения как крайнего проявления насыщения, то афоризм *В сытом желудке <...>* подчеркивает опасность чувства сытости вообще. Отметим метафору *плоды добродетели*, которая придает вещественность абстрактной сущности, развиваясь в характеристике мира как чего-то бесплодного, т.е. лишённого добра.

Заметим, что в некоторых из приведенных афоризмов имеется в виду исключительно физическое удовлетворение желаний человека, в других же подразумевается пресыщение и духовными благами. Например, сравним изречения *Никогда не наедать-*

ся сытно <...>, *Как ни вкусен обед <...>* с афоризмом *Пресытившимся какими бы то ни было дарами <...>*, в котором речь идет явно не только о материальных ценностях. Безусловно, в сравнении с другими страстными наклонностями человека пресыщенность в афористике Иоанна Кронштадтского в большей мере связана с категорией телесности (в том числе благодаря использованным метафорам). Однако многое из упомянутого выше не позволяет отнести эту страсть исключительно к разряду «телесных». Подтверждением может послужить афоризм, который в тексте дневников представляет собой отдельный абзац, не связанный ни с предыдущим фрагментом, ни с последующим: *Довольно... но если бы и нет... мир лучше довольства* [1; с. 278]. Трудно сказать, чем именно навеяна эта запись, однако отношение Иоанна Кронштадтского к довольству вообще, т.е. получению тех или иных благ, вполне отчетливо проявляется в данных словах. Тяжесть для о. Иоанна размышлений на данную тему отражается в использовании многоточия.

Таким образом, следует отметить, что в афористике дневников Иоанна Кронштадтского 1856-1858 гг., центральной темой которой является подверженность человека различного рода страстным наклонностям, отсутствует определение меры, позволяющей увидеть грань между желанием и страстью. Однако вполне отчетливо в афористике отражается мнение о. Иоанна о том, что негативным в жизни человека может стать все, что способно лишить его возможности управлять собственной жизнью, поступками. Так, налицо индивидуальность решения проблемы: у каждого человека свой пороговый уровень внимания к чему-либо, за пределами которого занятие любым делом может перерасти в увлечение, а затем и превратиться в страстную привычку.

Библиографический список

1. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Творения. Дневник. Т. I. 1856–1858. Книга вторая. М.: Отчий дом, 2002.
2. Калашникова Н.М. Афоризмы: вопросы теории и методики изучения жанра в школе. Ростов-на-Дону, 2003.
3. Федяева Н.Д. Представления о мере в русском языковом сознании // Славянские языки и культура. Т. 1. Знание. Язык. Культура. Тула, 2007. С.103–106.
4. Стернин И.А. Концепт и значение: какому виду сознания они принадлежат? // Язык и национальное сознание. Вып. 7 / [науч. / ред. И.А. Стернин]. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2005. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://sternin.adeptis.ru/articles2_rus.html#a (дата обращения: 12.02.2013).
5. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

References

1. St. John of Kronstadt. Works. Diary. V. I. 1856-1858. The second book. Moscow: Father's House, 2002.
2. Kalashnikova N.M. Aphorisms: theory and methods of study of the genre at school. Rostov-on-Don, 2003.
3. Fedyeva N.D. Representation of the measure in the Russian language consciousness // Slavic languages and culture. V. 1. Knowledge. Language. Culture. Tula, 2007. P.103-106.
4. Sternin I.A. The concept and semantics: what kind of mind they belong? [Electronic resource] // Language and national identity. No. 7 / [scientific. / Ed. I.A. Sternin]. Voronezh:

Publishing House "Origins", 2005. Access mode:
http://sternin.adeptis.ru/articles2_rus.html#a.

5. Kubryakova E.S. The short dictionary of cognitive terms. Moscow: Philological. Faculty of Moscow State University. MV University, 1996.

УДК 808.2

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет
Кандидат философских наук, ассистент
кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации Новикова Е.С.
Россия, г. Воронеж, тел. +7920 404-15-05;
e-mail: ekaterina-s-n@mail.ru*

*Voronezh state architectural and
construction university
The chair of Russian and cross-cultural
communication, PhD, assistant lecturer
Novikova E.S.
Russia, Voronezh, ph. +7920 404-15-05;
e-mail: ekaterina-s-n@mail.ru*

Е.С. Новикова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЫСОКОГО И НИЗКОГО СТИЛЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК НРАВСТВЕННО- ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье рассматривается проблема взаимодействия высокого и низкого стилей в контексте этико-онтологической значимости языка в человеческом бытии. Язык является одним из ключевых моментов диалектики Ф.М. Достоевского, благодаря которому текстово-смысловая направленность его произведений обретает метафизическую запредельность, осуществляя экзистенциальный «прорыв» в величайшую тайну – бытие личности. Кульминационной точкой произведений Ф.М. Достоевского является вовлечение «маленького» человека во вселенский диалог, возрождая абсолютную духовно-нравственную ценность всех униженных и оскорбленных, достойных в момент своей «задушевной» речи быть услышанными самим Христом.

Ключевые слова: бытие, Бог, текст, диалектика, высокий /низкий стиль, «маленький человек».

E.S. Novikova

INTERACTION OF HIGH AND LOW STYLES IN F.M. DOSTOEVSKY'S WORKS AS MORAL AND PHILOSOPHICAL PROBLEM

The article sites the problem of interaction of high and low styles in the context of ethical and ontological value of language in human existence. Language is one of the main categories of F.M. Dostoevsky's dialectic and due to it textual and notional meaning of his works gets metaphysical «limitlessness» and penetrates into the greatest mystery of human existence. The climax of Dostoevsky's works in the involvement of a «small man» in the universal dialogue that revives the absolute spiritual and moral value of «the humiliated and insulted» who deserve Christ's attention in the moment of their sincere speech.

Key words: existence, God, text, dialectic, high/low style, «small man».

*Достоевского читают глазами для острого развлечения,
а о том, что он показывает, не задумываются –
голова не подготовлена.
(А. Ремизов)*

Проблема «язык и бытие» как соотношение реальности и запредельности, мира идей и вещей, текста и смысла, автора и читателя имеет онтологический характер, напрямую обусловленный спецификой русского мировоззрения, утверждающего человека мерилom подлинности бытия.

Это заставляет обратиться к произведениям Ф.М. Достоевского с позиций глубинного (нравственно-философского) анализа в контексте «онтологической поэтики», которая в качестве научного термина начала употребляться в 90-х гг. XX в. Литературно-философское парадоксальное стремление выразить невыразимое в русской литературе, культуре и философии является своего рода нормой, где суть парадокса предстает в виде строгой диалектики, которая позволяет исследовать глубинную, двойственную основу каждого текста. Проблема существования, или «явленности» бытия человеку (Я-в-бытии) трансформируется в проблему Идея-в-тексте, позволяя исследовать феномен дьявольско-божественной идейно-смысловой противоречивости человека с точки зрения его метафизической сущности, место существования которой – текст во всех его проявлениях.

Факт понимания текста как феномена наличного бытия выводит на первый план нравственно-философскую проблему становления идеи как исходной и конечной точки человеческого существования. Идея индивидуального («маленький» человек) становится равноценной и одновременно противоположной идее всеобщего (личность Христа), иными словами, индивидуально-отчужденное тело, одержимое инстинктом обособления, противостоит могучей силе устремленности души к всечеловеческому единению в любви к ближнему во Христе.

Сама проблема в силу своей двойственности предполагает необходимое использование максимального разнообразия выразительных средств русского языка вплоть до абсурдного смешения стилей.

В русле метафизической диалектики Ф.М. Достоевского необходимым аспектом каждой идеи является символ, существующий как опознавательный знак на грани бытия и небытия, и этим символом для автора является физическое тело (покалеченное, смертельно больное, страдающее, изнасилованное, мертвое) и феномены духовной реальности (любовь, свобода, грех, искупление, совесть, раскаяние, Бог).

В отличие от традиционной поэтики литературного текста (в частности, романа), имеющего целью максимальное сближение изображаемого мира с реальным, облегчая читателю взаимопереход из одного в другой посредством переживания ранее познанных понятийно-чувственных ощущений, Ф.М. Достоевский использует литературный и низкий стили языка единственно для изображения метафизики человеческого духа. Диалектика стилей как борьба и одновременно единство противоположностей (низкий стиль является порождением литературного, изначально находится внутри него, но одновременно противостоит, местами уничтожает и в итоге превосходит по онтологической значимости) составляет основу метафизики текста.

Изменение текстового времени, границ и пространства символизирует обратный отсчет движения идеи по отношению к реальности: от разрозненной пространственно-временной объективности («разорванности» бытия на прошлое, настоящее, будущее, жизнь и смерть, секунды и века) к их вечной слиянности, сохраненности в экзистенциально-нравственной точке подлинного существования – человеческих переживаниях, преодолевающих любую форму отчуждения, смерти, небытия. Это неизменно сопровождается абсолютной открытостью как безумию, так и божественному откровению, и каждый из этих этапов отражает становление принципиально иного качества существования в виде идеи-образа, или «человека без кожи», как определил известный современный философ и литературовед В.А. Подорога [2]. Трансцендентное «тело» идеи-образа, в отличие от человеческого, не имеет защиты от внешних проникновений, потому что вселенский принцип духовного всеединства

уничтожает всякую отчужденность, обособленность Я от других (иными словами, равно лишает как внешней, так и внутренней защищенности и неприкосновенности, поскольку только такой ценой сохраняется возможность пресловутой абсолютной открытости бытию).

По замечанию Л.В. Карасева, «в сфере онтологических акцентов человек и мир временно совпадают, становятся целым, в котором внутреннее становится наружным, мыслящим себя именно в качестве сущего, в данный момент наличествующего. Это рефлексивное слияние позволяет подойти к обобщению, где сказывается единое, хотя и выглядящее всякий раз по-разному, чувство включенности в бытие, сопричастности бытию, или же, напротив, изгнанности, отторженности от него» [1; с. 3].

Попытка обрести хотя бы минимум защищенности от реальности (в камерке, подвале, чердаке, комнатухе или в гробу) дает временную иллюзию спасения, но не снижает гиперчувствительность. Более того, и это последнее убежище вскоре становится источником новых, а потому еще более жестоких страданий, как бы выталкивающих человека из его единственного хрупкого панциря.

Феномен страдающего физического тела необходим ради искупления права на существование идеи в бытии текста. Ради этого каждый персонаж проходит 3 неизбежных стадии, которые В.А. Подорога описывает как допороговую (точка ожидания, свертывающая в себе множества отдельных внутренних и внешних событий), пороговую (ближайшее пространственное окружение) и послепороговую (точка катастрофы, взрыва, припадка, «конца времени») [2; с. 222-223]. Телесность как феномен «растворяется» в метафизическом прорыве к Богу, себе, другим людям, предельно обнажая каждый нерв души человека. Глубина экзистенциального «разрыва» тела и души становится невыразима для канонов высокого стиля, о ней возможно говорить, кричать, безумствовать лишь на индивидуально-неповторимом языке человека, переживающего всю свою боль в одиночку, – для этого Ф.М. Достоевскому был необходим новый стиль, особый слог, передающий глубину страданий каждого, и аналогии которому невозможно найти во всем богатстве русского литературного языка. Проблема литературно-лингвистического взаимодействия стилей предполагает более глубокое понимание: неоспоримое право каждого человека не только быть услышанным, но и говорить на своем собственном, уникальном языке личных переживаний, который априори свободен и непредсказуем, поэтому не имеет пределов, ограничений и строгих норм.

Результатом данной метафизики становится непрерывное «взламывание» существующих границ текста изнутри и формирование новых его уровней, которые традиционный стиль описать уже не в состоянии. В контексте предельно противоречивой диалектики Ф.М. Достоевского сам язык становится «прокрустовым ложем», который в силу своей системности, строгости и избирательности не в силах вместить в себя бездну отчаяния «маленького» человека. Поэтому автор выбирает принципиально новые критерии диалога, способные выразить не черты характера, а многообразие и неповторимость индивидуально-личностных *переживаний* (курсив мой) каждого. Особенности данного диалога является отсутствие каких-либо традиционных критериев, норм и тексто-смысловой соотнесенности с тканью произведения в целом. Напротив, внешняя бессвязность, отрывистость, нелогичность речи, отдельные реплики, существующие как бы вне общего контекста, явная противоречивость мнений, полифония, переходящая в кричащую разноголосицу, – все

это создает необходимый простор для становления идеи: от немого крика до безумного вопля.

Любой персонаж – это особенная душа, новая вселенная, уникально-неповторимый язык (зачастую пресловутый низкий стиль), который силой человеческих переживаний трансформируется в личностно-значимый, а сама лексика которого становится онтологическим фактом свершившегося сверхчувственного опыта как неоспоримого доказательства существования «маленького» человека с точки зрения подлинности его бытия.

Значимость метафизики Ф.М. Достоевского обусловлена ее трансцендентальным характером. В своей устремленности в запредельность к величайшей проблеме русской мысли – личности Христа – автор не ограничивается смешением стилей: ради познания сокровенного смысла жизни идеи он расширяет границы диалектики от дьявольского, животного безумия до божественного Евангелия. Сверх- или мегатекст, вмещающий Слово Бога и дьявольские вопли, становится бытием-в-бытии, т.е. жизнью идеи о человеке в контексте вселенской идеи добра и зла, утверждая человека как исток и меру истинности вселенского существования.

Язык безумия, переплетающийся с языком Евангелия, выводит читателя как непосредственного участника за пределы лингвистической нормы как таковой, взамен этого заставляя увидеть невыразимое, познать ранее непознанное и сопережить (по определению философов-экзистенциалистов) ранее неизведанное без малейшей опоры на традиционные литературно-выразительные средства. Читатель сам превращается в «человека без кожи» ради обретения онтологического статуса идеи о самом себе, изначально потерянного в мегатексте и потому вынужденного заново познавать себя, но только через обретение нового, сверхчувственного божественного опыта, подобно персонажам теряя всякую защищенность перед Другими, отказываясь от традиционных шаблонов общения, создавая новый язык собственных переживаний и прозревая Бога в безумии.

Вместо физического существования человека как такового живым фактом бытия становятся текст и язык, смысл которого изначально шире любых существующих норм и никогда не может быть полностью словесно выражен, но всегда будет только непосредственно лично пережит и в итоге станет интуитивно-любовно прозреваем в божественном всечеловеческом диалоге.

Духовно-нравственная направленность такого диалога характеризуется одним-единственным важнейшим параметром – поиском истины, точнее, божественной Правды (или Софии – Премудрости Божией, по выражению Вл. Соловьева), которая самим фактом своего присутствия утверждает бытие, исключая малейшую возможность бытия-в-смерти. Обретение высшей правды является фундаментальным принципом метафизики Ф.М. Достоевского, непреложным доказательством существования «здесь» и «сейчас» каждого человека, народа, идеи. Используя физическое тело как средство исследования меры истинности любой идеи, автор утверждает ее единственный параметр: преодоление смерти, утверждение бытия, выход из безумия к свету, на пути к которому человек одновременно оказывается целью и параметром качественного изменения бытия, а неприятие смерти – «супракодом» его существования (согласно определению С.С. Хоружего) [4].

Противоборство жизни и смерти достигает своего апогея в тексте в плане его онтологической значимости, представленной Ф.М. Достоевским в виде особой формулы бытия, с математической точностью выверяющей схему сосуществования

идей и вещей в мире. При этом изначальной точкой отсчета существования любого текста является момент реальной жизни (идеи или человека) в глобальном, всемирном масштабе. Таким образом, данной точкой является соприкосновение мира и человека во всех его проявлениях. Поскольку только эти страдальческие, но спасительные касания посредством переживаний ужаса безумия, мучения и смерти Тела способны исцелить вечную рану страха смерти.

В качестве итогов парадоксально-закономерной диалектической метафизики Ф.М. Достоевского можно обозначить следующее:

1. Проявление божественного откровения в безусловном стремлении быть (вечно, ежесекундно, непрерывно) – и это стремление есть истинное оправдание любого существования, поскольку изначально является противостоянием небытию.

2. Абсолютная открытость миру, пусть даже сорвав с себя кожу, ради стремления ощущать как можно дольше в своей душе проникающую силу касаний бытия, ни в коей мере не являясь его пассивным отстраненным наблюдателем (или «пастухом бытия» согласно классическому определению М. Хайдеггера) [3].

3. Оправдание и утверждение «маленького» человека как высшей духовно-нравственной ценности бытия, имеющего право говорить на собственном языке, единственным критерием и абсолютной нормой которого может быть только откровенная человеческая «душевность».

Библиографический список

1. Карасев Л.В. Флейта Гамлета. Очерк онтологической поэтики. М.: Знак, 2009. 208 с.
2. Подорога В.А. Человек без кожи (материалы к исследованию Достоевского) // Социальная философия и философская антропология: Труды и исследования. М., ИФ РАН, 1995. С. 222-223.
3. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 448 с.
4. Хоружий С.С. Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении. (Написан в 1978.) М.: Центр психологии и психотерапии, 1991. 36 с.

References

1. Karasev L.V. Hamlet's flute. The sketch of ontological poetics. M., 2009. 208 p.
2. Podoroga V.A. Skinless person // Social philosophy and philosophical anthropology. Works and researches. M., 1995. P. 222-223.
3. Heidegger M. Being and time. Articles and speeches. M., 1993. 448 p.
4. Khoruzhy S.S. Diptych of silence. Ascetic doctrine of person in theological and philosophical view. M., 1991. 36 p.

УДК 808.2

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет
Кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и межкультурной
коммуникации Ревякина Т.Л.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 271-50-48;
Военный университет (Москва)
Кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры
русского языка Щур В.В.
Россия, г. Воронеж, тел. 8-910-586-27-91;
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication,
PhD, associate professor Revyakina T. L.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;
Military university (Moscow)
The chair of Russian language,
PhD, senior lecturer Shchur V. V.
Russia, Voronezh, tel. 8-910-586-27-91;
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

Т.Л. Ревякина, В.В. Щур

АЛЛЮЗИЯ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

В статье на материале газетных заголовков рассматривается аллюзия как особый прием создания экспрессивности публицистических текстов. Выделяются и классифицируются источники аллюзивных названий статей.

Ключевые слова: аллюзия, стилистический прием, актуализация, экспрессивность, тексты-источники.

T.L. Revyakina, V.V. Shchur

HINT AS A STYLISTIC METHOD OF CREATION OF EXPRESSIVENESS OF NEWSPAPER HEADLINES

On the material of newspaper headlines the article sites hint as a special method of creation of expressiveness of publicistic texts. The sources of hints in headlines are classified.

Key words: hint, stylistic method, actualization, expressiveness, original texts.

Чтобы газетный заголовок привлек внимание читателя, он должен быть ярким, выразительным, экспрессивным. С целью создания экспрессивной окраски в заголовке могут быть использованы лексико-стилистические приемы актуализации газетных заголовков.

Одним из наиболее продуктивных способов создания экспрессивности заголовка, на наш взгляд, является прием аллюзии. Под аллюзией понимается стилистический прием, основанный на употреблении в речи или в художественном произведении известного выражения как намек на определенный исторический бытовой факт. Аллюзивный заголовок – это особая синтаксическая конструкция, вступающая в диалогические отношения как с другими текстами, так и с читателем, вызывающая у него определенные ассоциации; конструкция с ярко выраженным в ней отношением автора к тексту [2; с. 52].

© Ревякина Т.Л., Щур В.В., 2013

Аллюзивный заголовок, включая ходовое, распространенное выражение, вызывает у читателя определенные ассоциации, связанные с источником этого выражения.

На основе анализа газетных статей представляется возможным выделить следующие источники аллюзивных заголовков:

1. Фольклорные (поговорки, пословицы, считалки и т.д.).
2. Литературные (поэтические строки, название художественного произведения, высказывание из художественного произведения).
3. Киноисточники (названия художественного кинофильма, мультипликационного фильма, фразы из них).
4. Профессиональное песенное творчество.
5. Работы Маркса, Ленина.
6. Мудрые изречения.
7. Библейские источники.
8. Названия критических статей.
9. Реклама.

Следует отметить, что источники в аллюзивных заголовках определенным образом трансформируются: например, когда в строке песни, поговорке, взятой для заголовка, какое-то слово изменяется и фраза приобретает иной смысл.

Такое перефразирование привлекает внимание читателя своей необычностью и новизной.

Распределим аллюзивные заголовки по группам в зависимости от источника.

1. Фольклорные.

Рассмотрим заголовки, которые отсылают читателя к пословицам:

- *Хлеба по осени считают* («Российская газета», №197, 2011); *Невест по осени считают* («Российская газета», №179, 2010). Данные заголовки отсылают нас к известной русской пословице «цыплят по осени считают», но источник трансформировался путем замены одного компонента другим: «цыплят» заменили на «хлеб» и «невест».

Приведем еще примеры.

- *Парта костей не ломит* («Моё», №33, 2011). Источником аллюзии является пословица «пар костей не ломит», где также произошла замена: «пар» заменили на «парту».

- *Старый зуб лучше новых двух* («Российская газета», №174, 2011), источником аллюзии является пословица «старый друг лучше новых двух», компонент которой был заменен: вместо слова «друг» в заголовке употребляется слово «зуб».

- *Любишь учиться – люби и денежки платить* («Моё», №16, 2012). Источником аллюзии пословица «любишь кататься – люби и саночки возить», в которой «кататься» заменили «на учиться», «саночки» - на «денежки», а «возить» – на «платить». Нетронутым остался глагол «любить», благодаря которому можно легко восстановить источник аллюзии.

- *Дурак дурака видит издали* («Моё», №40, 2012). В данном заголовке источник не трансформировался, данная пословица употребляется преимущественно в устной речи, главным образом, в сфере бытового общения.

- *Ученье может быть светом, а может быть тьмой* («Моё», №16, 2012). В первоначальном виде пословица звучит так: «ученье свет, а не ученье тьма», но в заголовке она трансформирована: добавлен компонент «может быть» и изъято слово «не ученье». В результате такого изменения в заголовке подвергается сомнению, что «ученье» – это всегда «свет», тогда как в пословице однозначно говорится, что «ученье» – это всегда «свет», а «не ученье» – всегда «тьма». Пословица в заголовке приобретает другой смысл.

- *Сытый пассажир голодного диспетчера не понимает* («Труд 7», №188, 2012). Пословица «сытый голодного не понимает» претерпела изменение: произошла вставка двух компонентов «пассажир» и «диспетчер». Таким образом, пословица, которую в заголовке изменили, приобретает другое значение, так как в источнике «сытый» – это тот, кто не испытывает голод, т.е. потребность в еде, а «голодный», наоборот, испытывает потребность в еде.

2. Литературные.

а) Поэтические:

- *Ещё в полях белеет яд...* («Российская газета», №175, 2011). Данный заголовок отсылает нас к первой строке стихотворения «Весенние воды» известного поэта Ф. Тютчева: «Ещё в полях белеет снег». Как мы видим, слово «снег» в заголовке заменено на слово «яд». Такая замена обязательно заставит читателя обратиться к статье и узнать, что за яд белеет в полях вместо снега и вспомнить, из какого стихотворения взята эта строка.

- *Выхожу один я... на свободу* («Комсомольская правда», №137, 2012). Данный заголовок отсылает нас к первой строке стихотворения М.Ю. Лермонтова: «Выхожу один я на дорогу».

б) Название художественного произведения:

- *Прыщики: кто виноват и что делать?* («Моё», №33, 2012);

- *Что делать?* («Коммуна», №58, 2010);

- *Кто виноват?* («Коммуна», №53, 2011).

Данные заголовки отсылают нас к названиям таких художественных произведений, как «Что делать?» Чернышевского и «Кто виноват?» Герцена. Как видно из примеров, эти названия могут вместе выступать в заголовке, а могут и отдельно. Именно названия этих двух произведений наиболее активно используют журналисты. На страницах газет они уже приобрели статус риторических вопросов.

- *Дом, где согреваются сердца* («Коммуна», №36, 2011). Основой для данного заголовка послужило название пьесы известного английского драматурга Б. Шоу «Дом, где разбиваются сердца». Название пьесы предстает в заголовке в трансформированном виде: компонент «разбиваются» заменен на «согреваются».

К данной группе мы отнесем и заголовки, в основу которых положено название не художественного произведения, а название русской сказки. Это такие заголовки:

- *Коза и пятеро козлят* («Коммуна», №46, 2012). Аллюзия к сказке «Серый волк и семеро козлят».

- *Огонь, вода и ржавые трубы* («Российская газета», №153, 2012). Аллюзия к сказке под названием «Огонь, вода и медные трубы».

в) высказывания из художественного произведения:

- *Не ходите, воины, в Африку гулять* («Моё», №32, 2011). Строка из произведения К.Чуковского «Бармалей»:

Маленькие дети!

Ни за что на свете

Не ходите в Африку,

В Африку гулять.

- *Там по неведомым дорожкам...* («Моё», №16, 2011). Заголовок отсылает нас к строке из поэмы А.С.Пушкина «Руслан и Людмила»: Там на неведомых дорожках...

- *К нам едет ревизор* («Моё», №16, 2011). В качестве заголовка выступает высказывание из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор».

3. Киноисточник.

а) Художественный кинофильм:

- *«Молчание ягнят» по-белорусски* («Российская газета», №199, 2012). Данный заголовок содержит намек на художественный фильм «Молчание ягнят», при этом ис-

точник приобрел в заголовке дополнительный компонент «по-белорусски», название фильма выступает как часть заголовка.

- *Генерал «земельной» карьеры* («Российская газета», №175, 2010). В данном заголовке перефразировано название кинофильма «Генералы песчаных карьеров».

- *Доживем до Воскресения* («Моё», №16, 2011).

- *Доживем до понедельника* («Коммуна», №58, 2011).

Источником аллюзии двух последних заголовков является кинофильм «Доживем до понедельника», и, как мы видим, во втором заголовке источник предстает в чистом виде. Нередко на страницах газет перефразированию подвергается фильм «Москва слезам не верит»:

- *Сбербанк слезам не верит* («Российская газета», №194, 2012).

В качестве заголовков используются названия не только старых фильмов, но и названия современных телесериалов:

- *Семейные тайны Владимира Меньшова и Веры Алентовой* («Моё», №16, 2011).

В заголовке использовано название сравнительно недавнего сериала «Семейные тайны».

б) Мультипликационный фильм:

- *Родить нельзя клонировать. Где поставить запятую?* («Аргументы и факты», №7, 2011).

- *Ученые с большой дороги* («Труд 7», №188, 2012).

4. Профессиональное песенное творчество.

В газетных заголовках часто используются строки из песни:

- *«Как бы тебе повезло, моей невесте!»: между нами ведьмами* («Аргументы и факты», №5, 2011). В заголовке употреблена строка из песни группы «Мумий Тролль» «Невеста»: «Как бы тебе повезло, моей невесте».

- *Мы разошлись, как в море корабли* («Моё», №14, 2012). Аллюзия к песне Валерии «Не обижай меня», в тексте песни встречается такая строка.

- *Я шагаю по проспекту* («Моё», №16, 2011). Такой заголовок напоминает нам песенную строку «А я иду, шагаю по Москве».

- *Ветераны бывают разные* («Коммуна», №35, 2010). Заголовок трансформирует строку из песни современной группы «Отпетые мошенники»: «Девушки бывают разные».

В основном в качестве заголовков используют строки из популярных современных песен, которые у всех на слуху.

5. Работы Маркса, Ленина:

- *Призрак коммунизма бродит в интернете* («Аргументы и факты», №27, 2011).

- *Призрак «Титаника» бродит по Воронежскому водохранилищу* («Комсомольская правда», №151, 2010).

- *Призрак бродит по Европе антиглобализма* («Моё», №32, 2011).

6. Мудрые изречения:

- *Не хочешь думать – верь* («Коммуна», №10, 2010).

- *Кто ищет, тот всегда найдет* («Коммуна», №4, 2012).

- *Пришел, увидел - победы!* («Коммуна», №52, 2011). В данном заголовке произошло изменение грамматической формы: (Пришел, увидел, победил) в источнике глагол «победить» употребляется в форме прошедшего времени изъявительного наклонения – «победил», а в заголовке этот глагол приобретает форму будущего времени повелительного наклонения – «победи».

- *Третьего не дано* («Коммуна», №52, 2011).

- *В Путины не выбирают, Путиными становятся* («Аргументы и факты», №8, 2011).

- *Тяжела ты, шапка конкурсного управляющего* («Российская газета», №164, 2012). В первоначальном виде афоризм звучит так: «Тяжела ты, шапка Мономаха».

- *Великопенная пятерка: покой легендам только снится* («Российская газета», №164, 2011).

7. Библейские источники:

- *Первая заповедь правителя* («Коммуна», №42, 2011).

- *Иже си на небеси* («Комсомольская правда», №71, 2012).

В данной группе первый заголовок отсылает нас к Библии, а второй скорее напоминает строку из молитвы.

8. Название критических статей:

- *Луч света в темном царстве тарифов* («Аргументы и факты», №27, 2010). Аллюзия к критической статье Н.А. Добролюбова «Луч света в темном царстве». К названию этой критической статьи добавлен компонент «тарифы», значит, в заголовке речь пойдет о так называемом «темном царстве тарифов».

9. Реклама:

- *Две улицы в одном флаконе* («Моё», №16, 2012).

- *Мы все родом из шоу...* («Аргументы и факты», №5, 2011).

- *Они такие разные, но все-таки они вместе* («Комсомольская правда», №90, 2012).

Таким образом, прием аллюзии придает яркость, необычность, выразительность заголовку. Как показало исследование, наиболее активно используются заголовки фольклорные, содержащие аллюзию к пословицам, таких заголовков больше всех. При этом одна и та же пословица может изменяться по несколько раз, что приводит к созданию новых и новых заголовков. Такой излюбленной пословицей на страницах газет стала пословица «Цыплят по осени считают». Также к высокочастотным заголовкам можно отнести заголовки из группы «киноисточник», а именно: заголовки, содержащие аллюзию к художественным фильмам, и заголовки из группы «профессиональное песенное творчество». Именно эти области представляют для журналистов особый интерес [1; с. 36-38].

Чуть реже на страницах газет можно встретить заголовки, в основу которых положены мудрые изречения, высказывания из художественных произведений, реклама. Меньше всего используются такие источники аллюзии, как поэзия, названия критических статей, Библия.

Аллюзия является одним из самых интересных средств создания экспрессивности газетных заголовков. Такие заголовки не только заостряют внимание читателя на статье, но и заставляют его задуматься над тем, откуда взят заголовок, что является его прецедентным текстом.

Библиографический список

1. Литвинникова О.Н. Устойчивые словесные комплексы в газетном заголовке последнего десятилетия//Вестн. междунар. славян. ун-та. Харьков, 1999. Т2. №4. с.36 – 38.

2. Подчасов А.С. Дезориентирующие заголовки в современных газетах//Русская речь. М., 2000. №3. с. 52 – 55.

References

1. Litvinnikova O.N. Constant verbal complexes in newspaper headlines of the last decade // Herald of international Slavonic university. Kharkov, 1999. Part 2, vol. 4. P. 36-38.

2. Podchasov A.S. Disorienting headlines in modern newspapers // Russian speech. M., 2000. Vol. 3. P. 52-55.

УДК 82-14

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат филологических наук
ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Сулемина О.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 248-17-33;
e-mail: may2005@yandex.ru*

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
The chair of Russian language and Intercultural Communication, PhD, assistant
Sulemina O.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 248-17-33;
e-mail: may2005@yandex.ru*

О.В. Сулемина

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПОЭТА В ЛИРИКЕ А.С. ПУШКИНА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1820-Х ГОДОВ

В статье осуществляется попытка проследить процесс создания Пушкиным индивидуального характера лирического субъекта-поэта в произведениях второй половины 1820-х годов. Выявляются наиболее значимые черты индивидуализированного характера поэта. Прослеживаются основные авторские стратегии, используемые Пушкиным при создании собственной художественной реальности. Также отмечаются некоторые характеристики пушкинского «творческого» хронотопа.

Ключевые слова: поэт, лирический субъект, свобода, воспоминание, воображение.

O.V. Sulemina

THE INDIVIDUAL CHARACTER OF A POET IN PUSHKIN'S LYRICS OF THE SECOND HALF OF THE 1820-THS

This article is an attempt to trace the process of creating by Pushkin an individual character of the lyrical subject-poet in his works of the second half of the 1820-ths. The article identifies the most significant features of the individualized character of the poet. We trace main strategies used by Pushkin in creating his own artistic reality. We also mark some characteristics of Pushkin's «creative» chronotope.

Keywords: poet, lyric subject, freedom, recollection, imagination.

Поэт в пушкинском мире – существо особого ранга. Это «выделенное» положение отсылает нас к культурной традиции XVIII – начала XIX вв., в которой поэт, как и представители духовенства, считался избранным, способным контактировать с высшими силами [6; с. 670]. Установка на «избранность» развивалась также в философии и литературе романтизма, которые были особенно значимы для Пушкина в первой половине 1820-х гг. [10; с. 55]. Пушкин, используя в качестве отправной точки предшествующие культурно-литературные традиции, всегда стремился создать нечто особенное. Не стал исключением и образ поэта, уникальность которого нам предстоит осмыслить.

С.Н. Бройтман отмечает, что с середины 20-х годов в лирике Пушкина происходит «переход от жанрового образа поэта к индивидуально неповторимому (в том числе реально биографическому) лирическому «я» [4; с. 9]. С нашей точки зрения, «михайловский» период творчества отражает не переход к индивидуальному, «конкретному» образу поэта (ср. у С. Сендеровича: «Конкретный поэт – это не результат отказа от маски, а новая маска, которая, однако, лепится не по шаблону, а по себе – согласно собственному видению себя и своей роли. Роль эта рефлексивна, но, тем не менее, это роль». [12; с. 146]), а завершение формирования этого образа на базе литературной традиции [15].

Лирическое «я» Пушкина представляет собой сложно организованное и многоуровневое единство. Мы остановимся на выделении наиболее заметных его компонентов – поэтического «я» и человеческого «я». К середине 1820-х годов поэтическая компонента лирического «я» приобретает самоидентичность, что выражается не только в появлении образа «конкретного» поэта, но и в начале постепенного движения в сторону проявления «человеческой» составляющей личностного единства.

Трактовка развития пушкинского лирического субъекта как движения от одного литературного направления к другому (напр., обозначение Б. В. Томашевским середины 1820-х годов как времени «расставания» Пушкина с романтизмом) [13] кажется нам несколько односторонней. Универсальные для лирики Пушкина структурные элементы сохранялись на протяжении всего его творчества, развиваясь и трансформируясь в созвучии с изменениями образа лирического субъекта. «Конкретный» пушкинский поэт наделен созвучными его внутреннему миру чертами всех «ролей» и литературных направлений, которых он коснулся во время игры-«самосотворения». (ср.: «В том-то, может быть, и сила пушкинских произведений, что они никогда целиком не «поглощаются» какой-то одной традицией, одной школой, философской или эстетической») [9; с. 348].

Именно «индивидуализированный» поэт вступает в разговор с книгопродавцем [1; II; с. 290-294]. Эта беседа и сделка по сути своей продолжают начавшееся в «южной» лирике отчуждение результата творчества от самого творческого процесса, предполагающее готовность поэта расстаться со своими творениями. В начале разговора поэт пребывает в пространстве воспоминания, которое относит его в «беспечн(ое)» прошлое, когда стихи создавались «из вдохновенья, не из платы». Возникает одна из пушкинских формул *блаженства* – самоисключения:

Блажен, кто про себя таил
 Души высокие созданья
 И от людей, как от могил,
 Не ждал за чувство воздаянья!
 Блажен, кто молча был поэт
 И, терном славы не увитый,
 Презренной чернию забытый,
 Без имени покинул свет!

Здесь звучит презрение поэта по отношению к толпе, которое встречалось в «южной» лирике в связи с разуверением пророка в значимости своего призвания. Но оппозиция «пророк – толпа» построена по-другому: там служитель высших сил удаляется от человеческого *стада*, отказываясь от своего призвания, и не подвергается при этом какому-либо воздействию со стороны толпы. Поэт же ждет от *черни* ответной реакции, предполагая ее негативный характер: его *венец* оказывается *терновым*, что влечет за собой соответствующие ассоциации.

Уединение как творчество *для себя*, которым был наделен поэт-философ ранней лирики, становится сейчас недостижимой мечтой. Однако, и оказавшись на территории книгопродавца, поэт отстаивает свою суверенность: отрицает славу (которой уже обладает, как мы видим из первых строк стихотворения), отвергает «шумный свет» (который эту славу обеспечивает). Он стремится к *свободе* и в итоге получает ее, *освободившись* от связи со своими творениями.

Тема свободы от давления общества и мирной жизни в *уединенном уголке* роднит пушкинскую лирику с размышлениями Державина, которые мы проиллюстрируем стихотворением «О удовольствии», 1798 [5; с. 268-270]:

Почто спокойну жизнь, свободну,
 Мне всем приятну, всем довольну,
 И сельский домик мой – желать

На светлый блеск двора менять?

Державинский поэт в этом стихотворении отказывается от активной деятельности по преобразованию мира, памятуя о его конечности, и избирает путь «довольствования» тем, что уже есть в его распоряжении. Эта самодостаточность позволяет ему быть независимым от влияний мира и, соответственно, свободным для своего высокого призвания. Как и пушкинский лирический субъект, поэт Державина противопоставляет себя толпе:

Прочь буйна чернь, непросвещенна
И презираемая мной!
Простришь вокруг тишина священна!
Пленил меня восторг святой!

Святой восторг вдохновения «поднимает» поэта над обезличенной толпой и позволяет требовать к себе соответствующего отношения: «Всяк преклони главу свою». Лирический субъект-поэт Пушкина никак не влияет на толпу; единственное, что он может сделать, – «убежать» от нее, реально или метафорически.

Свобода связана для Пушкина с возможностью *поэтического побега* [1;II; с. 295], который может трактоваться и в биографическом смысле (попытки Пушкина вырваться сначала в столицу, а потом в Европу в 1824-1826 гг.), и в художественном – как переход в мир своего творчества, означенный особым состоянием и особым творческим хронотопом. Стихотворение «К морю» [1;II; с. 295-296] отражает преимущество *творческого побега* перед реальным. Лирический субъект «окован» внешними обстоятельствами и не способен принять зов «свободн(ой) стихи(и)», но и предполагая возможность «пут(и) беспечн(ого)» по морским волнам, он понимает невозможность перемен. Физическое перемещение в пространстве не означает перемены участи:

Судьба людей повсюду та же:
Где благо, там уже на страже
Иль просвещенье, иль тиран.

Просвещение здесь приравнено к тирании, поскольку оно также представляет собой внешнюю по отношению к поэту силу, стремящуюся воздействовать на него в собственных интересах (ср. у Н.М. Карамзина: «Свирепая война опустошает Европу, столицу искусств и наук, хранилище всех драгоценностей ума человеческого, драгоценностей, собранных веками, драгоценностей, на которых основывались все планы мудрых и добрых! <...> Мизософы торжествуют. «Вот плоды вашего просвещения! – говорят они, – вот плоды ваших наук, вашей мудрости! Где воспылал огонь раздора, мятежа и злобы? Где первая кровь обогрела землю? И за что?.. И откуда взялись сии пагубные идеи?.. Да погибнет же ваша философия!» – И бедный, лишенный отечества, и бедный, лишенный крова, и бедный, лишенный отца, или сына, или друга, повторяет: «Да погибнет!» И доброе сердце, раздираемое зрелищем лютых бедствий, в горести своей повторяет: «Да погибнет!» – А сии восклицания могут составить наконец общее мнение: вообрази же следствия!») [8].

Поэт, лишаясь возможности перенестись по воле моря туда, где его ждет *благо*, проявляет собственную творческую активность и переносит морской locus в место своего пребывания (леса и пустыни, как и море, относятся к поэтическим locusам, что делает их контаминацию или взаимозаменяемость вполне возможной). Перемещение – созидание пространства происходит изнутри: море как бы изливается из *глубин* памяти и воображения поэта [9; с. 338-355] .

Воображение и воспоминание посещают поэта в стихотворении «19 октября» (1825) [1;II; с.374-377]. Заявленное в начале текста одиночество заполняется благодаря их действию образами друзей. *Наполненность* пространства воображения позволяет его объектам *излиться* вовне, подобно *морю* из упомянутого выше текста. Близость моря оказывается возможной лишь в поэтическом измерении, в то время как причаст-

ность поэта к дружескому кругу вполне реальна. Союз дружбы подключает к построению действительности *предчувствие* и *предсказанье*, которые осознаются поэтом как построение будущего. После осуществления предсказанного возвращения в письмах друзьям поэт будет именовать себя пророком [1; XIII; с. 249]. Выступая как пророк, предвидящий свое будущее, во внешнем мире, в художественной реальности поэт действительно создает его: проектирует возможные варианты развития событий и «проживая», делает их реальностью.

1826 – 1827 гг. становятся очередной ступенью в развитии лирического «я». Говоря еще в стихотворении 1825 года «мы вянем, дни бегут» [1; II; с.377], поэт делает это не в рамках элегической традиции – он констатирует факт движения времени, в которое оказался включен. Эти размышления развиваются в строках V главы «Евгения Онегина», написанной в 1826 году:

<...> Мечты, мечты! где ваша сладость?
 Где вечная к ней рифма, младость?
 Ужель и вправду наконец
 Увял, увял ее венец?
 Ужель и впрямь, и в самом деле,
 Без элегических затей,
 Весна моих промчалась дней
 (Что я шутя твердил доселе)?
 И ей ужель возврата нет?
 Ужель мне скоро тридцать лет? [1; VI; с. 136].

Формула «в самом деле» указывает на актуализацию «человеческой» составляющей лирического «я». Теперь поэту необходимо выстраивать свои отношения со временем, которое недвусмысленно заявляет о своем присутствии и превосходстве. Подобная временная обусловленность лирического субъекта неизбежно включает его в ход истории [11; с. 231], что влечет за собой множество важнейших изменений. Прежде всего, это *унижение* «до смиренной прозы» [1; VI; с. 57]. Если поэтическое измерение лирического «я» предполагало (и предполагает) его избранность, *исключительность*, то проза (человеческое измерение) подразумевала *включенность* в реальную жизнь. Знаменательно, что в стихотворениях 1826 года слово «поэт» не упоминается. Лирический субъект пытается осознать себя в новом состоянии и в связи с этим использует новые поведенческие стратегии: начиная с 1826 года в пушкинской лирике периодически озвучиваются «мотивы грустного, скучного, унылого пути» [3; с. 202] (например: «Зимняя дорога» (1826) [1; III; с.42-43], «Дорожные жалобы» (1829) [1; III; с.177-178], «Страшно и скучно...» (1829) [1; III; с.203] и другие).

«Новый путь» [1; VI; с. 136] влечет за собой необходимость решения множества жизненно важных проблем, содержание основной из которых составляло взаимное неприятие поэта и толпы [7; с. 352-375]. В стихотворении «Поэт» (1827) [1; III; с.65] отношение толпы к поэту, который исключен из общества вследствие своей инакости, описывается со стороны последнего. В состоянии вдохновения он *тоскует* «в забавах мира» и *бежит* «На берега пустынных волн / В широкошумные дубровы», то есть перемещается в *возвышенное* поэтическое пространство. В своем «человеческом» измерении он занимает уникальное по своей *ничтожности* положение:

<...> меж детей ничтожных мира,
 Быть может, всех ничтожней он.

Модулем, связывающим «положительную» и «отрицательную» позиции лирического субъекта, оказывается «квантор единственности» [14; с. 89], характеризующий его положение в мире.

Даже находясь *посреди толпы*, поэт сохраняет дистанцию между собой и окружением, не желая преодолеть возникающий вследствие этого коммуникативный диссо-

нанс. В пушкинском лирическом мире каждый субъект характеризуется традиционной, закреплённой за ним топижкой. Если кто-то занимает «не свое» место, это вызывает дисгармонию в рамках стройной художественной системы. Примером подобной дисгармоничной ситуации может служить столкновение поэта и толпы («Поэт и толпа», 1828 [1;III; с.141-142]). Поэт оказывается в типично пророческой ситуации, но продолжает действовать по своим правилам (порождать гармонию «звуков сладких и молитв», замкнутую внутри поэтико-жреческого микрокосма). Народ воспринимает «включенное» положение поэта как знак пророческого служения и ожидает от него соответствующих действий:

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
<...>Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт действительно *избранник* высших сил, но он отнюдь не считает себя *божественным посланником*. Он жрец и готов служить *вдохновенью*, разделяя радости творчества с подобными себе. Это служение не предполагает полезность, его цель – в нем самом. Толпа же ожидает служения пророческого, ставящего перед собой цель «глаголом (жечь) сердца людей», то есть предполагающего полезность, результативность, связанную с изменением внешней реальности. Для поэта народ – «червь земли, не сын небес», поэтому он не достоин внимания; для народа поэт – «своенравный чародей», непонятный и отчасти опасный своей свободой.

Установка на отчужденность поэта от толпы, под которой подразумеваются все, кто не понимает сущности творчества, но в то же время берется судить его, является для Пушкина основополагающей. Если в более ранних произведениях поэт просто стремился избежать *неверной* славы (суждений) в свете и страдал от ее воздействия, то в зрелом творчестве он возносится на высоту, недостижимую для окружающих:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный. [1;III; с.223].

Свобода для поэта – это абсолютный уход в мир творчества, это сам *миг* творчества, опыт смерти-возрождения, который проживается в одиночку. Плоды творчества доступны для *толпы*, но она далека от их истинного понимания. Поэт заключает в своем произведении *потенциал творчества*, поэтому только он сам может познать его ценность и получить награду в виде погружения в творческое состояние:

Они (награды – *О.С.*) в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить сумеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит <...> [1;III; с.223].

«Памятник нерукотворный» [1;III; с.424], позволяющий поэту претендовать на вечную жизнь, с нашей точки зрения, представляет собой творческий потенциал воссоздания, развертывания бесконечных смыслов, заключенных в каждом слове. *Творческий потенциал* составляет основу бытия для поэтического «я», которое живет и, более того, развивается и изменяется с каждым новым вдумчивым прочтением и с каждой интерпретацией.

Чтобы сохранить свою свободу и возможность творить во внешнем «ограничивающем» мире, поэт устремляется к *родному пределу* [1;XV; с.167], который для него служит сочетанием родового и творческого пространства: «<...> дом – пристанище мечты, дом – убежище мечтателя, дом позволяет нам грезить в мире и покое. <...> дом

– одна из самых мощных сил, интегрирующих человеческие мысли, воспоминания и грезы. Связующий принцип этой интеграции – воображение» [2; с. 28].

Библиографический список

1. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 19 т. М.: Воскресенье, 1994. 1997.
2. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / Пер. с франц. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 376 с.
3. Бочаров С. Г. Пушкин – Гоголь – Достоевский // Сюжеты русской литературы. Языки русской культуры, 1999. С. 17-262.
4. Бройтман С. Н. Тайная поэтика Пушкина. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. 110 с.
5. Державин Г. Р. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. 469 с.
6. Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. (Язык. Семиотика. Культура). М.: ЯСК, 2002. 755 с.
7. Иваницкий А. И. Сельский дом и жизненный путь в лирике Пушкина: эволюция взаимоотношений // Универсалии русской литературы / Отв. ред. А. А. Фаустов. Воронеж: Воронежский государственный университет; НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. С. 352-375.
8. Карамзин Н. М. Мелодор к Филалету // Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 245-254.
9. Листов В. С. Новое о Пушкине. История, литература, зодчество и другие искусства в творчестве поэта. М.: Стройиздат, 2000. 448 с.
10. Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: «Искусство СПб.», 2009. 847 с.
11. Савинков С. В., Фаустов А. А. Аспекты русской литературной характерологии. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. 332 с.
12. Сендерович С. Алетейя. Элегия Пушкина «Воспоминание» и проблемы его поэтики // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 8. Wien, 1982. 280 с.
13. Томашевский Б. В. Пушкин: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. 383 с.
14. Фаустов А. А. Авторское поведение Пушкина: Очерки. Воронеж: ВГУ, 2000. 321 с.
15. Чо Ми Кен. Тема поэта и поэзии в лирике А. С. Пушкина и поэтов его времени // Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. СПб., 2000. 26 с.

References

1. Pushkin A. S. Complete Works: in 19 v. M.: Sunday, 1994-1997.
2. Bachelard G. Collected works: The Poetics of Space / Translated from French. Moscow: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), 2004. 376 p.
3. Bocharov S. G. Pushkin – Gogol – Dostoevsky // Plots of Russian literature. Moscow: Russian Culture Languages, 1999. P. 17-262.
4. Broymtan S. N. Secret Pushkin's poetics. Tver: Tver State University Press, 2002. 110 p.
5. Derzhavin G. R. Poems / G. R. Derzhavin. – L.: Sov. writer, 1957. – 469 p.
6. Zhivov V. M. Researches on the history and prehistory of Russian culture. (Language. Semiotics. Culture.). M.: YASK, 2002. 755 p.
7. Ivanitskii A. I. The farmhouse and the way of life in Pushkin's lyrics: evolution of relationships // Universals of Russian literature. 2 / Ed. A. A. Faustov. Voronezh: Voronezh State University, SCIENCE-YUNIPRESS, 2010. P. 352-375.
8. Karamzin N. M. Melodor to Philalethes // Selected works in 2 v. Moscow; Leningrad,

1964. V. 1. P. 245-254.

9. Listov V. S. New on Pushkin. History, literature, architecture and other arts in the poet's works. M.: Stroyizdat, 2000.

10. Lotman Y.M. Pushkin. SPb., 2009. 847 p.

11. Savinkov S.V., Faustov A.A. Aspects of Russian literary characterology. M., 2010. 332 p.

12. Senderovich S. Aleteya. Pushkin's elegy "Recollection" and problems of its poetic // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 8. Wien, 1982. 280 p.

13. Tomashevsky B.V. Pushkin: in 2 vol. M., 1990. Vol.2. 383 p.

14. Faustov A.A. Pushkin's author's behaviour: Sketches. Voronezh, 2000. 321 p.

15. Cho Min Ken. The theme of poet and poetry in Pushkin's verse and contemporary poets' // Abstract of dissertation... PhD in philology. SPb., 2000. 26 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 808.2:82-3

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет
Ассистент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Перцева Е.Н.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48;
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication
Assistant lecturer Pertseva E. N.
Russia, Voronezh, tel. +7(4732) 71-50-48;
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

Е.Н. Перцева

**ЖЕНСКИЙ РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
В. М. ШУКШИНА**

В статье рассматривается характер русской женщины, в частности материнский характер. Проводится анализ образов матерей в рассказах В.М. Шукшина, выделяются их общие характерные черты.

Ключевые слова: национальный характер, образ матери, женский русский национальный характер.

E. N. Pertseva

WOMEN'S RUSSIAN NATIONAL CHARACTER IN WORKS V.M. SHUKSHIN

The article examines how the prose V.M. Shukshina shows the character of Russian women, particularly maternal character. The analysis of images of mothers in the stories of the writer, highlighted their common characteristics.

Key words: national character, image of the mother, the female Russian national character.

Русский национальный характер неоднократно подвергался исследованию. О нем написана масса книг, множество ученых в своих трудах обращались к этому феномену, однако до настоящего времени проблема характера русской нации остается дискуссионной. Важным источником, позволяющим сделать выводы об особенностях национального характера, является литература, отражающая реалии действительности. В русской литературе от золотого века до современности показана целая галерея характеров, своеобразных, отличающихся своей индивидуальностью, но в то же время схожих своей «русскостью».

© Перцева Е.Н., 2013

В творчестве В.М. Шукшина самобытно выразился национальный характер русского народа. Состояние души и судьба русского человека были главной темой его творчества.

Личность будущего писателя формировалась в суровые для нашей страны годы. Он прошел через голод и холод раскулаченной деревни, тяжелый, изнуряющий труд во время Великой Отечественной войны.

Принципы художественного творчества Шукшина – реализм и народность – стали продолжением его мироощущения. Он считал, что правда в искусстве – как бы горька она ни была – способна врачевать души людей. Поэтому герои шукшинской прозы – обычные люди, а описываемые события – реальная жизнь во всей ее простоте и сложности.

Говоря о творчестве писателя, нельзя не отметить особенностей его языка. Об этом пишет в своей работе «Проза В. Шукшина» Апухтина В.А.: «Уникальна, во-первых, личность писателя как языкового информанта, биография которого позволила ему накопить словарный фонд, универсальный в своей территориальной, профессиональной и ценностной стратификации. Во-вторых, Шукшин воспроизвёл в прозе не только специфику разговорной речи, но и некоторые общие тенденции языкового процесса, связанные с социально-территориальной миграцией населения, научно-техническим прогрессом, культурным развитием социума. В-третьих, речь Шукшина обнаруживает органичное взаимодействие знаковых систем, различных видов искусства (писатель, актёр и режиссёр) и различных научных знаний (историк, философ). Элементы «языков» различных областей культуры сосуществуют в его прозе. Так, стремление определённых слоёв населения к унифицированности, клишированности поведения, сознания, языка и элитарных – к узкой специализации выражается в прозе Шукшина в параллельности существования элементов разных лексических систем, в их свободной вычленяемости в речевом потоке. Наконец, в-четвёртых, Шукшин свободно владеет различными литературными стилями, образующими интертекст его прозы. В рассказах Шукшина отражается социальная дифференциация языка. Утверждая в правах народное слово и образы, характерные для народной речи, Шукшин иронизирует над канцелярской фразеологией, газетными штампами, над псевдонаучной речью, над иноязычными словами.

Стилистически окрашенная лексика концентрируется в прямой речи персонажей, в частности, в обращениях их к другим персонажам [1; с.29-46].

Многие рассказы В.М. Шукшина содержат образы, раскрывающие национальные черты личности. В данной статье мы рассмотрим, каким образом женский русский характер, а точнее, материнский характер, репрезентируется в произведениях писателя.

Религиозность – важная черта русского национального характера. Согласно толковому словарю русского языка под редакцией Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю., прилагательное «религиозный» от существительного «религия», то же, что «верующий».

Религия есть одна из форм общественного сознания — совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения.

В рассказе «Материнское сердце» посредством выражений матери *«батюшки – святы», «ангел ты мой господний», «ангелы вы мои, люди добрые», «Господи, помоги, батюшка», «спаси тебя Христос», «возьми, да в уме помолись», «свечечку Николе – угоднику поставлю, попрошу тоже его», «Господи, да она пешком пойдет в эти краевые организации»* репрезентируется такая черта характера, как религиозность, обращение к высшим, божественным силам в самый сложный момент жизни.

Религиозность как одна из главных черт женского русского характера также выражена посредством следующих выражений: *«Божья Мать», «образ Божьей Матери», «Господи, Господи»* (рассказ «На кладбище»).

Вера в добро как важная черта русского национального характера актуализируется лексемой «вера», а также с помощью лексических повторов: *«она вызовет сына, она верила в это, верила», «ничего, добрые люди помогут, она верила, помогут», «и та неистребимая вера, что добрые люди помогут ей, вела ее и вела».*

В толковом словаре русского языка под редакцией Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. «вера - это убежденность, глубокая уверенность в ком-нибудь, чём-нибудь, а также убежденность в существовании Бога, высших божественных сил».

Такая особенность характера как понятливость, сердечное, а не рассудочное понимание ситуации воплощается с помощью глагола «поняла»: *«поняла, что этот длинный враждебно настроен к ее сыну», «поняла, что и этот невзлюбил ее сына».*

Согласно толковому словарю русского языка под редакцией Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. «понятливый - быстро и легко понимающий, усваивающий что-нибудь».

Жалостливость матери репрезентируется лексемой «жалко», а также с помощью лексических повторов: *«жалко сына Витьку, ох жалко», «когда они хворают, дети, тоже очень их жалко, но тут какая – то особая жалость – когда вот так, тут – просишь людей, чтоб помогли, а они отворачиваются, в глаза не смотрят».*

По толковому словарю русского языка под редакцией Ожегова С.И. и Шведовой Н.Ю. «жалостливый – склонный к жалости, сострадательный».

Главное качество характера матери – сердечная мудрость, интуитивное постижение ситуации, угрожающей ее ребенку. Это качество подчеркивается с помощью прилагательного «мудрое»: *«материнское сердце – оно мудрое».*

В толковом словаре русского языка под редакцией Ожегова С.И. и Шведова Н.Ю. «мудрость - глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт».

Материнская боль за своих детей, страдание воплощается лексемами «слезы», «плакать». Мать не показывает своих страданий, это качество репрезентируется наречием «молча»: *«она молча плакала, вытирала слезы концом платка» «на ходу, скоро, вытирая слезы концом платка», «не останавливалась, чтобы наплакаться вволю».*

В рассказе «На кладбище» также видим воплощение материнского страдания указанными выше лексемами: *«она молча поплакала, молча же вытерла концом платка слезы, вздохнула», «она опять поплакала, опять вытерла слезы и вздохнула», «женщина плачет», «да так горько плачет», «плачет какая – то женщина на кладбище», «то опять примется плакать», «об вас, говорит, плачу, об молодом поколении», «плачу об вашей непутевой жизни».*

Данное произведение представляет собой рассказ в рассказе, в котором мать на кладбище у могилы сына повествует случайному прохожему о Богородице, страдающей, проливающей слезы за всех людей. Таким образом, подобная композиция позволяет актуализировать в образе матери, связанном с защитой и заступничеством, наполненном милосердием к своим детям, богородичные черты [2; с.14].

Беззащитность, уязвимость матери в рассказе «Ванька Теляшин» вербализуется лексемами и словосочетаниями: «*взмолилась*», «*жалкий голос*», «*заученно-жалкий*», «*привычно-жалкий*», «*униженно просит*». Обида за сына, сострадание к своему ребенку также выражается с помощью лексем «*плакать*», «*слезы*»: «*сидит и плачет*», «*вытирала полушалком слезы*», «*не плачь*». Мать так любит своего ребенка, что становится уязвимой, готовой пойти на любые унижения ради него.

Согласно толковому словарю русского языка под редакцией Ожегова С.И. и Шведова Н.Ю. «беззащитный - лишённый защиты, неспособный защитить себя, от сущительного беззащитность».

Ни в одном из проанализированных рассказов матери не называются по имени, потому что в произведениях Шукшина образ матери предстает в своем главном изначальном высоком предназначении, осмысливается как обобщенный.

Таким образом, материнский характер в произведениях В.М. Шукшина включает следующие черты: религиозность, вера в добро, жалостливость, мудрость, понятливость, беззащитность, молчаливое тихое страдание за своего ребенка.

Библиографический список

1. Апухтина В.А. Проза В. Шукшина. М.,1981.167с.
2. Бобровская И.В. Агиографическая традиция в творчестве В.М.Шукшина. Автореф. дис... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений // РАН. Ин-т русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2003. 939 с.
4. Перцева, Е. Н. Особенности языкового выражения черт русского национального характера в произведениях В. М. Шукшина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. №8, 2012. С. 17-20.
5. Шукшин В.М.Собрание сочинений: в 3 т. М.,1985.

References

1. Apukhtina V.A. Prose V.Shukshin. M., 1981.167 p.
2. Bobrovskaya I.V. Hagiographic tradition in creativity VMShukshin. Author. dis ... Candidate. Philology. Science. Barnaul, 2004.
3. Ozegow S.I. Explanatory Dictionary of Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions // Russian Academy of Sciences. Institute of Russian language. 4th ed., Ext. Moscow: Azbukovnik, 2003. 939 p.
4. Pertseva, E.N. Features of linguistic expression features of Russian national character in the works of M. Shukshina // Scientific Herald of the Voronezh State University of Architecture and Construction. Series: Linguistics and Intercultural Communication. MY. Number 8, 2012. P. 17-20.
5. Shukshin V.M. Sobranie works in 3 t. M, 1985.

УДК 81:39

<i>Тюменский государственный университет</i>	<i>Tyumen State University</i>
<i>Доктор филологических наук,</i>	<i>Doctor of Philology,</i>
<i>профессор кафедры общего языкознания</i>	<i>The chair of General Linguistics, professor</i>
<i>Белякова С.М.;</i>	<i>Belyakova S.M.;</i>
<i>Аспирант кафедры общего языкознания</i>	<i>The chair of General Linguistics, graduate</i>
<i>Сафьянова М.А.</i>	<i>student Safianova M.A.</i>
<i>Россия, г. Тюмень, тел. +7(3452) 26-03-70;</i>	<i>Russia, Tyumen, tel. +7(3452) 26-03-70;</i>
<i>e-mail: omniamea@freemail.ru;</i>	<i>e-mail: omniamea@freemail.ru</i>
<i>intancta@rambler.ru</i>	<i>intancta@rambler.ru</i>

С.М. Белякова, М.А. Сафьянова

САКРАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ: ВЕЩЬ И СЛОВО (СИТО / РЕШЕТО)

В статье рассматривается один из бытовых и сакральных предметов русской традиционной культуры - решето, его этнографическая специфика и языковое выражение, трансформация его языкового образа в современной лингвокультуре.

Ключевые слова: сакральный предмет, решето, русская традиционная культура, паремия, диалектная речь, функция.

S.M. Belyakova, M.A. Safianova

SACRED OBJECT IN THE FOLK CULTURE: THE THING AND THE WORD (SIEVE / RIDDLE)

The article deals with one of the domestic and sacred objects of Russian traditional culture of a sieve, its ethnographic features and linguistic expression, the transformation of the language of the image in contemporary culture.

Key words: sacred object, sieve, Russian traditional culture, reading, dialectal speech, function.

В ходе этнолингвистических исследований русской лексики рассмотрению, как правило, подвергаются наименования различных артефактов, в том числе предметов домашнего обихода, утвари. Особенность таких предметов заключается в их уникальности (устройство, функция), что не позволяет подвести их под некую более общую категорию. Остается лишь использовать понятие «утварь», обладающее чрезвычайно широким объемом. Так, в МАС дается следующее определение: «Совокупность предметов, необходимых в обиходе, в какой-либо области жизни» [4; с.530]. Дефиниция столь неопределенна, что может быть применена практически к любому артефакту. Однако к традиционной утвари относят обычно именно уникальные предметы, например, кочерга, ступа, решето. Это очень древние приспособления, связанные с приготовлением пищи, обладающие сравнительно простым и в то же время оригинальным устройством. Как нам представляется, именно эти характеристики (древность, уникальность, важная функция в традиционном крестьянском быту) позволяют объяснить

использование этих предметов в качестве сакральных объектов, что отражается не только в обрядах, ритуалах, фольклоре, но и в языковой стихии.

© Белякова С.М., Сафьянова М.А., 2013

Сакральные (ритуальные) предметы неоднократно описывались в научной литературе с точки зрения их особого употребления и семантики (см. работы А.К. Байбурина [1], Т.Б. Банковой [2], Е.Л. Березович [3], Н.И. и С.М. Толстых [4], А.Л. Топоркова [6,7], Н.Л. Чулкиной [8] и др.). Однако это, как правило, было обращением к константам традиционной культуры без анализа их современных трансформаций.

Как нам представляется, одной из магистральных тем этнолингвистики, несомненно, является вопрос существования традиционной культуры (или хотя бы ее отдельных фрагментов) в контексте современности, т.е. не только ретроспекции, но и актуальное содержание ее констант, воплощенное в языковых фактах нашей эпохи. Таким путем этнолингвистическая тематика может быть переведена в регистр лингвокультурологический (если следовать принятой в нашем языкознании традиции разграничения этих двух близких дисциплин). Отсюда неизбежное, на наш взгляд, расширение круга источников: это, безусловно, паремии, фразеологизмы, диалектные и фольклорные записи, но кроме того, художественные и публицистические тексты, отражающие современный русский дискурс. Установление соотношения различных языковых образов сакрального предмета, нахождение общерусского этнолингвистического инварианта, точки соприкосновения его с современной реальностью, далекой от традиционной сельской культуры – вот задачи, которые стоят перед лингвистом, занимающимся указанной проблематикой.

В рамках данной статьи мы рассмотрим этнолингвистический комплекс, обозначаемый лексемами *сито* / *решето*, предполагая, что соответствующий материал может в какой-то степени приблизить нас к решению этих непростых задач. Основные языковые факты извлечены нами из диалектных и этнолингвистических словарей, диалектных записей, произведенных в селах юга Тюменской области, сборников пословиц и поговорок, а также из материалов Национального корпуса русского языка (сайт www.ruscorpora.ru/).

Данные лексемы в русском языке можно считать синонимами, об этом свидетельствуют их словарные толкования, типовые контексты употребления, а также наличие в говорах синонимического биннома *сито-решето* как названия созвездия, вероятно, Плеяд. Слово *решето* как элемент паремий гораздо более частотно, что подтверждается, например, данными сборника пословиц В.И. Даля, где отмечено 39 его употреблений, в то время как у *сито* – лишь 7. Однако в материалах Национального корпуса русского языка эти две лексемы представлены примерно в одинаковом количестве, *сито* даже несколько больше: *решето* – 388 документов, 598 вхождений, *сито* – 433 документа, 686 вхождений. Однако последнее используется, главным образом, в прямом значении и свободном, фразеологически не связанном употреблении.

В энциклопедическом словаре «Славянская мифология» соответствующая словарная статья (автор А.Л. Топорков) начинается так: «СИТО, решето – предметы домашней утвари, воплощающие идею богатства, плодородия и изобилия. Используются в ритуалах как символ неба и как вместилище даров, в народной медицине играют роль оберега и роль оракула – в гаданиях» [7; с. 434]. Наши материалы позволяют развить и уточнить этот тезис, исходя из сформулированных выше задач исследования.

Прежде всего, отметим биполярность, амбивалентность этого сакрального предмета и соответственно – его языкового и речевого воплощения. Это проявляется в отчетливо выраженной соотнесенности как со сферой божественного, так и со сферой inferнального миров. Первое переключается с идеей множественности, меры, вместилища, например, пословицы, фиксируемые не только сборниками, но и исследователя-

ми современных говоров: *У Бога дней не решето (да не все наши); У Бога воды не решето* (о сильном дожде). Связь сита (решета) с небом и дождем проявляется на языковом уровне в диалектных наименованиях мелкого дождя, это слова не только с корнем *сит-* (*ситничек, ситево*), но и с корнем *бус-*. Так, в тюменских и других русских говорах частое сито называется *бусовое*, а дождь – *бус, бусенец, бусенок, бусовец, бусовик, бусенецкий* (дождь), *бусить* означает «моросить». Например, следующие контексты: *Вот дождичек бусит, он такой и будет, как чуть-чуть, как из сита сеет* (среднеобск. говоры); *Сёдни дожджышйёк матросит, как ис сита – бусенес* (среднеуральск. говоры).

Значительное число примеров (особенно это касается пословиц и фразеологизмов) актуализирует принадлежность анализируемых предметов к миру inferнального. Данный образ проявляется несколькими способами: во-первых, указанием на связь предмета с образом черта: *Собрал черт всех однодворцев в решето и понес: гром грянул, он и выворотил их над Воронежем; как чёрт в решете мечется кто-либо* «о том, кто ведет себя беспокойно, возбужденно»; во-вторых, отсылкой к загробной участи (наказанию за грехи в аду): *Будешь на том свете попа в решете возить*. Примыкает к тенденции отрицательных коннотаций данных лексем и их связь с категорией чуждости, что отражено в пословице *Родная сторона – колыбель, чужая – дырявое решето*.

Возвращаясь к понятию измерения и меры в народной культуре, отметим, что в разных диалектах русского языка отражено восприятие решета именно как меры: сыпучих тел (ленингр. говоры), рассады овощей, причем с точным указанием - 50-60 растений (тобольск. говоры). Подобное восприятие находим и в пословице *Напьется – решетом деньги меряет, проспится – не на что решета купить*, где решето, с одной стороны, предстает большимместищем, а с другой – само по себе обладает низкой стоимостью. Ср. также поговорку *Сито с обечайкой да веник с шайкой* (о небогатом приданом). Идея множественности связана с устройством решета как предмета с большим числом мелких отверстий. Например, следующий текст, записанный в Архангельской области: *Вот... слушай, вот говорили, что... Ивандень вот этот... седьмого оне, этого, июня, родятся, эти комары, ну вот, дак вот про комаров дак я слыхала, что до Иванадни как комара убьёшь, дак решето прибудет, да и оводов-то тожо, а если... вон... дак и оводов тожо: одного убьёшь, дак решето прибудет дак... одного убей, а решето прибудет да тут сколько...* Имеются также записи архангельских говоров, где говорится о том, как при помощи решета хозяйки выводят тараканов из избы. Таким образом, наличие множества насекомых соотнесено с этим предметом утвари по принципу некоторого подобия. Семантика множественности может иметь и положительные коннотации, например, следующий контекст: *Свадьба у Семушкиных была на славу: весёлое слово как из решета сыпалось* (курганские говоры).

Практически постоянный эпитет к лексеме *решето* в самом разном фольклорном и языковом материале – *дырявое*. Это своеобразная тавтология, так как «дырявость» - неперемное качество данного предмета, его онтологическая характеристика, позволяющая выполнять свои функции. Например, паремии: *Наше счастье – решето дырявое; У него совесть – дырявое решето; Не крыша, а дырявое решето; Не память, а дырявое решето* или устойчивое сравнение *Ум как решето* «о плохой памяти» (воронежск. говоры). Использование алогизма *дырявое решето* служит здесь средством экспрессии и призвано усилить негативное значение пословиц и поговорок.

Сито / решето в русской традиции ассоциируется с бедностью, в отличие от традиции южнославянской, где, по данным А.Л. Топоркова, оно связано с сытостью вследствие обыгрывания фонетического сходства слов [7; с. 434]. Сравните пословицы: *У него не карман, а решето; Одежда как решето худое*. Таким образом, у нас более важ-

ным оказывается внешний вид, устройство самого предмета, нежели его словесный знак.

В различных контекстах (как обрядовых, так и собственно языковых) широко представлена тесная связь решета с водой. Она проявляется в виде сближения с дождем, о чем уже было сказано, а также в виде различных действий или ритуалов, где участвуют эти два объекта. Ритуальными действиями с решетом и водой выступают профетические обряды, охранительная и лечебная магия. Так, например, о пророческой функции решета говорят следующие контексты: *Гадала на решете, на иглах, воске, свинце, зеркале. (...) Врало решето, врало иглы, из воска и свинца отливалось такое, что молвить неловко* (Е. Лукин); *Ну вот: «Сито, сито, решето, скажи всю правду, жив Григорий Семенович, вот, или не жив?»* (архангельск. говоры). В тех же говорах сохраняются и представления о лечебных свойствах этого предмета: *Вот она соберёт все ложки, всё, в решето положит, на подпольной двери встанет [...], через решето да обольётся, ну так легче стало*. Отметим и пример из современного текста, отражающий охранительную магию: *А детей нужно купать из решета на пороге – от порчи* (журнал «Столица», 1997).

Широкоупотребительным в русском языке является фразеологизм *носить воду в решете* со значением «заниматься чем-либо бесполезным, попусту тратить время», выступающий в различных модификациях: *Дурака учить – решетом воду носить; На людей глядя жить – решетом воду носить; Людям слушать – решетом воду носить* (пословицы); *Естественно, эта борьба напоминала вычерпывание воды решетом* (С. Кордонский). Содержащийся в данном фразеологизме явный алогизм можно трактовать как проявление народной смеховой культуры, где подобные явления широко представлены. Его акциональная составляющая, выраженная глаголом *носить*, в сочетании с дополнением в инструментальной функции (*решетом*) отмечается и в другом фразеологическом обороте: *решетом свет носить* (и его модификациях). Этот прежде всего фольклорный образ подробно описан А.Л. Топорковым [6; с. 121-123], но в отношении языкового функционирования два данных фразеологизма составляют определенную параллель и в плане формального строения, и в плане алогичного, абсурдного содержания. Решето предстает здесь как «вместилище чудес», что соотносится еще с одним известным фразеологизмом.

Таким образом, анализируемый бытовой и одновременно сакральный предмет в народной культуре обладает сложной символикой и семантикой, весьма разноплановой, связанной с другими частотными образами и мотивами (вода, свет, перемещение и др.). Он связывает два мира, божественный и inferнальный, соотносясь и с тем, и с другим. Все эти характеристики отражены в диалектной речи, паремиях, фольклорных текстах.

Что же касается современной интерпретации артефакта *сито / решето*, то анализ соответствующего материала демонстрирует определенные закономерности в его восприятии и языковом отражении. Употребительными являются фразеологические обороты *чудеса в решете* и *носить воду в решете* (или его модификации: *течь, как из худого решета; утекать, словно через решето*, также связанные с образом воды). Однако самыми частотными оказываются контексты, где с решетом сравнивается человек или предмет, израненный, пронзенный при помощи какого-либо оружия (что поддерживается наличием в русском языке глагола *изрешетить*): *одно ухо прошито дробью, как решето* (С. Бакатов); *спина убитого, словно решето, была пронизана множеством осколков* («Мозаика войны»); *вертолёт продырявили, как решето* (Г. Трошев); *после того, как тебе дали по башке, ты как решето: больше дыр, чем самого материала* (С. Осипов) и т.п. Именно строение предмета, а кроме того, неизбежные отрицательные коннотации обуславливают его современное восприятие, что позволяет дать ему адек-

ватную лингвокультурологическую интерпретацию, необходимую, в том числе, и в ситуации межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Библиографический список

1. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. М.: Наука, 1993.
2. Банкова Т.Б. Диалектное слово: материальное и духовное содержание // Вестник Томского государственного университета. № 315. Филология. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. С. 7-10.
3. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007.
4. Словарь русского языка в 4-х т. Т.4. М.: Русский язык, 1988.
5. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.
6. Топорков А.Л. Почему решето свету наношено? // Русская речь. М.: Наука, 1985. С. 121-123.
7. Топорков А.Л. Сито, решето // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2011. С. 434-435.
8. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. М.: Изд-во РУДН, 2004.

References

1. Bayburin A.K. Ritual in traditional culture. M.: Nauka, 1993.
2. Bankova T.V. Dialectal word: the material and the spiritual content of the // Herald of Tomsk state University. n 315. Philology. Tomsk: Izd-vo Tomsk state University, 2008. With. 7-10.
3. Berezovich E.L. The language and traditional culture. M.: Indrik, 2007.
4. Tolstoy N.I. Language and popular culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistic. M.: Indrik, 1995.
5. Dictionary of the Russian language in a 4-ton. Vol.4. M.: The Russian language, 1988.
6. Toporkov A.L. Why sieve light carry? // Russian speech. M.: Nauka, 1985. With. 121-123.
7. Toporkov A.L. Sieve // Slavic mythology. Encyclopedic dictionary. Ed. 2-e. M.: International relations, 2011. With. 434-435.
8. Chulкина N.L. The world of everyday life in the language consciousness of the Russians: description of linguistic and cultural . M.: Izd-vo RUDN, 2004.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.111: 81'255

*Харьковский национальный экономический университет
Кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков и перевода
Савицкая Л.В.
Украина, г. Харьков, +38(096) 494-94-30;
e-mail: larisa-savickaya@hotmail.com*

*Kharkov National University of Economics
The chair of foreign languages and translation, PhD in philology, dssociated professor
Savitskaya L.V.
Ukraine, Kharkov, +38(096)494-94-30;
e-mail: larisa-savickaya@hotmail.com*

Л.В. Савицкая

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА В СВЕТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена когнитивным особенностям перевода как основного механизма межкультурной коммуникации. Перевод рассматривается как бесконечная интерпретация знаков и как центральный момент коммуникации представителей разных культур.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, когнитивный, перевод, концепт, базовый концепт, культурный концепт.

L.V. Savitskaya

COGNITIVE ASPECT OF TRANSLATION IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

The article deals with cognitive peculiarities of translation as the main mechanism of cross-cultural communication. Translation is distinguished as endless interpretation of signs and key point of communication for different cultures representatives.

Key words: cross-cultural communication, cognitive, translation, concept, basic concept, cultural concept.

Новые условия жизни, сложившиеся за последние два десятилетия – на рубеже XX и XXI столетий, – радикально изменили взгляды как специалистов, так и широкой общественности на изучение и владение иностранными языками. Современному обществу нужны уже не просто знатоки нескольких языков и переводчики, а специалисты широкого профиля международного и межкультурного общения. Это далеко выходит за пределы знания иностранных языков. Сегодня очевидным становится тот факт, что никакая сфера деятельности человека не может обойтись без широкого использования языковых ресурсов, которые аккумулировали опыт и знания предыдущих поколений конкретного языкового сообщества.

В современной научной литературе термином межкультурная коммуникация называется адекватное взаимопонимание участников коммуникативного акта, относящихся к разным национальным культурам [2; с. 26]. Так как межкультурная коммуникация – это перекресток, на котором встречаются интересы традиционных гуманитарных наук – социологии, психологии, антропологии, педагогики и лингвистики, то исследование межкультурной коммуникации может быть проведено в рамках каждой из них. И всё-таки есть основания утверждать, что лингвистический подход является центральным, поскольку язык является основным источником взаимопонимания.

При лингвистическом подходе к межкультурной коммуникации на первый план выходят когнитивные и лингвопрагматические аспекты исследования. Язык рассматривается как символическая система, которая допускает неоднозначность и может быть определена с помощью социокультурного и ситуативного контекста. Когда человек оказывается в другой культурно-языковой среде, он ощущает так называемый «культурный шок» из-за недостаточного знания национальных ценностей и законов общения носителей других культур и языков. Во избежание всех недоразумений нужно иметь достаточные знания о той или иной культуре. Взаимодействие культур – это особый вид непосредственных отношений и связей, которые устанавливаются между двумя или несколькими культурами, и проявляются в ходе этих отношений. Решающее значение в процессах взаимодействия культур приобретает изменение состояний, качеств, сфер деятельности, ценностей той или другой культуры, порождение новых форм культурной активности, духовных ориентиров и признаков образа жизни людей под влиянием внешних импульсов. Процесс взаимодействия культур, как правило, является продолжительным явлением (не менее нескольких десятилетий).

Основным механизмом межкультурной коммуникации считается перевод как бесконечная интерпретация знаков и как центральный момент коммуникации.

А.С. Микоян считает перевод одним из наиболее распространенных способов активного взаимодействия языков и определяет термин перевод как «процесс постоянной взаимной интерпретации знаков» [4; с. 10]. С помощью перевода языки влияют друг на друга, меняются, а переводческая деятельность является мощным стимулом их развития. С помощью перевода обогащается лексика и фразеология контактирующих языков, появляются новые словообразовательные элементы и модели, расширяется ряд топонимов и антропонимов, слов, которые называют разные реалии других языковых сообществ и культур.

Перевод является первичным и центральным среди аспектов жизнедеятельности людей в процессе межкультурной коммуникации, поэтому важно понимать когнитивные способности человека как «совокупность механизмов, обеспечивающих образование интегративных структур, которые связывают когнитивные структуры языков оригинала и перевода» [3; с. 12].

Когнитивные исследования не могут оставаться в стороне от переводческой теории и практики, поскольку одной из их задач является изучение способов структурирования информационного потока при передаче содержания сообщения оригинала на язык перевода. Исследование путей обеспечения оптимального перевода, по нашему мнению, должно базироваться на детальном анализе высказывания (текста оригинала) с целью определения его когнитивных параметров концептуальной организации, которые должны быть соответственно представлены в языке перевода с учетом специфики ее лингвистических, прагматических и культурологических характеристик. Согласование когнитивных параметров оригинала и перевода обеспечивает их концептуальную и

семантическую идентичность. Очевидно, такое когнитивное соответствие будет содействовать также достижению переводом идентичного прагматического эффекта.

Когнитивная организация оригинала предусматривает передачу информации вследствие активизации ментальных структур вербального информирования существующих в мозге человека. Такой подход к вербальной информации предопределяет необходимость концептуального осмысления оригинала и предусматривает не только знание языка-источника, его грамматической и лексической системы (то есть лингвистической компетентности переводчика), но и знание когнитивных моделей организации информации, которыми оперируют представители того лингвокультурного сообщества, на языке которого существует оригинал. Иначе говоря, переводчик должен не только знать язык оригинала и язык перевода, но и «мыслить» этими языками, адекватно согласовывать их когнитивные модели.

Когнитивные проблемы перевода, прежде всего, обусловлены наличием у представителей языковых сообществ определенного социально-культурного и исторического опыта. Разнообразие и отличия такого опыта порождают формирование разных интеллектуальных, эмоциональных, социальных образов и стереотипов, социокультурных и этнокультурных норм, а также дискурсивных стратегий общения. Однако переводческие проблемы культурного характера легко решаются при условии высокого уровня фоновых знаний (*background knowledge*) переводчика и его достаточной прагматической компетентности. Более важным требованием является осознание и учет специфики языковой картины и языковой ментальности представителей разных культур, которые обусловлены своеобразным видением физической картины мира. Следствием этого является различие в выборе дифференциальных признаков объектов и понятий, которые положены в основу их наименований.

Не вызывает сомнения тот факт, что культура носителей языка, которая собственно формирует их жизненный опыт, влияет на процесс восприятия и усвоения информации об окружающей среде. С другой стороны, своеобразное восприятие мира является основой реализации внутренних репрезентаций в конкретных формах.

Когнитивная деятельность индивида – это умственные процессы, которые обеспечивают переработку информации и в результате которых образуются особые структуры сознания. В связи с этим язык как вид когнитивной и коммуникативной деятельности рассматривается когнитологами в виде системы знаков, принимающих участие в кодировании и передаче информации об окружающей среде, то есть язык является средством репрезентации структуры знания, которое формируется в сознании человека. Иначе говоря, информация о мире сначала конструируется (или концептуализируется) и лишь потом вербализируется. Такая трактовка языка предопределяет необходимость учета интеракции языковых структур с другими когнитивными компонентами информирования, в частности, с концептуальными структурами. Когнитивная деятельность индивида как составная часть его сознания происходит в определенном культурном контексте. В частности, этические нормы, политические и религиозные ориентации, разные компоненты культуры в значительной мере влияют на процесс когнитивной деятельности.

Исследования последних лет свидетельствуют о том, что концептуальная структура (система) сознания тесно взаимосвязана с языковой структурой, поскольку формируется как в процессе переработки результатов разных типов восприятия (зрительного, слухового, тактильного, двигательного), так и вследствие языкового усвоения опыта. Как ментальный уровень сознания концептуальная структура является объединением отдельных смыслов, квантов знания концептов, которые формируются в про-

цессе познания мира и отображают информацию о мире. Концепты обеспечивают обработку субъективного опыта путем наложения новой информации на определенные выработанные обществом категории и классы. Концепты кодируются в языке и непосредственно находят свое отображение в грамматиках разных языков. Таким образом, именно грамматическая категоризация любого языка образует своеобразную ментальную основу, на которой размещается лексически выраженный концептуальный материал.

Как утверждает Р. Джекендофф [7], главными конститuentами концептуальной структуры являются базовые концепты – идеи относительно объекта, его частей, движения, действия, места (пространства) времени, признаки. Базовые концепты присущи всем языкам, поскольку соотносятся с грамматическими категориями и маркируют распределение слов на части речи. Однако в процессе (и в результате) дробления, модификации и объединения концептов (что снова обусловлено своеобразным видением и восприятием окружающего мира) каждый язык приобретает свои, лишь ему присущие концептуальные характеристики, которые находят отображение в особенностях его грамматики и лексики.

Способность базовых концептов измельчаться, уточняться, взаимодействовать с другими вызывает определенные переводческие трудности когнитивного характера. Так, переводчик должен выбрать языковые эквиваленты, которые базируются именно на концептах, являющихся типичными и конвенциональными в языке перевода для структурирования ситуации, представленной оригиналом.

Отождествляя значение языковых единиц с концептами или концептуальными структурами, нужно иметь в виду, что лингвистическая уникальность любого языка порождается своеобразным видением мира ее носителями. В частности, А. Вежбицка [1] считает, что общечеловеческие концепты по-разному группируются в разных языках под влиянием лингвистических, прагматических и культурологических факторов и, соответственно, вербализируются в разных значениях.

Совокупность культурных концептов образует иерархически структурированную концептосферу, в которой представлены ценности членов данного социума осознаваемые ими в широком контексте социо- и этнокультурных традиций. Поскольку ценность – элемент концепта, а ценностная картина мира (ЦКМ) лингвистически может быть описанная через концепты, то концептосферу можно рассматривать как ЦКМ, которая является частью языковой картины мира. Если языковая картина мира – это воспроизведение картины мира на основе анализа исключительно языковых данных, то анализ ЦКМ требует еще и интерпретацию данных с учётом социально-исторических и культурных факторов.

В условиях перенесения текста из одной культуры в другую на первый план выступает воспроизведение в тексте перевода ценностной картины мира оригинала, которая предусматривает воспроизведение каждого оригинального концепта с сохранением его понятийного, образного и ценностного компонентов, а также места, которое занимает данный концепт в концептуальной системе оригинала.

Поскольку переводу подлежит не только понятийный компонент концепта, но и совокупность образных и ценностных элементов, то переводчику отводится роль не «вербального перекодировщика», а интерпретатора смыслового кода, заложенного в исходном тексте. При этом значение концепта сохраняется при переводе содержания концепта, то есть при сохранении соотношения глубины и объема информации, которая содержится в нем.

Поскольку каждый концепт является национально и культурно маркированным, наличие в двух разных языках общего вербального значения понятийного компонента концепта не служит гарантией понимания носителями этих языков информации на уровне концептов и концептуальных систем.

В тех случаях, когда происходит заимствование той или иной языковой единицы с частью соответствующего концепта и данная языковая единица «приживается» в культуре-получателе, последняя усваивает только верхний, актуальный пласт соответствующего концепта. Концепты, которые входят в концептосферу представителей двух разных лингвокультурных сообществ, значительно будут отличаться своей глубиной даже в том случае, если понятийная сторона полностью совпадает, что не может не повлиять на процесс перевода.

При восприятии текста перевода в сознании реципиента как представителя культуры-получателя активизируется, прежде всего, верхний пласт концепта – понятийный, поскольку заимствование концепта, как правило, происходит в результате перенесения его функциональных признаков, без актуализации дополнительных факторов, образующих уникальную для конкретной культуры денотативно-образно-ценностное единство.

В работах некоторых исследователей утверждается, что культурные концепты контактирующих культур могут эквивалентными, частично эквивалентными и сугубо специфическими для конкретной культуры [2; с. 80].

Национально-культурная маркированность предопределяет тот факт, что идеально симметричных культурных концептов быть не может. Структура концепта, и в частности культурного, состоит из ядра (наиболее актуальные для носителей языка денотаты и коннотации) и периферии (менее значимые коннотации и индивидуальные ассоциации) между которыми нет четких границ. И даже тогда, когда внешняя оболочка концепта (его понятийная сторона) и ядро концепта в культуре-источнике и культуре-получателе совпадают, менее стойкие и значимые коннотации, которые вызывают концепт у читателя оригинала, никогда не будут полностью совпадать с «периферией» соответствующего концепта у читателя перевода. Культурные концепты могут быть или частично эквивалентными в разных культурах или же сугубо специфическими для конкретной культуры, то есть безэквивалентными. В связи с этим, некоторые исследователи предлагают относительно новое понятие – концептуальный перевод. Перевод рассматривается как непрерывный процесс интерпретации концептов одной культуры через концепты другой, обеспечивающий образование эквивалентных отношений между объектами (культурами), при этом эквивалентность может быть лишь относительной, интерпретационной, а задача переводчика заключается в том, чтобы содействовать более полному раскрытию оригинального культурного объекта [5; с.142].

В процессе перевода реальный мир возникает перед переводчиком как мир концептов, которые требуют объективной интерпретации, то есть их выражения другими знаками. Задача переводчика состоит в воспроизведении глубины и объема информации, содержащейся в концепте. Переводчик должен активизировать творческие способности и выбрать из всех вербальных вариантов именно тот, который позволяет ему выполнить эту задачу.

Процесс воспроизведения информации, содержащейся в концептах, предполагает осмысление всесторонней информации, заложенной в исходном тексте. На этом этапе переводчик ощущает и осознает картину мира, которая репрезентирована исходным текстом. Но субъективная картина мира, которую видит переводчик, может не быть тождественной картине мира автора подлинника. В таком случае возникают «зоны непонимания». Когда какой-либо один из компонентов концепта или несколько компо-

ментов не находят воспроизведения в переводе, и за вербальным знаком, репрезентирующим концепт, стоит другой фрагмент мира, не соотносящийся с фрагментом мира исходной культуры, перед читателями перевода неизбежно возникает в какой-то степени искривленная картина мира.

Процесс понимания исходного текста в значительной мере обусловлен соотношением личного опыта переводчика с социокультурным контекстом исходного произведения и той картиной мира, которую создал автор на страницах своего художественного произведения. В контексте концептуального перевода понимание происходит таким образом: каждая вербальная единица исходного текста вызывает соответствующий образ (концепт), который, в свою очередь, репрезентируется вербальной единицей языка перевода. И хотя образы, которые возникают в сознании переводчика, обуславливаются основательными фоновыми знаниями, эти знания никогда не бывают предельно полными, и потому возможны отклонения в образной системе перевода по сравнению с оригиналом.

Языковой компетентности и общих фоновых знаний может быть недостаточно для понимания произведения на уровне концептов. Причиной этого, по мнению Е. Тарасова [6], являются расхождения в национальном сознании коммуникантов.

Заполнение «зон непонимания» осуществляется переводчиком благодаря его профессиональной компетентности и глубокому анализу текста на уровне концептосфер.

Если данный концепт вызывает у переводчика другой образ или другие коннотации/ассоциации, чем те, что заложены автором в тексте, важным становится детальный переводческий анализ концепта, чтобы не допустить искажения оригинала или чтобы какой-либо фрагмент авторской картины мира не остался незамеченным переводчиком. Руководствуясь собственным опытом, переводчик должен проверить, оптимально ли отображают в переводе образный и ценностный компоненты оригинального концепта выбранные им языковые формы.

Таким образом, процесс перевода требует от переводчика особого вида художественного мышления, которое позволит ему сориентироваться в ментальном культурном пространстве оригинала. Эта задача может оказаться трудной для переводчика. В ценностной картине мира каждого народа можно также выделить ядро, заполненное культурными феноменами, общими для всех членов данного лингвокультурного сообщества, и периферию. Каждый носитель языка свободно ориентируется в центральной части национального культурного пространства. Переводчик как представитель другого культурного сообщества «блуждает» в центре, стараясь ощутить данную культуру.

Особая сложность связана с тем, что ядерные концепты национальной картины мира чрезвычайно редко подвергаются осмыслению, рефлексии со стороны тех, для кого это культурное пространство является родным [3; с. 30]. Анализировать такие концепты непросто для не носителя языка. Реальной задачей переводчика является установление эквивалентности на уровне концептов, что предусматривает актуализацию именно тех значений, которые вкладывались автором оригинала, то есть донесение до воспринимающего перевод того образа, который существовал в концептуальной системе автора исходного текста во время создания им данного оригинала. При этом переводчику необходимо сохранить национально-культурную специфику концептов исходной культуры, обращая особое внимание на те концепты, которые реципиент может ощутить как характерные для инокультурной среды, то есть те, которые могут быть восприняты как носители национально-культурной специфики.

В заключение, заметим, что каждая культура имеет в своей основе собственную систему социальных стереотипов, образов и когнитивных схем, и за каждым культурным концептом стоит фрагмент образа мира конкретной культуры. Поэтому текст, ко-

торый воспринимает переводчик, никогда не будет для него наполненным стопроцентно тем смыслом, который вложил в него автор. Переводчик, хотя и не способен постичь глубинные структуры текста созданного автором, он должен, в силу своего профессионального уровня, воссоздать концептуальный каркас текста, максимально приближенный к авторскому замыслу. Для этого необходимо детально исследовать художественный текст, исторический контекст, в котором он создавался, картину мира, которая репрезентирует ценности конкретного народа, и лишь потом браться за непосредственное воспроизведение концептов в переводе.

Библиографический список

1. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культурораспецифичных контекстах // Thesis: Теория и история экономических и социальных систем. Альманах. М.: Осень, 1993. Т. I. Вып. 3 (Мир человека). С. 185-206.
2. Колбіна Т.В. Формування міжкультурної комунікації у майбутніх економістів: теоретико-методологічний аспект: Монографія. Х.: ВД «ІНЖЕК», 2008. 392 с.
3. Лузина Л. Г. Язык и национальная идентичность. Языкознание. М.: ИНИОН РАН, 2005. 80 с.
4. Микоян А. С. Взаимодействие языков и культур в переводе. Научный журнал «Культура народов Причерноморья». Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 2006. С. 16.
5. Тарасов Е. Ф. Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Знание, 1999. С. 34 –37.
6. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. ред. Н. В.Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 7 –22.
7. Jackendoff R. Sense and reference in a psychologically based semantics // Talking minds. Cambridge: Cambridge University, 1984. P. 49-72.

References

1. Wierzbicka A. Semantics, culture and cognition: universal human concepts in culture specific contexts // Thesis: Theory and history of economic and social systems. Almanac. M.: Fall, 1993. T. I. Issue. 3 (World of Man). P. 185-206.
2. Kolbina T.V. How to build future economists cross-cultural communication skills: theoretical and methodological aspect: Monograph. Kharkiv: Publishing House “INJEK”, 2008. 392 p.
3. Lazutina L.G. Language and national identity. Linguistics. M: INION RAN, 2005. 80 p.
4. Mikoyan A.S. Language and cultural interaction in translation. Scientific journal “Culture of Black Sea” Simferopol: Inter-University center “Crimea”, 2006. P. 16.
5. Tarasov E.F. language as mean of culture translation // Phraseology in cultural context. M: Znanie, 1999. P. 34 –37.
6. Tarasov E.F. Cross-cultural communication – new ontology for language awareness analysis // Ethnocultural specificity of language consciousness. M.: IYA RAN, 1996. P. 7 – 22.
7. Jackendoff R. Sense and reference in a psychologically based semantics // Talking minds. Cambridge: Cambridge University, 1984. P. 49-72.

УДК 808.2

Российский университет дружбы народов
Кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры
русского языка №1
Исмаилова Х.Э.
Россия, г.Москва; тел. - (8495) 322 17 53;
e-mail: holisa1967@mail.ru

Russian University of friendship of peoples
Senior lecturer of the Department of Russian
language №1, PhD in philology
Ismailova .H.E.
Russia. Moscow tel –(8495) 322 17 53
e-mail: holisa1967@mail.ru

Х.Э. Исмаилова

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ В ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ)

Данная статья посвящена категории оценки в языке. Более подробно рассматриваются элементы оценки: субъект оценки, объект оценки и сама оценка на примере русского и таджикского языков.

Ключевые слова: оценка, субъект оценки, предмет оценки, лингвистика, эмоциональность, высказывание, общеоценочные, качественные прилагательные.

H.E. Ismailova

CATEGORY OF AN ASSESSMENT IN LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES)

This article is devoted to category of an assessment in language. It is in more detail considered assessment elements: the subject of an assessment, object of an assessment and assessment on the example of the Russian and Tajik languages.

Key words: estimation, subject of an assessment, assessment subject, linguistics, emotionality, statement, all-estimated, qualitative adjectives.

Оценка как нравственно-философское понятие, ее природа, взаимосвязи привлекают к себе внимание исследователей различных областей науки. Рассматривая любое исследование, посвященное природе оценки, будь оно философское, логическое или лингвистическое, мы убеждаемся в том, что составляющие ее структуру элементы везде одни и те же: это субъект оценки, предмет (объект) оценки и сама оценка.

Под оценкой понимают интеллектуально-психический акт, выявляющий положительную или отрицательную характеристику предмета, обусловленную признанием или непризнанием ценности. Проблема соотношения ценности и оценки решается в работах А.А. Ивина, М.С. Кагана, Л.Н. Столовича, З.К. Темиргазиной, Н.Д. Арутюновой и т.д. О неразрывной связи оценки и ценностей пишет В.Н. Телия: «Когнитивное содержание рациональной оценки – это мнение субъекта оценки о положительной или отрицательной (негативной) ценности обозначаемого в целом или какого-либо его свойства, основанное на неписаных, но узуальных нормах ценностной картины мира, сложившейся в данном языковом коллективе и на его жизненной философии» [3; с. 167].

Система ценностей каждого народа имеет определенную структуру: «Ценностную картину мира составляет система различных ценностей, культивируемых в конкретном обществе, упорядоченных им в определенной иерархии. В ней различается инвариантная часть, содержащая общечеловеческие ценности, которые свойственны всем народам, и вариативная часть, содержащая ценности, которые обусловлены спецификой национальной культуры, особенностями социально-исторического развития народа» [4; с. 11].

Оценки изменяются не только от человека к человеку, но и у одного и того же человека с течением времени. Вещь, оцениваемая некоторым субъектом положительно, может стать через некоторое время безразличной для него или даже оцениваемой отрицательно; порицаемое может со временем представиться достойным похвалы.

Оценка, как и многие другие понятия, находит свое выражение в высказывании, которое, как известно, будучи грамматической единицей, является предметом изучения лингвистики.

Оценочность в лингвистике определяют как заложенную в слове положительную или отрицательную характеристику человека, предмета, явления. Эмоциональная оценка - это отраженное и закрепленное в семантике слова отношение, чувство говорящего к объекту речи.

Эмоциональные оценки преобладают в сфере межличностных отношений. Более рациональное отношение человека к предметной сфере обусловлено его знаниями об окружающем мире и жизненным опытом. Эмоционально-оценочное отношение человека к человеку очень часто опосредовано общим приятием или неприятием объекта оценки.

Оценочные значения присутствуют в самых разных языковых выражениях. Оно может быть присуще отдельному слову, группе слов либо всему высказыванию. В языке имеются целые пласты лексики, содержащие значение оценки. Прежде всего это прилагательные и наречия, обладающие богатой палитрой оценочных значений.

Прилагательные по своей семантике составляют непрерывный ряд от собственно оценочных до прилагательных, лишенных оценочных значений.

Внутри класса прилагательных можно выделить частнооценочные и общеоценочные слова. Первые обозначают признаки, которые являются непосредственными атрибутами (свойствами) объекта (например, *желтый, круглый, деревянный, высокий* и т.д.). Как полагает Е.М. Вольф, частнооценочные прилагательные, помимо дескриптивного, могут содержать и оценочный компонент (ср. *отзывчивый, добрый, злой, жестокий* и т.д.) [2; с. 28].

Второй класс слов предполагает только оценку объекта, включая его дескриптивные характеристики. К этому классу можно отнести такие прилагательные, как *хороший, плохой, отличный* и т.д. При этом Е.М. Вольф отмечает, что оценочный характер высказываний в языке прежде всего связан именно с признаками *хороший, плохой*, т.е. с классом общеоценочных прилагательных. Общеоценочные значения *хорошо* и *плохо* недескриптивны по своей природе. Они не существуют в пространстве и времени сами по себе, а проистекают от человека.

Качественные прилагательные вводят в высказывание прагматический аспект, включающий оценки, исходящие от говорящего. Один и тот же предмет разными людьми может оцениваться по-разному. Более того, один и тот же человек может по-разному оценивать один и тот же предмет. Качественные прилагательные позволяют дать объекту оценки сенсорные, абсолютные или рационалистические.

Оценочные прилагательные имеют два основных значения «хорошо» и «плохо». Часть прилагательных содержит эти значения непосредственно в своей семантике: умный, добрый, благородный (хорошо) и злой, мерзкий, пошлый (плохо). В то же время у

многих прилагательных «хорошо» или «плохо» определяется высказыванием в целом. Например: «Он был в душе добрый человек, хорош с товарищами, услужлив»; «Ты – то хорош, – нахмурился Васька, – сам убежал, а меня оставил».

Оценочные значения предполагает возможность появления в контексте мотивировок, оправдывающих ту или иную оценку, эти мотивировки объединены с оценочным прилагательным.

Так, например, прилагательные *благородный, достопочтенный*, обозначая свойства лица, проявляющиеся стороны, в высказывании приобретают отрицательное значение, например: «Ишь ты, благородный, какой. Сгинь, сукин сын!»; «Достопочтенные двуногие! Когда вы говорите, что зло следует оплачивать добром, вы ошибаетесь».

В самой структуре высказывания перед нами предстают субъект оценки, ее объект, сама оценка и ее основания. Будучи взаимосвязанными компонентами, они либо конкретизируют оценочное значение, заключенное в семантике прилагательного, либо трансформируют его в противоположное в зависимости от ситуации высказывания.

Встречаются случаи передачи значения ласкательности с суффиксами –оньк, –еньк, в русском языке с суффиксами –ак (-як), –акак, (-якак) в таджикском языке. Например: назарногирак – скромненький.

«Ду сол пештар аз ин Махсумчон дар мадрасаи Хочи дар як хучраи назарногирак истикомат карда дарс мехонд» [9; с.12]. «Два года назад Махсум-джон жил в скромненькой келье в медресе Хаджи, где он тогда учился» [10; с.307].

Суффикс –акак придает словам оттенку уменьшительности и ласкательности в более сильной степени, чем суффикс –ак. Например: пастакак – низенький.

«Аз дарвозаи пастакакон хавли касе баромада рафт» [5; с. 160] – «Кто-то вышел из низеньких ворот соседнего двора».

Иногда возможна отрицательная экспрессивная окраска: мугамбирак – хитренький.

«Дониста мон, ки Асади мугамбиракфиребгар ва бо хун ташна аст» [7; с.328] – «Знай, что хитренький Асад обманщик и кровожадный».

В ряде случаев прилагательные обозначают качество без каких-либо семантических изменений, но передают при этом эмоции ласки, доброжелательности: мешчашмакак – большеглазенький, мурчамиенакак – стройненький.

«...дар ру ба руям як келинчаи мохпайкар, мурчамиенак намоен гашт» [5; с..380] – «Передо мной лицом к лицу оказалась луноликая, стройненькая женщина» [6; с. 300].

Оттенок субъективной оценки качества переходит в самостоятельное значение эмоционального и экспрессивного характера, если прилагательное с суффиксом –еньк в русском языке и –акак в таджикском языке характеризует лицо, живое существо, одушевленный предмет.

Усилительно-ласкательный экспрессивный суффикс –юсеньк / -усеньк в русском языке по значению соответствует таджикскому суффиксу-акак: майдакак – малюсенький.

Изложенный материал показывает, что массив прилагательных с оценочным значением – это система внутри системы.

Таким образом, определяя категорию оценки, ученые вкладывают в это понятие ценностное отношение человека к предметам и явлениям окружающей действительности. Оценка признается основным фактором, определяющим мировосприятие человека. Нравственно-ценностные компоненты национального языкового сознания в наибольшей степени влияют на формирование неповторимой языковой картины мира национального языка [3; с. 39].

Итак, оценка — это языковая категория, выражающая отношение говорящего к объекту действительности в зависимости от того, насколько удовлетворены его по-

требности, желания, интересы или цели. То есть, познавая мир и взаимосвязь реального мира в практической деятельности, человек не просто отражает явления действительности и их признаки и качества, но одновременно отражает свое отношение к реальной действительности, причем отношение человека к предметам, явлениям обусловлено конкретным историческим состоянием практики.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 336 с.
2. Вольф Е.М. Функциональные семантики оценки. М.: Наука, 1985. 227 с.
3. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа. «Языки русской культуры», 1992. 284 с.
4. Темиргазина З.К. Оценочные высказывания в современном русском языке: автореф. дис. док. Павлозар, 1999. 51 с.
5. Ч. Икромии. Духтари оташ. Душанбе, 1983. 528 с.
6. Дж. Икрами. Дочь огня. М., 1987. 414 с.
7. Ч. Икромии. Тахти вожгун. Душанбе, 1974. 340 с.
8. Дж. Икрами. Поверженный (Трилогия). М., 1987, 763 с.
9. Ч. Икромии. Дувоздах дарвозаи Бухоро. Душанбе, 1984. 430 с.
10. Дж. Икрами. Двенадцать ворот Бухары (Трилогия). М., 1987. 763 с.

Referens

1. Arutyunova N.D. Tipy linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact. Nauka, 1988. 336p.
2. Volf EM functional semantics evaluation. Nauka, 1985. 227s.
3. Teliya VN Russian phraseology: semantic, pragmatic and lingvokulturologicheskij aspects. Moscow School. "Languages of Russian culture" 1992. 284s
4. Temirgazina Z.K Evaluation statements in the modern Russian language: Author. dis. Doc. Pavlozhar, 1999. 51s.
5. Ikromi Ch. Duhtari Otash. Dushanbe, 1983. 528p.
6. Dzh. Ikrami. Daughter of fire. Moscow, 1987. 414p.
7. Ch. Ikromi. Takht vozhgung. Dushanbe, 1974. 340p.
8. Dzh. Ikrami. Prostrate (Trilogy). M., 1987. 763 p.
9. Ch. Ikromi. Duvozdah darvozai Bukhara. Dushanbe, 1984. 430p
10. J. Ikrami. Twelve gates of Bukhara (Trilogy). Moscow, 1987. 763 p. Prostrate (Trilogy). M., 1987. 763 p.
9. Ch. Ikromi. Duvozdah darvozai Bukhara. Dushanbe, 1984. 430p.
10. J. Ikrami. Twelve gates of Bukhara (Trilogy). Moscow, 1987. 763 p.

УДК 316.3

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Доктор социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Коростылева Н.Н.
Россия, г. Москва, тел. +7(910)469-76-61;
e-mail: beek@rambler.ru*

*The Russian Academy of National Economy and Public Administration
The chair of Public Administration and Personnel Policy, professor
Korostyleva N.N.
Russia, , Moscow , tel. +7(910)469-76-61;
e-mail: beek@rambler.ru*

Н.Н. Коростылева

УЧЕТ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В КОММУНИКАТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы гендерной коммуникации с точки зрения гендерного подхода. Показывается роль гендерных стереотипов в ретрансляции патриархатной картины мира. Обосновывается необходимость формирования субъектных отношений в гендерной коммуникации.

Ключевые слова: гендерный подход, гендерное коммуникативное взаимодействие, гендерные стереотипы.

N.N. Korostyleva

GENDER APPROACH IN COMMUNICATION

The article is devoted to important aspects of gender communication. It describes the role of gender stereotypes into patriarchal view of the world. The author considers the necessary of intersubjective communication between women and men.

Key words: gender approach , gender communication, gender stereotypes.

Все чаще в научной жизни мы сталкиваемся с понятиями «гендер», «гендерный», «гендерное равенство», «гендерная идентичность» и т.д. Данные определения уже прочно заняли нишу научных исследований, которую активно разрабатывает и внедряет такая наука как «гендерология». Она основана на теоретико-методологическом подходе, который носит название «гендерный подход», который означает оценку любых действий в отношении мужчин и женщин с точки зрения их пользы для них. По сути, он предполагает стратегию учета интересов, потребностей, особенностей мужчин и женщин для справедливой политики достижения их прав и свобод.

Применяя данный подход к теории коммуникаций, следует отметить, что он направлен на учет интересов, мнений, позиций полов в социальном диалоге. Выход на согласительный путь общения является одной из насущных задач гендерного подхода в коммуникативном взаимодействии, без которого невозможно представить себе современный мир.

Что такое «гендерное коммуникативное взаимодействие»? Попробуем ответить на этот вопрос.

В социальной жизни все мы вступаем в процессы коммуникативного взаимодействия и выступаем друг для друга причиной и следствием этого взаимодействия. Если агентами коммуникации выступают мужчины и женщины как представители двух больших социально-демографических групп, то такое коммуникативное взаимодействие следует именовать гендерным или социально-половым.

Гендерное коммуникативное взаимодействие как любое другое опосредованно знаковыми структурами и проявляется как в субъектно-субъектной, субъектно-групповой и межгрупповой интеракции [1].

Ученые-гендерологи утверждают, что общественный порядок, общественные установки проявляются в коммуникации и представления о женственности и мужественности включаются в общение автоматически, диктуя определенные практики поведения. Общество предписывает полоролевое поведение акторам общения путем социализации, то есть вхождении личности в общество и адаптации в нем посредством социальных институтов: семьи, школы, религии, политики, средств массовой информации, рынка труда. На гендерное коммуникативное взаимодействие влияет также такое понятие как «ритуализация пола» [2].

Общение осуществляется всегда при помощи соблюдения определенных ритуалов. Гендер является одним из таких ритуалов. У мужчин и женщин все социальные действия ритуализированы. Так, одежда мужчин предполагает строгость, простоту, комфорт, тогда как женская одежда – более фривольна, пестра, менее функциональна. Мужская одежда играет роль «эстетического авторитета», женская оценивается по критерию привлекательности. То же самое можно сказать и о речи мужчин и женщин. Выбор лексики, интонация, положение говорящего, право говорить, жесты и мимика – все подлечит ритуализации. Сами же ритуальные действия регламентируются обществом. Всецело гендерное общение пронизано действиями ритуалов, нормами и ожиданиями. Главным его признаком выступает дихотомия «мужское» - «женское», где «мужское» является господствующим элементом данной системы отношений, а «женское» - подчиненным.

Андроцентристская (патриархатная) система общественного устройства продуцирует «мужское» и «женское» через такое явление как гендерное неравенство, суть которого состоит в том, что мужчина и женщина занимают в обществе не только различные, но и неравные положения. Возможности самореализации женщин ущемлены и существует множество препятствий в реализации своей деятельности. Женский и мужской языки тоже «пропитаны» этим неравенством.

Язык, являясь частью патриархатного мира, отражает общественную ситуацию, которая посредством лексических концептов (мыслительных картинок, фреймов, инсайтов, сценариев, схем [3] автоматически привносится в процессы коммуникации. Долгое время язык «игнорировал» женщину, представляя её в актах коммуникации как маргинального субъекта, окрашивая порой её жизнедеятельность в минорные тона. Обратимся к паремииологии (науке, изучающей фразеологию вместе с фольклором).

Мужчина доминирует во многих пословицах и поговорках. В них отражена преимущественно мужская картина мира и мужская власть. Например, мужчине приписывалось:

«Первую дочь по семье бери, вторую – по сестре».

«Жена не стекло (можно побить)».

Выражается неполная принадлежность женщины к категории «человек»:

«Курица не птица, баба не человек».

«В семи бабах половина козьей души».

Имеет место тот факт, что с «мужским» ассоциируется всё позитивное, а с «женским» - всё негативное:

«Муж пашет, а жена пляшет».

«Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком».

Женская картина мира в русской паремиологии достаточно ярко выражена. Она охватывает такие области, как замужество, родственные отношения, материнство, любовь и т.д. Но женская доля окрашена в минорные тона:

«Хоть бита, да сыта».

«Как наденут венец - всему конец».

Концепт «женщина/баба» имеет в основном отрицательное значение, создающее негативный стереотип:

«Волос длинный, а ум короткий».

«Бабы умы разоряют дома» [4].

Таким образом, в русском языке женские и мужские миры представлены дихотомией или иначе бинарной оппозицией как негативный и позитивный с соответственно ярко выраженной гендерной иерархией в языке и гендерными языковыми стереотипами. Это явление наблюдается не только в русском языке, как отмечает отечественный исследователь в области гендерной лингвистики А.В. Кирилина, «андроцентризм присущ всем языкам, функционирующим в христианских и мусульманских культурах» [5].

В доказательство этого приведём исследования Н. Хенли [6]. Она выделяет три типа асимметрии, направленной против женщины, в системе языка, рассматривая их на примере английского:

1. Язык негативно оценивает женщину. Утверждение основано на результатах анализа мужских и женских номинаций. Было обнаружено, что соотношение положительно окрашенных лексем, номинирующих лиц мужского и женского пола, составляет приблизительно 3:1, а слов с негативной коннотацией по отношению к женщинам гораздо больше. Как правило, слово, номинирующее женщину, приобретает сниженный или пейоративный оттенок, то есть развивает второе, негативное значение. Приведём примеры:

Sir/ Madam (Madam может означать хозяйку публичного дома; параллельное значение для Sir отсутствует).

Считается, что современные значения коррелятов *sissy/buddy* (этимологически сокращенные формы от *sister/brother* (рус. *сестра/брат*) восходят к стереотипу взаимоотношений между братьями и сестрами: если слово *sissy* включает семы трусости, слабости, то *buddy*- слово положительно коннотировано.

В корреляции *lord-lady* социальная «сниженность» женской номинации реализуется путём семантического сдвига «женщина знатного происхождения»-«любая женщина» (аналог для *lord* отсутствует). Слово *lady* носит эвфемистический характер. Оно может выступать в качестве одного из компонентов в номинациях малопрестижных профессий. Например, *cleaning lady* (рус. *горничная, уборщица*) (в подобном контексте лексема *gentlemen* не употребляется) или *lady doctor* (рус. *женщина-врач*) (профессия приобретает снисходительный характер). В названиях серьезных трудов и организаций слово «*lady*» отсутствует и заменяется на слово «*women*». Например: *National Organization for Women; women's studies* (рус. *государственная женская организация; женские исследования*).

2. Язык игнорирует женщину. Наиболее часто в свете этой проблемы обсуждается функционирование слова *man* и ряда образуемых при его участии коллокаций (*man and wife, man and nature* (рус. *муж и жена, человек и природа*), компонент *man* в сложных словах (*mankind, chairman, policeman* (рус. *человечество, начальник, полицейский*)). Часто в контекстах, где гендерная принадлежность нейтральна, используется существи-

тельное *man* в значении человеческого существа. Данное явление характерно не только для английского языка, но и русского, немецкого, французского и др.

3. Язык стереотипизирует женщин и в меньшей степени мужчин. Заметное явление представляет собой гендерная стереотипизация по профессиональной принадлежности. Так, в качестве существительных *nurse*, *secretary*, и, реже, *teacher* (рус. *сиделка*, *секретарь*, *учитель*), как правило, выступают местоимения женского рода; стереотипизацией объясняется также и существование словосочетаний типа *woman doctor*, *woman driver* и *male nurse* (рус. *женщина-доктор*, *женщина-водитель*, *мужчина-сиделка*) в тех случаях, когда профессия традиционно воспринимается «как подходящая» только для одного пола.

Таким образом, в языке обуславливается андроцентричность. Женщина и в наше время рассматривается как маргинальный субъект культуры и определяется через фаллические значения культуры.

На гендерную коммуникацию сильно влияют гендерные стереотипы, которые представляют собой комплекс устойчивых и регулярно повторяющихся культурных и общественных норм, предписывающих полам формы социального и культурного поведения. Гендерные стереотипы закреплены в коллективном общественном сознании и меняются медленно. А.Кирилина отмечает: «В той или иной степени стереотипы-предубеждения воздействуют на каждого человека. Согласно укоренившимся представлениям, женщинам в обществе приписывается меньшая ценность, чем мужчинам» [7].

В действительности гендерные стереотипы очень живучи и в историческом развитии традиционно закрепили представления о «женском» и «мужском». Эти представления ретранслируются через материальную и духовную культуру посредством механизма социальной наследственности, безусловно, с привнесением конкретно-исторической надындивидуальной коррекции. Общество на протяжении веков отшлифовало в качестве «женского» всё пассивное, уступчивое, мягкое, гибкое, заботливое и т.д., в качестве «мужского» – всё активное, воинственное, прямолинейное, честолюбивое, волевое и т.д. И как результат репродуцируется основной гендерный стереотип: восприятие женского как второстепенного, несовершенно и слабого, а мужского – сильного и первейшего. Этот факт составляет гендерную асимметрию общества и в наше время.

Универсальными гендерными стереотипами являются следующие: оправдание доминирующего положения мужчины в приватной и общественной сфере; жесткое разделение ролей женщин и мужчин; признание доминантными для женщины рождение и воспитание детей, заботу о близких; существование двойных стандартов в оценке поведения полов.

Гендерные стереотипы выполняют определенные функции, и каждая из них продублирует асимметрию в положении полов в обществе. Рассмотрим их в изложении И.В. Васильченко.

Первая функция – ценностно-защитная – заключается в сохранении объектов, идей, взглядов, интересов, ценных для обоих полов. Мужчины как представители группы защищают своё главенство, свою власть, своё лидерство через стереотипное представление о своей роли в семье как основного «добытчика». Женщины часто защищают свою независимость, рассматривая кухню как личные владения.

Вторая функция – ориентирующая – обеспечивает «линию» поведения при осуществлении личностью, группой отношения к другому субъекту или явлению. У мужчин часто складывается мнение о женщинах как о глупых, сварливых, недалеких, обязанных обеспечить в доме уют и пропитание. Примером такого стереотипа может служить фраза: «Женщина из ничего может сделать три вещи: прическу, салат и скандал». У женщин имеются свои предубеждения по отношению к мужчине, которые далеко не позитивны. Чаще всего женские стереотипы в отношении мужчин определяются сле-

дующими выражениями: «все мужчины пьяницы и бездельники», «мужчина для того и нужен, чтобы зарабатывать», «мужчина в доме – это крест и обуза».

Третья функция – идентифицирующая – проявляется в сохранении тождественности личности с группой и своего в ней статуса, сохранении положительного группового «Мы - образа». Например, в сознании женщин стереотипизируется и их собственная роль. Они продолжают считать, что домашняя работа является их прямой обязанностью, независимо от того, работает она или нет и какую зарплату получает. Мужчины устойчивы в своем мнении, что даже если они не работают или приносят домой значительно меньше денежных средств, чем жена, они не должны заниматься домашней работой, так как это унижает их достоинство.

Четвертая функция стереотипа – когнитивная – видится в упрощении процесса объяснения человеком своего и чужого поведения. Представления о ролях мужчин и женщин распространяются на всех индивидов без учета личностных особенностей, специфики их сознания, образования, развития, профессии, класса и выражается в формировании гендерной ментальности.

Пятая функция – идеологизирующая. Социальные стереотипы формируют и сохраняют групповую идеологию, объясняющую и оправдывающую поведение группы. Мужчины и женщины часто используют фразу «так принято» [8].

На основании рассмотрения функций гендерных стереотипов можно заключить, что образцы мужественности и женственности очень глубоко закреплены в общественном сознании и в языковой коммуникации. Мы смотрим на мир сквозь «очки» стереотипов и каждый раз вольно или невольно продуцируем их в своем индивидуальном сознании.

Большое значение в гендерной лингвистике уделяется процессам формирования субъектно-субъектных отношений между полами в процессе коммуникации.

Субъектно-субъектная (интерсубъектная) форма коммуникации нацелена на утверждение принципов соединенности, взаимосвязности мужского и женского начал. Человечество разделено на два пола, и в определённой степени они оказываются непознаваемы друг для друга, но пути сближения их можно найти, следуя субъектно-субъектной форме отношений. При интерсубъектной форме отношений важен баланс между автономностью личности и сохранением пары, партнерских отношений.

Субъектно-субъектные отношения очень важны при формировании толерантности в коммуникации, так как они основаны на гуманистических принципах, эгалитарных ценностях и идеях плюрализма. Главным фактором интерсубъектных отношений является обоюдная ответственность мужчин и женщин за принятие решений, наличие общих прав и обязанностей, а также их высокий духовный, культурный и интеллектуальный потенциал. Это очень важно для создания позитивных аспектов гендерного взаимодействия в коммуникации

Библиографический список

1. Сапелкина Е.Е. Коммуникативное взаимодействие: социально-личностный контекст: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2002. С. 19.
2. Гоффман И. Гендерный дисплей// Введение в гендерные исследования. Ч. II. Харьков; СПб., 2001. С. 306-335.
3. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. 104 с.
4. Кирилина А.В. Гендер : лингвистические аспекты. М., 1999. 180 с.

5. Кирилина А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Автореф. дис. ... д-ра филол.наук.М., 2000.С.5.
6. Graddol D., Swann J. Gender voices.Cambridge, 1989.432 p.
7. Кирилина А. Гендерные стереотипы в языке // Женщина плюс... 2003. №1. (<http://www.owl.ru/content/womplus/p52412.shtml>).
8. Васильченко И.С. Гендерные стереотипы как элементы субъективной стороны социальных изменений // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Материалы международной научной конференции, Иваново, 25-26 июня 2002 г.: в 2 ч. Ч.II. История, социология, язык, культура. Иваново, 2002. С. 96 .

References

1. Sapelkina E.E. The communicative interaction: socio-personal aspect: Abstract, Candidate of philosophical Sciences. Rostov on the Don, 2002. P.19.
2. Goffman I. Gender display// Introduction to gender studies.- Part 2.-Kharkov, St. Petersburg 2001. P. 306-335
3. Babushkin A.P. Types of concepts into lexico-phraseological semantics of the language. Voronezh, 1996.104 p.
4. Kirillina A.V. Gender: linguistic aspects. M., 1999.180 p.
5. Kirillina A.V. Gender aspects of language and communication: Abstract, Doctor of philological Sciences.M., 2000.P.5.
6. Graddol D., Swann J. Gender voices.Cambridge, 1989.432 p.
7. Kirillina A.V. Gender stereotypes in language.Woman plus, 2003. №1. (<http://www.owl.ru/content/womplus/p52412.shtml>).
8. Vasilchenko I.S. Gender stereotypes as elements of the subjective aspects of social change// Gender studies and gender education in the Higher school. Materials of international scientific conference. Ivanovo, 25-26 June, 2002. Section 2.Part 2.History, sociology, language, culture. Ivanovo, 2002. P. 96.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPTS STUDIES

УДК 802/809:378.6.022

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет
Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации Ковалева Л.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 271-50-48;
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication, ,d-r of philologi-
cal sciences, professor Kovaleva L.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 271-50-48;
e-mail: kafedra_rus@mail.ru*

Л.В. Ковалева

РОЛЬ ОБРАЗНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ

В статье рассматривается проблема образности в процессе образования фразеологизмов разных языков, представляющую собой лексико-семантическую категорию и проявляющуюся при сопоставлении устойчивых словосочетаний. Образность при использовании одинаковых лексем по-разному реализуется в языках мира.

Ключевые слова: образность, межъязыковое пространство, взаимодействие культур, фразеологизм.

L.V. Kovaleva

THE ROLE OF FIGURATIVENESS IN THE PROCESS OF IDIOM FORMATION

The article considers the problem of figurativeness in the process of idiom formation in different languages as a lexical and semantic category which reveals itself in comparison of idioms. The figurativeness of the same lexemes is realized differently in the languages of the world.

Key words: figurativeness, interlanguage space, interaction of cultures, idiom.

В настоящее время диалог культур все больше привлекает внимание ученых-лингвистов. Сегодня существует огромное количество научных трудов, посвященных изучению данной проблемы. И это неудивительно. Повышенный интерес к данной проблеме обусловлен многими причинами, одной из которых является усиливающийся процесс глобализации, требующий преодоления языковых барьеров. В этом отношении большую роль играет язык, являющийся средством общения и взаимодействия культур.

Межъязыковое общение невозможно без более глубокого и «тщательного изучения мира (не столько языка, сколько мира) носителей языка, их культуры в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, национального характера, менталитета и т.п., потому что реальное употребление слов в речи, реальное речевоспроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива» [1; с.15].

Сходства и различия языков и культур можно выявить только путем сопоставительного анализа. По словам Ю.С.Степанова, «сравнительное описание норм двух языков вскрывает существующие в каждом языке словарные пробелы, «белые пятна» на семантической картине языка» [2; с. 120].

Свои трудности во взаимопонимании представляют фразеологизмы, выражающие национально окрашенное отношение к миру, системе ценностей, образу жизни, хранящие традиции той или иной этнокультурной общности. Они всегда привлекали особое внимание ученых-лингвистов в силу своей яркой национальной окрашенности. В то же время фразеосочетания являются ценным страноведческим материалом, поскольку в них наиболее очевидны этнолингвистические компоненты.

Известно, что основой концептуальной составляющей фразеосочетаний является образность, которая представляет собой лексико-семантическую категорию и проявляется при сопоставлении фразеологизмов. Она обнаруживает себя в способности обозначать определенное явление внеязыковой действительности «в ассоциативной связи с другим явлением, не тождественным обозначаемому, на основе реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой действительности» [3; с. 14]. Модель (картина) мира складывается из информации, поступающей из внешнего окружения, воспринимается органами чувств. Субъект является познающим, окружающая его действительность – познаваемое. Чтобы познающий мог познать познаваемое, между ними должна установиться определенная связь, то есть познаваемое должно воздействовать на органы чувств познающего, это и есть сам процесс познания, процесс создания образа. Фиксируя окружающий мир, органы чувств как бы создают внутренний план – образ, являющийся не предметом или явлением окружающего мира, а лишь сформированным в сознании психическим образованием, то есть отражением этих предметов и явлений. Однако познающим эти отражения воспринимаются как предметы. При исследовании национально-культурной специфики фразеосочетаний различных языков целесообразным представляется обращение к изучению образной составляющей, так как именно с образностью связан целый ряд культурных ассоциаций. Для описания проявления образности в межъязыковом пространстве в последнее время используется понятие «межъязыковая образность», которая рассматривается применительно к фразеологическим единицам разных языков, так как именно при данном исследовании можно обнаружить как языковые различия, так и универсальность образных составляющих. Еще Гумбольдт подчеркивал важность сопоставительного анализа. Он писал, что национальный язык представляет собой односторонность, которая при анализе дополняется другими языками: «Несколько точно изученных языков дополняют друг друга своими преимуществами и недостатками» [4; с.387]. Целью сопоставительных исследований Гумбольдт считал создание «систематической энциклопедии языков» как «всемирной истории мыслей и ощущений человечества» [5; с.389].

Поясним сказанное на примерах. Рассмотрим фразеосочетания немецкого языка с лексемой «**der Regen**» «дождь».

В немецком языке фразеосочетания с лексемой «**der Regen**» выражают негативное представление людей о дожде как об атмосферных осадках, падающих в виде водяного потока, который может намочить людей и принести им тем самым большие неприятности. Человек, попавший под дождь, может сильно вымокнуть и простудиться. В то же время теплый дождь, который падает на землю, способствует росту травы и сбору хорошего урожая.

«**Vor dem Regen unters Dach kommen**» (буквально – «до начала дождя спрятаться под крышу») - избежать опасности в последнюю минуту.

«**Aus dem Regen in die Traufe kommen**» (буквально – «попасть из дождя в водосточный желоб») - попасть из огня да в полымя. Образной составляющей фразеосочетания явилась обычная наблюдаемая немцами ситуация, когда человек, попавший под дождь, стремился спрятаться от него под крышу дома, но, не заметив водосточного желоба, встал под него. А из желоба большим потоком лилась дождевая вода, которая и окатила его с головы до ног. Переосмысление данной ситуации объясняет появление фразеологического значения - избежав одной небольшой неприятности, попадешь в другую, большую.

«Er gehört zu den Menschen, die immer vom Regen in die Traufe kommen» (Duden. Redewendungen).

«**Jemandem im Regen stehen lassen**» (буквально – «оставить кого-либо стоять под дождем») - бросить кого-либо в тяжелую минуту; не протянуть руку помощи.

«Schweigen heisst gleichzeitig, Sohn oder Tochter allein im Regen stehen zu lassen (Grossmann. Eine Liebe wie jede andere).

«**Ein warmer Regen**» (буквально - теплый дождь) - большая неожиданная выручка денег. Денотативная ситуация отражает наблюдения людей за природными явлениями: после холодных дней или засухи неожиданно пройдет теплый летний дождь, который способствует быстрому росту посаженных в огороде растений. Люди получают хороший урожай и, как результат, - большую прибыль.

« Die Gemeinderäte hoffen auf einen warmen Regen für die Gemeindekasse, wenn die Fabrik wie geplant erweitert wird» (Duden. Redewendungen).

Рассмотрим теперь фразеосочетания русского языка с лексемой «дождь».

Фразеосочетания с данной лексемой связаны с древними традициями язычества и до сих пор сохраняются в семантическом пространстве русского языка.

«**После дождика в четверг**» - неизвестно когда или вообще никогда. Данное фразеосочетание связано с древней языческой традицией: Перуну - богу дождя и молнии - возносили моления о дожде во время засухи. При этом считалось, что особенно охотно он исполняет их в свой день - четверг. Поскольку такие молитвы не раз оставались тщетными, то в народе стали говорить: исполнится после дождика в четверг, то есть никогда. [6; с.162].

« - Осенью в Москву поеду и закажу у мадам Сихлер два платья. Это будет рублей пятьсот стоить, а на остальные брильянтиков куплю. – Отлично. – Только если этих денег неостанет, так ты уж доплати. – Непременно, после дождика в четверг. Вот коли родишь мне сына, тогда и еще тысячу рублей дам» (М.Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).

«**Золотой дождь**» - о богатстве, больших денежных суммах (обычно добытых без особого труда). Фразеосочетание отражает древнегреческий миф о Зевсе, плененном красотой Данаи. Он проник к Данае в виде золотого дождя и оплодотворил ее [7; с. 142].

«Каким же образом дошла до такого состояния великая страна? Течение ее истории вдруг завертелось безобразным и диким омутом - конечно, не без помощи золотого дождя англо-американских займов» (Казакевич. Весна на Одере).

«Звездный дождь» - наблюдаемое ночью явление большого количества падающих метеоритов.

Рассмотрим теперь английские фразеосочетания с данной лексемой. В английской картине мира представление о дожде связано с неприятностью, небольшой бедой, когда человек, попавший под дождь, может полностью намокнуть. Здесь образ дождя, приносящий неприятность, совпадает с немецким представлением о дожде. Однако образ че-

го-то неприятного выражается по-другому. Например, «It's never rains but it pours» (буквально – «это не дождь, а ливень») – в переводе на русский язык означает – беда не приходит одна. Фразеологизм «Rain it seven, fine at eleven» (буквально – «дождь в 7 часов, прояснение в 11») – означает, выражаясь русской поговоркой, – семь пятниц на неделе. Известно, что Англия – страна туманов и дождей. Поэтому существует фразеологизм «Keep something for a rainy day» (буквально – «хранить что-либо на дождливый день»). Русский аналог – «Откладывать на черный день».

Таким образом, анализ трех языков показывает, что человек, наблюдая явления окружающей среды, выделил такую природную стихию, как дождь. Однако образ дождя по-разному реализовался в лексико-фразеологической системе этих языков. У русских, например, отсутствует негативное представление о дожде. Русский человек всегда молился о дожде, особенно в засушливые годы, и связывал это явление с божьим промыслом. В английском и немецком языках имеется негативное представление об этой природной стихии, поэтому образную составляющую концепта «дождь» составляют фразеологизмы, связанные с бедой, неприятностью. С лексемой «дождь» связаны и другие представления. Например, в Индонезии существует сезон дождей. Когда льют сильные потоки, трудно что-то различить или увидеть. Поэтому возник фразеологизм, означающий что-то невероятное, то, чего не бывает: «Дождь льет с земли на небо». Долгие затяжные дожди в Конго послужили возникновению фразеологизма «Любой дождь в конце концов прекращается», что соответствует русскому аналогу «Утро вечера мудренее». Курды во фразеологизме «Гром в небе – дождю быть» (русский – «Куда иголка, туда и нитка») говорят о зависимости стихии дождя, от другой стихии, предвещающей дождь, а именно, - от грома.

Рассмотрим теперь фразеосочетания с лексемой «трава».

В русском языке:

ФС «Травой порастить» - стать забытым, брошенным. Лексема «трава» означает «небольшое растение с однолетним мягким и тонким зеленым стеблем». В сочетании с лексемой «порастить» (зарастить, покрыться растительностью) лексема «трава» создает образ неухоженного, заросшего травой, брошенного людьми пространства. Соответственно, это фразеосочетание при метафорическом переосмыслении символизирует что-либо брошенное, забытое (явление или предмет).

«Тише воды, ниже травы» - робкий, скромный, незаметный человек. Данная фразеологическая единица построена на выделении таких качеств и признаков, как спокойствие, безмолвие воды и низкий рост травы. Лексема «низкий» несет значение «малый по высоте, находящийся на небольшой высоте от земли, от какого-нибудь уровня». Прилагательные «тихий» и «низкий», употребляемые здесь в сравнительной степени, подчеркивают выделенные признаки воды и травы. При употреблении фразеосочетания в коннотативном значении признак незначительности, незаметности переносится на описание характера человека, скромного, незаметного для окружающих.

«В один из тех коротких промежутков этой беспокойной полосы, когда Истомин переставал читать запоем, страстно увлекаясь и беснуясь, и, наоборот, становился неестественно смирен и грустный бродил тише воды, ниже травы, я зашел к нему» (Н.Лесков. Островитяне).

«Хоть трава не расти» - о полном безразличии, равнодушии к чему-либо. Трава, являющаяся зеленым покровом земли, растет быстро и везде, где возможно произрастание растений. Вид местности, лишенной травы (растительности) - явление редкое, оно вызвано определенными причинами. В статусе Д1 лексема «расти» реализуется как «произрастать, живя увеличиваться, иметься», но с частицей «не» получает противополо-

ложное значение, т.е. отсутствие этого действия. Лексема «хоть» актуализирует сему «безразличия». В результате абстрагирования от реального образа местности, лишенной растительности, происходит перенос актуализированной семы на поведение людей: отсутствие каких-либо чувств, проявления внимания или участия в чем-либо, полное безразличие, равнодушие ко всему.

«Гриша не может без того, чтобы не раздражать себя и отца длинными словоизвержениями; он не успокоится, пока не напугает себя вконец. - Вот ты увидишь! - продолжает он. Ахнуть не успеешь, как в Европе пойдет все шиворот-навыворот. Достанется на орехи! Тебе-то, положим, все равно, тебе хоть трава не расти, а мне - пожалуйста-те-с на войну!» (А.Чехов. Психопаты).

«**Худую траву из поля вон**» - что-либо вредное, опасное необходимо решительно устранить. Фразеосочетание отражает крестьянский способ борьбы с сорняками - вырывать их с корнем. Лексема «худой» означает «лишенный положительных качеств, не удовлетворяющий каким-либо требованиям», а лексема «вон» - «прочь, долой, требование убратся, уйти». При актуализации и переосмыслении данных сем фразеосочетание получает значение: убрать кого-либо мешающего из коллектива, кому-либо не место в обществе.

« Прусакова изменилась в лице. - И... и... куда тех? - Забыла? Худую траву - из поля вон! «В наш огород камешки», - догадалась Авдотья, холодея от подступившей к горлу мести» (Д.Снегин. В городе Верном).

Обратимся теперь к немецкому языку:

Лексема «Gras» (трава) означает в Д1 «небольшое растение с однолетним мягким и тонким зеленым стеблем», имеющее свойство быстро расти и покрывать собой землю, особенно там, куда никто не заходит. Как подметили немцы, густая трава растет обычно на могилах, а также под деревьями. Данная реалья легла в основу фразеосочетания «**Uber etwas ist Gras gewachsen**» (буквально - над чем-либо уже трава выросла) - былшем поросло, давно забыто.

«Es ist aber lange her und Gras ist daruber gewachsen» (Immermann. Munchhausen).

«**Das Gras wachsen hören**» (буквально – «слышать, как растет трава») - быть очень проницательным, обладать необычайно острым слухом. Фразеосочетание построено на необычности сочетания лексем «трава» и «слышать» (hören). Слышать в Д1 означает «различать, воспринимать что-либо слухом» с потенциальной семой «воспринять», то есть «распознать органами чувств». Невозможность слышать, как растет трава, на коннотативном уровне подчеркивает сверхтонкий слух человека или его большую проницательность.

«Aber dieser Schwitzke konnte das Gras wachsen horen: mit sechstem Sinn erspurte er, was seinen unmittelbaren Vorgesetzten eine Herzensangelegenheit war» (H.Kirst. 08/15).

«**Ins Gras beißen**» (буквально – «вгрызаться в траву») - умереть, протянуть ноги. Фразеосочетание базируется на денотативной ситуации, связанной с боевыми действиями, когда раненый воин падает на землю лицом в траву. Абстрагируясь от данной реалии, говорящие используют фразеосочетание в значении K1 - умереть.

«Otto Siebelt hieß dieser Sonderling, dessen stoische Ruhe Vorsetzende zur Raserei oder zu achselzuckendem Erstaunen brachte. Aber er hatte trotz alledem auch ins Gras beißen müssen. Während des Ruckzuges durch die Walder von Brjansk war es gewesen» (M.Schulz. Wir sind nicht der Staub im Wind).

В английском языке также имеются фразеосочетания с лексемой «трава». Рассмотрим их: «The grass is always greener on the other side on the fence» (буквально – «трава всегда зеленее по ту сторону забора»), русский аналог - «Хорошо там, где нас

нет». Образная составляющая данного английского фразеологизма связана с садоводством. Землю покрывали травой, впоследствии такое покрытие стали называть газонами. Несмотря на то, что данное слово имеет французское происхождение, эта реалья получила распространение именно в Англии. Еще в Средневековье английские газоны, с низко стриженной травой, ухоженные, ярко зеленые, вызывали зависть всего мира, восхищали многих. В 17 веке англичане стали использовать их местом игры в кегли и в гольф. Фрэнсис Бэкон писал: «Нет ничего приятнее для глаз, чем низко стриженная зеленая трава, которая красиво оформляет сад». Поэтому желание иметь красивый газон с сочной зеленой травой способствовало возникновению данного фразеологизма.

Следующий фразеологизм «To let grass grow under one's feet» (буквально – «позволить траве расти под ногами») означает бездельничать. «Mr. Plowden was not a suitor to let the grass grow under his feet...» (H.Haggard, The Witches Head) Понятно, если не стричь траву, она вырастает высокой, значит, что хозяин не следит за своим газоном, не трудится. На газоне, то есть на траве, можно отдохнуть.

В Англии можно увидеть в парках и садах много отдыхающих, сидящих или лежащих на траве. Отсюда и устойчивое словосочетание «to be at grass» (буквально – «быть, находиться в траве») – отдыхать, бездельничать. «Send out to grass» (буквально – «послать на траву») – уволить кого-либо, отправить на отдых. Высокая трава может что-то скрыть. Так, фразеосочетание «In the tall grass» (буквально – «в высокой траве») – означает забыть что-то, по-русски – «Прорасти травой забвения». Грубое выражение «go to grass» (буквально – «иди в траву») – «иди куда подальше». «Kick an issue into the long grass» (буквально – «пнуть вопрос (проблему) в высокую траву»), то есть разрешить конфликт, разногласие. «Snake in the grass» (буквально – «змея в траве») – скрытая вражда, «змея подколотная», «держат камень за пазухой».

Фразеосочетание «To hear the grass grow» (буквально - слышать как трава растет) имеет то же значение, как и в немецком фразеологизме. «between grass and hay» (буквально - между травой и сеном) – молодо-зелено; «green as grass» (буквально - зеленый как трава) – быть неопытным, не знающим жизни. Русский эквивалент данного фразеосочетания – молоко на губах не обсохло.

Таким образом, данная лексема имеет репрезентацию в трех анализируемых языках. Представляя собой одну и ту же реалию, то есть лексему «трава», носители анализируемых языков отражают в своих устойчивых фразеосочетаниях сознание носителей определенной культуры. Хотя фразеологизмы базируются на одной и той же лексеме, мы наблюдаем в каждом языке свою культурную интерпретацию. Это обогащает взгляд на концепт. Б.М. Гаспаров писал: «Как и всякое другое слово, «трава» не существует в языковой памяти в качестве изолированного и самодостаточного языкового объекта. Оно мыслится в составе множества коммуникативных фрагментов, каждый из которых в свою очередь способен разрастаться в более пространные выражения, втягиваясь в состав целых потенциальных сюжетов, тематических и жанровых полей. Любой образный отзыв, пробуждаемый словом «трава», каждый раз вписывается в более широкую коммуникативную среду, в которую для говорящего в данный момент погружено это слово. Образ «травы» выступает не как единичный знак, но в качестве неотъемлемой части некоего более широкого образного ландшафта, определяемого коммуникативной средой. Сколько бы я ни силился представить себе образ «травы как таковой», мне это не удастся; каждый раз он растворяется в целой образной среде, в которой он оказывается неотделимым от бесчисленных других образов, принадлежащих к той же среде в качестве ее аксессуаров: трава в лесу, в поле, во дворе, в комнате, в руке, под ногами, под стеклом, на рисунке. Каждой такой среде соответствуют в арсенале языковой памяти известные выражения и ходы их развертывания»[8; с.247].

Таким образом, можно констатировать, что фразеологизмы формируются на базе культурно-исторического развития конкретных стран и народов, на базе своеобразного национального понимания и категоризации окружающей действительности. Поэтому они имеют и национальный, специфический характер. Анализ показывает различия в наборе фразеологических единиц, поскольку в своей образной основе они отражают этнический быт, традиции, обычаи, которые являются сугубо специфическими.

Как показали примеры, различие может базироваться на разных ассоциациях при одинаковой образности, что объясняется различным уровнем развития культуры народа. Например, природные явления, обусловленные условиями существования, определяют одинаковые представления об окружающей действительности, что способствует возникновению фразеосочетаний, включающих в свой состав одинаковые лексемы (дождь, трава). Однако такие фразеосочетания даже при наличии в их составе одинаковых лексем, как показывает представленный материал, репрезентированы в языках в основном по-разному.

Библиографический список

1. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. 344 с.
2. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М. Школа, 1997. 824 с.
3. Юрина Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка. Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. Томск. 2005. 47 с.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс. 2001. 400 с.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс. 2001. 400 с.
6. Бирих А.К., Мокиенко М.В., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник СПб.: Фолио-Пресс. 2001. 700 с.
7. Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А.И.Молоткова. М.: Русский язык. 1987. 545 с.
8. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение. 1996. 352 с.

References

1. Ter-Minasova S.G. War and peace of languages and cultures. M., 2008. 344 p.
2. Stepanov Y.S. Constants. Dictionary of Russian culture: the experience of research. M., 1997. 824 p.
3. Yurina E.A. Complex research of figurative vocabulary of Russian language. Abstract of dissertation... doctor of philology. Tomsk, 2005. 47 p.
4. Humboldt V. Selects works on linguistics. M., 2001. 400 p.
5. Birikh A.K., Mokienko M.V., Stepanova L.I. Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book. SPb., 2001. 700 p.
6. Phraseological dictionary of Russian language. M., 1987. 545 p.
7. Gasparov B.M. Language. Memory. Image. Linguistics of language being. M., 1996. 352 p.

УДК 811.111

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации Зиновьева О.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)248-19-22;
e-mail: oksana.s.fil@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication, candidate of
philological sciences, associate professor
Zinovieva O.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 248-19-22;
e-mail: oksana.s.fil@mail.ru*

О.А. Зиновьева

КОНЦЕПТ «ЕВРОПА» В РУССКОЙ ПОЭЗИИ 2-й ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются лексические средства репрезентации концепта «Европа» в русской поэзии 2-й половины XIX века, исследуется содержание данного концепта на основании выявленных когнитивных признаков, а также раскрываются особенности концептуализации географического образа *Европа* в индивидуальном сознании русских поэтов данного периода.

Ключевые слова: концепт, когнитивные признаки, топонимы.

O.A. Zinovieva

CONCEPT «EUROPE» IN RUSSIAN POETRY OF THE 2ND PART OF THE 19TH CENTURY

The article sites the lexical means that represent the concept “Europe” in Russian poetry of the 2nd half of the 19th century. The content of the concept is researched on the basis of the cognitive features revealed and the specificity of the conceptualization of geographical image of Europe in individual mind of Russian poets of that period is opened.

Key words: concept, cognitive features, placenames.

Прежде чем говорить о концепте *Европа* в русской поэзии 2-й половины XIX века необходимо проанализировать исторические и культурологические предпосылки формирования данного концепта в русском национальном сознании.

Для общественной мысли XVIII- начала XIX вв. принадлежность России к культурно-исторической системе Западной Европы была очевидным фактом. Уже к концу XVII века усилиями Петра I «древнерусские традиции решительно отодвигаются на второй план, европеизм – ориентация на Западную Европу – становится определяющим и даже принудительным...»[4; с.270]. Импульс, сообщённый Петром всему русскому культурному строю, стал мощным стимулом на пути дальнейшего преобразования империи, благодаря которому «Россия, проделав огромный путь общественно-политического и художественного развития, выходит к XIX веку на равных правах со всеми государствами Западной Европы, а из единоборства с Наполеоном – и победительницей» [4; с.270].

К началу XIX века русская общественность проявляет повышенный интерес к западной культуре. В социальной среде появляются франкоманы, англomаны, для которых эталоном вкуса становится европейский уклад жизни. Возникают понятия аристократия, аристократизм, дендизм и т.д.

Как полагает Н.Я.Данилевский, «аристократия, аристократизм в применении к России и к русскому обществу не означали и не означают ничего другого, как светский лоск и тон, господствующий в богатых столичных домах, – ничего другого, как людей, в течение нескольких поколений успевших, с значительной степенью совершенства, перенять манеры прежних французских маркизов или нынешних английских лордов. Другого смысла русский аристократизм, русская аристократия не имеют» [2; с.280].

Дендизм возникает «как особая модификация английских традиций щегольства и джентльменства, а с 1820-х годов становится общеевропейской модой» [1; с.52]. Как отмечает Ольга Вайнштейн, «золотой век дендизма – девятнадцатое столетие. Именно в это время в Англии, а затем и во Франции дендизм сложился как культурный канон, включающий в себя и искусство одеваться, и манеру поведения, и особую жизненную философию» [1; с.18]. Как известно, в России первой половины XIX века ярким представителем дендизма можно назвать П.Я.Чаадаева. Как полагает Ю.М.Лотман, «П.Я.Чаадаев может быть примером утончённой моды. Его дендизм заключается не в стремлении гнаться за модой, а в твёрдой уверенности, что ему принадлежит её установление» [3; с.75].

К образу блестящего денди стремился и А.С.Пушкин. В поэме «Евгений Онегин» Пушкин знакомит читателя с типичным денди своего времени – Онегиным, который «как денди лондонский одет».

Многие образы европейской действительности формируются на базе русской когнитивной системы, присваиваются русским сознанием как «чужие» коды.

Можно сказать, что концепт *Европа*, как и другие географические концепты, обладает определённой этнокультурной спецификой, и его характерные ментальные признаки наиболее ярко аккумулируются в отдельных ментальных образах: Древний Рим, Англия, Франция, Германия и т.д.

Англия дарит Байрона, предстаёт «владычицей морей» и «финансовой столицей». Испания вдохновляет нежными серенадами, южной природой и дикой корридой. Германия притягивает поэтов высокими идеями, университетами (Гёттинген, Дерпт) и прекрасными курортами (Зальцбург, Баден-Баден, Гастуна, Гаштейн, Карлсбад).

Италия покоряет поэтов древними искусствами, роскошной природой и романтической гондолой. В русском культурном сознании образ Италии часто соотносится с образом *Древнего Рима*. Образ *Древнего Рима* становится концептуальной доминантой в поэзии XIX в.

Наряду с *Италией*, базовым концептом в русской поэзии XIX – начала XX вв. становится также *Франция*. Париж был центром европейского Просвещения, светской культуры, «отечеством всех предрассудков», «модных идей». По словам Н.Я.Данилевского, Франция – это «вся история Европы»: «можно знать превосходно историю Англии, Италии, Германии и всё-таки не знать истории Европы; будучи же знаком с историей Франции, знаешь, в сущности, и всю историю Европы. Франция была всегда камертоном Европы, по тону которого всегда настраивались события жизни прочих европейских народов» [4; с.235].

В русской поэзии 2-й половины XIX в. ключевые концепты формируются главным образом на основе лексической сочетаемости выбранных топонимов, служащих для наименования территории государств Западной и Восточной Европы.

В своем докладе мы рассмотрим признаки основного концепта *Европа* в творчестве поэтов указанного периода.

В поэзии 2-й половины XIX века в содержании концепта *Европа* выявлены следующие признаки:

1. Европа – совокупность западноевропейских стран.

В Европе удобно, но родины ласки
Ни с чем несравнимы. Вернувшись домой,
В телегу спешу пересесть из коляски...
(Н. Некрасов, *Дома – лучше!*, 1868)

2. Европа – средневековый мир Западной Европы.

*От Индии и от пустынь Турана,
От вечно голгофского креста,
Сквозь тёмный мир Европы феодальной –
К горящему меня привёл он граду...*
(А. Майков, Жуковский, 1883)

3. Европа – большая семья.

*И до сих пор упрямый старый туз
Твердит одно: «Европа есть обширный
Салон, где всякий – немец иль француз –
Своя семья! У всех один, всемирный,
Тон, образованность, и ум, и вкус!»*
(А. Майков, *Княжна*, 1874-1876)

4. Европа – территория раздора.

В Европе слишком много кровью
Сама земля напоена;
Враждой упорной, не любовью
Взрастила чад своих она...
(А. Майков, *Памяти Державина*, 1853)

5. Европа – страны Просвещения.

*С рассветом корабли придут –
Он кажет вдаль рукой державной;
Они с собою привезут
Европы ум в наш край дубравный...*
(Н. Огарёв, *Юмор*, 1867)

6. Европа – антропоморфный образ.

*Глазам Европы изумленной
Предстанет русский исполин,
И на Руси освобождённой
Явится русский гражданин.*
(Н. Добролюбов, *Дума при гробе Оленина*, 1855)

Всего примеров с топонимом *Европа* в поэзии второй половины XIX в. было собрано – 42.

Таким образом, в творчестве поэтов 2-й половины XIX века концепт *Европа* репрезентирован признаками, актуальными и в поэзии начала века, и сохраняющими в большинстве примеров художественную поэтичность образа Запада.

Библиографический список

1. Вайнштейн О.Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 640с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 640с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. – С.-Петербург: Искусство – СПб, 2004. –704с.
4. Малая история искусств (Искусство XVIII века)// А.М.Кантор, М.:Искусство, 1977. – 373 с.

References

1. Vainstein O.B. Dandy: fashion, literature, lifestyle. M., 2005. 640 p.
2. Danilevsky N.Y. Russia and Europe: view on cultural and political relationship between Slavonic world and Roman and Germa one. M., 2003. 640 p.
3. Lotman Y.M. Semiosphere. SPb., 2004. 704 p.
4. Minor history of arts (Art of the 18th century). M., 1977. 373 p.

Правила оформления статей в Научном Вестнике

Уважаемые авторы, пожалуйста, следуйте правилам оформления статей для опубликования в Научном Вестнике.

Статьи представляются в электронном виде. Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4. Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) Аннотацию на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) Ключевые слова на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) **Библиографический список** на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см. **Выравнивание текста – по ширине.** Для обеспечения однородности стиля не подчеркивайте текст. Отступ первой строки абзаца – 1 см. Не допускается для оформления статьи использовать Open Office. Просим, при наборе текста используйте клавишу «ПРОБЕЛ» только по основному назначению – для отделения одного слова от другого, для этого достаточно нажать клавишу «Пробел» **1 раз**. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал.

Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм).

Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы - пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54-67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТа. После слов **Библиографический список** точка или двоеточие **не ставятся**. *Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, красная строка 1 см. Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.*

В одном номере публикуются не более двух статей одного автора.

С уважением, редакционная коллегия серии

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
Кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics,
PhD, senior lecturer Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, phone: +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег. На материале поэзии XIX – начала XXI вв. выявляются образы, созданные по моделям «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*» и «*некий объект как первый снег*», тем самым устанавливается эстетическое значение сочетания *первый снег* и определяется круг реалий, при описании которых актуализируется образ первого снега.

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow. The images created according to the models «*the first snow as an object having certain features*» and «*an object like the first snow*» are described on the basis of poetry from the 19th to the early 21st c. It helps to reveal the aesthetic meaning of «*the first snow*» and to determine the range of objects whose descriptions contain actualized images of the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренний» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как первый снег (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относятся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с узуальным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал,*

Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Никулин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая первый снег с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатой брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибутивы с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колочим снегом / Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля* (А. Жигулин), *На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой!* (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», относятся контексты, актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабоченный, растерянный*). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоём огонек* (Л. Пальмин), *Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток* (С. Есенин), *Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село* (К. Ваншенкин), *Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерня. / На твоих ресницах / тает первый снег...* (Р. Рождественский), *Пусть падают листки календаря, / пусть будет долог жизненный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было...* (О. Берггольц), *Погода напомнила / Осень в Тайшете / И первый на шпалах / Колочий снежок* (А. Жигулин), *Первый снег мне бы-лое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе* (Б. Поплавский), *О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна* (Л. Мочалов).

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеду / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил* (С. Есенин), *Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду* (К. Ваншенкин), *А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша* (Н. Браун), *По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется* (Т. Алферова), *[О первом снеге. – Н.М.] <...> Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя!* (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувялся снег. / Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.*

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно*

чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узуального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обусловливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой*. Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега

на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстовыми семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразием поэтических индивидуально-авторских систем.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется первый снег, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), седины: *Ветр власы его взвевает, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина), в конце XIX в. при описании небесного тела: *<...> светлая лазури высота / Горит незыблемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функционировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег...* В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатле-

ний от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И тает первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельный компонент *на сердце* в конструкции *тает первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *тает*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первозданная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: текучесть времени, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега*

первого белее. Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрастая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск №10, 2013 г.

Научный журнал

Подписано в печать _____.____.2013. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 17. Усл.-печ. л. 18. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства учебной и учебно-методической литературы Воронежского ГАСУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84